

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONTI BVSEI SIN
IO LACTABAT COR
CRUDE LIS ALEXI NI
CARMINI NOS TRI
RE MORI M F DN VN
MONTI BVSEI SIN
IO LACTABAT COR
CRUDE LIS ALEXI NI
CARMINI NOS TRI

2 / 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *М. В. Трифоновой*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 06.06.23.
Выход в свет 13.06.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 19,8.
Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 500 экз. Заказ 281.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: ruslang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate III № ФС77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M. V. Trifonova*
Imposition by *M. V. Trifonova*

Approved for printing 06.06.23.
Date of publication 13.06.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 19,8.
Ac.-publ. sh. 16,0.
Circulation 500 copies.
Order 281. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Амаев А. Л.</i> Особенности использования идиом политиками (на примере английского и американского политического дискурса)	5
<i>Budykina V. G., Polyakova O.</i> Corpus-driven lexicography: historical review and recent applications to higher education terminology.	12
<i>Журавлев А. П.</i> Идеографическая модель терминополья как инструмент оценки профессиональных знаний	20
<i>Журкова М. С., Олизько Н. С.</i> Метатекст как способ формирования смысла художественного произведения.	30
<i>Зиновьева А. Ю.</i> Неоднозначность и синкретизм концептуальной структуры русскоязычного корпуса предметной области.	38
<i>Зорина Н. В., Максимова К. С.</i> Языковые тенденции в переводе сравнительных обзоров IT-сферы.	47
<i>Каменева В. А., Картавцева А. П., Коломиец С. В., Морозова И. С.</i> Корреляция ассоциативных полей <i>Шерегеш</i> и <i>турист</i> в языковом сознании шорцев школьного возраста	55
<i>Каприелова В. В.</i> Особенности семантики и употребления модально-оценочных синтаксем со структурой <i>не + сущ.</i> в И. п.	63
<i>Каргина Е. М.</i> Анализ семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений (на материале немецкого языка)	71
<i>Лазарева Я. В.</i> Территориальный вариант немецкого языка Австрии: грамматические и лексические трансформации	80
<i>Раджапова Р. Р.</i> Фразеологические единицы как экспликатеры речевого акта в текстах русской деловой письменности XVII–XVIII вв.	90
<i>Ростовцева С. А., Таскаева А. В.</i> Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «врач-хирург»	99
<i>Лантух М. С., Селютина Е. А.</i> Специфика трансфера художественного текста из эпоса в драму (на примере пьесы В. Сигарева «Алексей Каренин»)	108
<i>Сорокина Э. А., Хмельницкая К. Ю.</i> Когнитивно-квантитативный метод отбора терминов для лингвокогнитивного анализа отраслевой терминологии (на примере терминологии логистики)	117
<i>Сухова Е. А.</i> История связанного корня *тѣк	126
<i>Хакимова Е. М.</i> Медиабулимия: осмысление концепта носителями языка	134
<i>Хамаева Е. А.</i> Проблемы перевода иностранных антропонимов на китайский язык	142
<i>Шелестюк Е. В., Щетинкина Е. А.</i> Стохастичность и энтропия в лингвистике	150
<i>Шустова С. В.</i> Рецензия на монографию «Мир языка и национальная культура: взгляд из современности» (Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк). Челябинск, 2021. 240 с.	166

CONTENTS

<i>Amaev A. L.</i> Features of the use of idioms by politicians (case study of the English and American political discourse)	5
<i>Budykina V. G., Polyakova O.</i> Corpus-driven lexicography: historical review and recent applications to higher education terminology	12
<i>Zhuravlev A. P.</i> Ideographic model of a terminological field as an instrument for professional knowledge evaluation	20
<i>Zhurkova M. S., Olizko N. S.</i> Metatext as a way to form the meaning of a fiction work	30
<i>Zinoveva A. Yu.</i> Conceptual ambiguity and syncretism in a Russian domain corpus	38
<i>Zorina N. V., Maksimova K. S.</i> Language trends in the translation of the IT sphere's comparative reviews	47
<i>Kameneva V. A., Kartavtseva A. P., Kolomiets S. V., Morozova I. S.</i> Correlation of associative fields sheregesh and tourist in the language consciousness of school-aged Shorians	55
<i>Kaprielova V. V.</i> Semantics and Usage of Syntaxemes with Modal-evaluative Meaning (Having Structure ne + Noun in Nominative)	63
<i>Kargina E. M.</i> Analysis of semantic and syntactic features of motivated introductory sentences (based on German language material)	71
<i>Lazareva J. V.</i> Austrian German: grammatical and lexical transformations	80
<i>Radjapova R. R.</i> Phraseological units as explicators of a speech act in the texts of Russian business writing of the 17 th –18 th centuries	90
<i>Rostovtseva S. A., Taskaeva A. V.</i> Conceptual component of linguistic and cultural type “doctor-surgeon”	99
<i>Lantukh M. S., Selyutina E. A.</i> Specifics of literary text transfer from epic to drama (using the example of “Alexei Karenin” by V. Sigarev)	108
<i>Sorokina E. A., Khmel'nitskaya K. Yu.</i> Cognitive-quantitative method of terms collection conducted for linguocognitive analysis of the special field terminology (on the basis of logistics terminology)	117
<i>Suhova E. A.</i> The history of the bound radix *mъk	126
<i>Khakimova E. M.</i> Mediabulimia: interpretation of the concept by native speakers	134
<i>Khamaeva E. A.</i> Problems of translating foreign anthroponyms into the Chinese language	142
<i>Shelestyuk E. V., Shchetinkina E. A.</i> Stochasticity and entropy in linguistics	150
<i>Shustova S. V.</i> Review of the monograph “The world of language and national culture: a view from the present” (TA Vorontsova, EI Golovanova, O.N. Kovaleva, SA Pitina, EV Shelestyuk). Chelyabinsk; 2021. 240 p.	166

Научная статья

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДИОМ ПОЛИТИКАМИ (на примере английского и американского политического дискурса)

Ахмед Лечиевич Амаев

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия, akhmad7@mail.ru

Аннотация. Политический дискурс занимает важное место в жизни общества и является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Это также способ взаимодействия между политиками и населением. Многие политики используют различные стилистические приемы, чтобы оказать существенное влияние на общество. Одним из самых распространенных приемов являются идиомы. Идиомы помогают влиять на слушателей, в какой-то степени манипулировать их сознанием; они привлекают слушателей своей яркостью. Понимание значений идиом очень важно для определения смысловой нагрузки сообщения, это сложная задача, учитывая разницу в языковом и культурном восприятии. В данной статье рассматриваются и анализируются идиомы в политических речах политиков Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Ключевые слова: политика, политический дискурс, идиома, семантические значения

Для цитирования: Амаев А. Л. Особенности использования идиом политиками (на примере английского и американского политического дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 5–11.

Original article

FEATURES OF THE USE OF IDIOMS BY POLITICIANS (case study of the English and American political discourse)

Ahmed L. Amaev

Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia, akhmad7@mail.ru

Abstract. Political discourse occupies an important place in the life of society and is an integral part of intercultural communication. It is also a way of interaction between politicians and the population. Many politicians use various stylistic techniques to have a significant impact on society. One of the most common, which are idioms. Idioms help to influence listeners, to some extent manipulate their consciousness; they attract listeners with their brightness. The relevance of this work is determined by the fact that understanding the meanings of idioms is very important for determining the semantic load. Understanding the meanings of an idiom is a very difficult task, given the difference in linguistic and cultural perception. This article examines and analyzes idioms in the political speeches of politicians of the United States and Great Britain.

Keywords: politics, political discourse, idiom, semantic meanings

For citation: Amaev AL. Features of the use of idioms by politicians (case study of the English and American political discourse). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):5-11. (In Russ.).

Введение

Политический дискурс играет огромную роль в современном информационном пространстве. Именно поэтому в последнее время возрос интерес лингвистов к проблемам этой об-

ласти. Политический дискурс — это система речевого взаимодействия и коммуникационных процессов в политической сфере. В соответствии с концепцией, разработанной А. Н. Барановым и Е. Г. Казакевич, политический дискурс — это совокупность различных речевых действий, используемых в политических дебатах

и дискуссиях. Политический дискурс — это набор жанров, явно ограниченный политической сферой. Эти жанры включают парламентские и предвыборные дебаты, партийные программы и выступления политических деятелей [8. С. 78].

Главной отличительной чертой политического дискурса являются завуалированные цели говорящего. В англоязычных СМИ для решения этой проблемы используется целый ряд различных средств выражения, особое место среди них занимают идиоматические выражения [4. С. 105].

Идиомы — способ выражения, свойственный языку или человеку; фраза или выражение, имеющее особое значение от употребления или особым грамматическим характером, или своеобразным составом языка; своеобразная форма или разновидность языка. Это выражение с особым значением, отличным от значения отдельных слов. Смысл всего выражения не определяется смыслом входящих в него слов. Часто значение идиомы трудно угадать, понять из входящих в нее слов, если вы с ней не знакомы [9. С. 6]. Одним из первых начал анализировать идиоматику как отдельную отрасль науки швейцарец Шарль Балли. В англоязычной лингвистике идиомы изучались Логаном П. Смитом, В. Х. Коллинзом, Ф. Т. Вудом и Р. Дж. Хиллом и другими. Значительный вклад в изучение русских и зарубежных (в том числе английских) идиом внесли отечественные лингвисты А. В. Кунин, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова и др.

Идиома используется как единое выражение, нередко не подлежащее дальнейшему разложению и не допускающее перестановок компонентов внутри себя. Во многих случаях, однако, происходят декомпозиция и контаминация идиом и фразеологизмов, которые позволяют увидеть парадоксальность ситуации, способствуют ироническому представлению ситуации, реализуют значимую игру слов.

Идиомы в политической речи выполняют разнообразные функции. Они придают речи образность, наполняют ее живостью, создают «эффект обратной связи» с аудиторией. Они влияют на слушателей, позволяя говорящим таким образом манипулировать сознанием, привлекая своей яркостью, выразительностью и ярко выраженным эмоциональным окрасом. С помощью идиом, которые воспринимаются осмысленно в зависимости от контекста, усиливается эстетическая сторона речи [1. С. 19].

Идиоматические выражения помогают конкретизировать мысли [4. С. 231]. Политики, ис-

пользуя идиомы, выражают свое отношение к тому или иному событию или явлению. Они также используют идиомы для того, чтобы озвучить свои цели и планы. Эти изобразительно-выразительные средства способствуют фамильяризации и интимизации коммуникации, помогают политикам завоевать народную поддержку, что приводит к одобрению и легитимизации их политики.

Осуществление коммуникации в рамках политического дискурса без использования идиом почти невозможно. Это особенно касается англоязычного публицистического стиля, в котором преимущественно оформляется этот дискурс и который диктует канон идиоматичности, фактологичности, конкретно-понятийного лексического наполнения, персонализированной грамматической доминанты.

Методы и материалы исследования

Данная статья основана на системном когнитивном междисциплинарном подходе, благодаря которому мы учитываем антропоцентрический фактор, лингвистическую и нелингвистическую информацию, осуществляем межкультурный анализ. В процессе исследования используются такие лингвистические методы, как сплошной анализ, семантический, сопоставительный, метод классификации, а также метод контекстуального анализа.

Основным материалом исследования идиом являются выступления и интервью политических деятелей США и Великобритании, их инаугурационные речи, интервью, выступления, представленные в газетах “The Guardian”, “New York Times”, “The Washington Post”. Важным источником является Corpus of Contemporary American English (Корпус современного американского английского языка).

Результаты

Политики часто употребляют идиомы и нередко сами выступают в роли авторов таких высказываний. Как упоминалось выше, использование таких выражений позволяет политикам четко выразить свою мысль и установить контакт с избирателями [12].

Рассмотрим примеры политических идиом американских политиков. В инаугурационной речи Рональда Рейгана имеется множество идиом с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской. Говоря об экономике, он использует идиому **go forward**: «Business of our nation

goes forward». Это выражение используется для обозначения развития сферы бизнеса. Продолжая речь, Рейган произносит следующую фразу: «All of us together, in and out of government, must bear the burden». Идиома **bear the burden** — *нести бремя* означает выполнять свои обязанности, не всегда приятные, но необходимые. Политик также использует выражение **get a free ride**, которая означает *жить за счет другого*. «It is, rather, to make it work, work with us, not over us; to stand by our side, not get a free ride», в котором призывает людей работать, а не бездельничать.

В своей речи у Бранденбургских ворот в Берлине 12 июня 1987 г. Рейган, говоря о берлинцах, использует следующее выражение: «Berliner heart, Berliner humor, yes, and a Berliner **ar-rowy tongue**». Идиома придает выразительность высказыванию, дает отсылку к черте характера немцев и помогает создать эффект близости к людям.

Джордж Буш-младший часто прибегает к использованию философских и религиозных идиом, которые содержат оценочные компоненты. Таким образом он пытался увеличить доверие граждан к себе и вызвать у них эмоции. Например, «Good will begets good will. Good faith can be a spiral that endlessly moves on». **Good-will** — добрая воля, добросовестность, честность. **Good faith** — добросовестно.

В инаугурационной речи в 2001 г. Дж. Буш-младший использует идиому в сочетании с олицетворением: «America, **at its best**, is compassionate». Таким образом, он сравнивает нацию с человеком и наделяет ее сочувствием [14].

Довольно часто Буш употребляет идиому **to make sure** — обеспечивать. Этой фразой он призывает граждан и людей во власти быть ответственными, например, «And I ask you to make sure that Congress hears your voices».

Идиома **One bad apple spoils the lot** — Одно плохое яблоко портит весь воз [14] в трансформированном виде использована Б. Обамой для характеристики алчности финансовых кругов США: «This was not a normal part of the business cycle. This was not the actions of a few bad apples» [11]. Обама преобразовывает идиому **One bad apple spoils the lot**, употребляя слово **apple** во множественном числе. Таким образом президент подчеркивает серьезность злоупотреблений, способствовавших возникновению кризиса в экономической сфере и в сфере образования.

To seek common ground — искать точки соприкосновения [15].

«If Democrats do poorly in November, however, Obama may have **to seek common ground** with a newly resurgent GOP that could control both chambers of Congress» [15]. Данной фразой Б. Обама подчеркивает необходимость найти нейтральное, устраивающее обе партии решение очередной экономической проблемы.

A lame duck — политический деятель, который завершает свою политическую деятельность и не избирается на новый срок. В своей прощальной речи Б. Обама произнес следующие слова: «You can tell that I'm a lame duck, because nobody is following instructions», чем обозначает в определенном смысле снятие с себя ответственности.

Дональд Трамп использует много идиом в своей речи, уделяя особое внимание экономической политике: «We are going to start the engine rolling again, because... right now, our country is dying at 1 percent GDP». Дональд Трамп использовал идиому **to start the engine rolling** — запустить двигатель, чтобы уделить особое внимание необходимости поиска путей нового экономического развития. Еще один пример из речи Трампа: «Now, our jobs have been taken away, they've gone to Mexico, it's a one-lane highway where they get the jobs». Данная фраза содержит идиому **a one-lane highway** — однополосное шоссе.

Иногда Трамп объединяет две идиомы в одну, например: «He violates the red line in the sand, and he made so many mistakes»: **to violate the red line** — нарушить красную черту [15], что означает отсутствие возможности вернуться, и **to draw a line in the sand** — провести черту на песке [16], что означает забыть прошлое, намекая на необходимость забыть проблемы прошлого и найти новые решения.

Американский политик Хиллари Клинтон также использует идиомы в своей речи, выражая свои идеи, например: «It's wrong to take tax breaks with one hand and give pink slips with the other». Значение идиомы **give pink slips** связано с жизнью американского общества: когда работников увольняют, они получают розовые конверты.

А. Шварценеггер, говоря о кризисе в Калифорнии, произносит следующую фразу: «The dream of a new nation is falling apart», «лететь к черту», «рассыпаться в прах». В этом контексте **fall apart** — «развалиться на части» является идиомой и означает полный провал планов. В предложении «Our founding fathers knew that the fate of the union is in their hands» отмечается идиоматический оборот **founding fathers** —

отцы-основатели. Выражение имеет индейское происхождение, его значение — предок.

Рассмотрим несколько цитат из выступлений британских политиков. **You've never had it so good** — Вам никогда еще не было так хорошо. Этот политический лозунг 1950-х гг. использовался, чтобы убедить электорат в том, что их судьбе лучше всего помогает партия власти. Выражение «Вам никогда еще не было так хорошо» стало популярным благодаря Гарольду Макмиллану, который был премьер-министром Великобритании с 1957 по 1963 г. и который, в свою очередь, заимствовал его из политического дискурса США. В 1957 г. Макмиллан выступил с речью в Бедфорде (Великобритания) перед своими коллегами-консерваторами, в которой высказал мнение о том, что большинству британцев никогда еще не было так хорошо.

Рассмотрим речь Елизаветы II, произнесенную в 2015 г. на открытии парламента. Высокий уровень официальности ее речи обуславливает присутствие лишь небольшого количества фразеологизмов. Рассмотрим некоторые из них.

Идиома **play the leading role** означает «играть ведущую роль». «My Government will continue to play a leading role in global affairs» [10]. Это означает намерение продолжать предпринимать шаги к тому, чтобы страна занимала лидирующую роль в мире.

В предложении «My Government looks forward to an enhanced partnership with India and China» используется распространенное выражение **look forward to** — «ждать с нетерпением», которое в контексте этой речи выражает надежду на сотрудничество.

В одном из предложений содержится выражение «**look for**», оно не имеет эмоциональной коннотации, но является исторически устоявшейся конструкцией и относится к категории идиом. «They are looking for ever more dramatic outrages to affect upon the people they claim to be their enemy». В предложении «We were holding back on telling the public» встречается идиома **hold back** — «воздерживаться от чего-либо», которая также содержит неяркий образ.

Маргарет Тэтчер активно использует идиомы и другие средства выразительности, чтобы сделать свою речь яркой, привлечь внимание слушателей, заслужить их одобрение и побудить их к действию. Фразой «We are the people who have received more Nobel Prizes than any other nation except America, and head for head we have done better than America, twice as well in fact» Тэтчер

пытается утвердить успех своей политики и добиться признания электората. Помогает ей в этом идиома **head for head**, русский эквивалент которой — «если сравнить по числу людей и их достижений».

Выступление в Кенсингтонской ратуше содержит устойчивое выражение **by heart** — наизусть, досконально. «They know them all by heart; they reel off the facts and figures, claiming this is the rich harvest of this system» [10]. В английском языке эта идиома не имеет яркой коннотации, но тем не менее она делает речь более выразительной.

Для сравнения позиции, которую Великобритания занимала в прошлом, с той, которую она занимала во время Тэтчер, в одном из своих предложений Тэтчер использует идиому **hark back** — возвращаться к прошлому. «We're not harking back to some nostalgic illusion about Britain's role in the past» [10]. В данном случае это выражение означает «не тешить себя иллюзиями».

Одна из произнесенных Тэтчер фраз — «rewriting British history as centuries of unrelieved gloom, opposition and failure» [10] — содержит идиому **hopeless gloom** безнадежный мрак [10]. Использование этой конструкции подчеркивает неприемлемость изображения прошлого государства как безнадежного, мрачного.

Бывший британский политик Николас Клегг, вице-президент по глобальным вопросам и коммуникациям, часто использует идиомы в своей речи. В контексте «Your decision made sure that the difficult choices needed to get us stuck in the rut, but taken with compassion and a sense of fairness...» идиомой **stuck in the rut** он описывает проблему, связанную с миграцией, призывая правительство быть последовательными и не искать легких путей.

Talk the talk — говорить, не предпринимая никаких действий, **not walk the walk** — в контексте — бездействовать. Еще один пример, взятый из интервью Ника Клегга: «If you are trying to convince people to trust you again, which was Mary's question, into politicians, then it's just not good enough to just talk the talk and not walk the walk». Идиома выражает сильное желание действовать, а не просто обещать [16].

Далее рассмотрим цитату из речи премьер-министра Джона Мейджора от 02.05.1997, приуроченной к его уходу с поста: «When the curtain falls, it is time to leave the stage». **Curtain falls** — занавес опускается (дело приходит к концу) [16]. Этой фразой Мейджор обозначает конец своей деятельности в роли премьера.

Рассмотрим фразу первой речи Дэвида Кэмеро-

на в качестве премьер-министра Великобритании, в которых употребляется фразеологическое сочетание **to pay tribute** — отдать дань уважения, принести благодарность [15]:

«I'd like to pay tribute to the outgoing prime minister for his long record of dedicated public service». «Я хотел бы отдать должное уходящему премьер-министру за его долгую преданную государственную службу» [7. С. 1566]. Дэвид Кэмерон использует эту фразу, чтобы выразить свое уважение и почтение своему предшественнику Гордону Брауну, это выражение также может помочь ему заручиться поддержкой и доверием как населения, так и других политиков.

В предложении: «And I think the service our country needs right now is to face up to our big challenges...» содержится выражение **to face up to big challenges**, которое означает необходимость противостоять трудностям, а также имплицитно уверенность в собственных силах и силе народа. Эта идиома призвана укрепить дух людей, мотивировать и мобилизовать их на действия. В русском языке есть похожее выражение — встретиться лицом к лицу с опасностями, неприятностями [7. С. 1567].

Политик выражает большие надежды на будущее, прежде всего, возрождение доверия к правительству, что отражается в предложении «And I want a political system that people can trust and look up to once again» [16]. Идиома **look up to someone** — прибегать за помощью к (кому-л.); возлагать надежду на (кого-л.); смотреть с чувством уважения на (кого-л.) — помогает более ярко выражать свои мысли — выражает именно смысл возвращения уважения людей к своему правительству.

Камерон также использует в своей публичной речи много идиом, которые концептуализированы в терминах, связанных с природными явлениями, например, **to chase the rainbow** — «гоняться за радугой» [16]. «They're all chasing the same rainbows» — один из примеров с яркой идиомой, означающей пытаться сделать то, что никогда не будет достигнуто [2. С. 78].

Заключение

Исследования политического дискурса в настоящее время актуальны, что связано с распространением международных отношений, ростом

потребности в межкультурной коммуникации и межкультурном обмене. Политический дискурс, в частности речи политиков, богат идиомами разнообразных структур, иногда неизменяемых. В ходе исследования были определены основные функции идиом в политическом дискурсе. Они состоят из воздействия на аудиторию, манипулирования сознанием населения, побуждения населения к действиям и установления более тесной связи между политиком и аудиторией. Анализируя политические выступления, мы пришли к выводу, что в выступлениях различных политических деятелей США и Великобритании, а также в политических статьях используются идиомы как часть устного и письменного типа общения. В ходе исследования были выявлены особенности употребления идиоматических выражений в политическом дискурсе. Проанализировав английские идиомы, можно сделать вывод, что не все из них имеют эквиваленты на иностранных языках; это связано с уникальностью каждой культуры и различиями в менталитете, что несколько усложняет процесс межкультурного общения.

Политический дискурс США и Великобритании в целом отражает каноны публицистического стиля англоязычных стран, диктующего идиоматичность, фактологичность, конкретно-понятийное лексическое наполнение, персонализированную грамматическую доминанту, фамильяризацию и интимизацию коммуникации.

В речах англоязычных политиков встречаются идиомы, 1) связанные с природными явлениями (*to fall through the cracks, to chase the rainbow*); 2) идиомы-исторические, религиозные и философские аллюзии (*founding fathers, good-will, good faith*); 3) идиомы, используемые при инаугурации и после окончания политической деятельности, отсылающие к преемственности политики (*lame duck, curtain falls, pay tribute, bring gratitude, face up to big challenges, look up to someone, by heart, hark back, hopeless gloom, play lead role, look forward to, look for, hold back, put forward*); 4) идиомы, направленные на привлечение внимания к проблемам и неудачам (*stuck in the rut, fall apart, red line, back down, talk the talk, not walk the walk, bear the burden, get a free ride, be a one-lane highway, start the engine rolling, violate the red line, draw a line in the sand, give pink slips*).

Список источников

1. Белинская Н. А. Англо-русский словарь идиом, устойчивых выражений. М. : Знание, 2003. 63 с.

2. Винарева Л. А., Янсон В. В. *English Idioms (Английские идиомы)*. М. : Логос-М, 2008. 384 с.
3. Виноградов В. А. *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*. М. : Наука, 1986. 182 с.
4. Добросклонская Т. Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. М. : Флинта, 2019. 264 с.
5. Ижак С. Теория заговора как рабочий метод политической пропаганды // *Словацкий журнал политических наук*. 2020. Т. 20, № 1. С. 76–97.
6. Кунин А. В. *Курс фразеологии современного английского языка*. 3-е изд., стер. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
7. Павлина С. Ю. Разделенные общим языком: об использовании идиом в британском и американском предвыборном дискурсе // *Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки*. 2017. № 10. С. 1563–1572.
8. Шитова Л. Ф. *Two is a Company: Dictionary of Pair Idioms = Два сапога пара: Словарь парных идиом*. СПб. : Антология, 2021. 160 с.
9. Юсупова С. М. *Семантика идиом: сопоставительный анализ (на материале английского, немецкого, русского и чеченского языков)*. М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2016. 160 с.
10. Великие речи: Маргарет Тэтчер. URL: <https://www.theguardian.com/world/series/great-speeches-margaret-thatcher> (дата обращения 27.04.2022).
11. Первая инаугурационная речь Рональда Рейгана. URL: <http://www.powerfulwords.info> (дата обращения 23.04.2022).
12. Bill seeks study of missing Native American women and ways to ... = Билл стремится изучить пропавших без вести женщин из числа коренных американцев и способы их поиска... URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=698061197&ft=nprml&f=698061197> (дата обращения 23.04.2022).
13. Корпус современного американского английского языка. URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения 29.04.2022).
14. Русско-английский словарь. URL: <https://slovar-vocab.com/russian-english/dictionary.html> (дата обращения 21.03.2022).
15. Общий англоязычный словарь. URL: <https://www.usingenglish.com> (дата обращения 01.04.2022).

References

1. Belinskaya NA. *Anglo-russkii slovar' idiom, ustoichivyykh vyrazhenii = English-Russian dictionary of idioms, stable expressions*. Moscow, Znanie; 2003. 63 p. (In Russ.).
2. Vinareva LA., Yanson VV. *Angliiskie idiomyy = English Idioms*. Moscow, Logos-M; 2008. 384 p. (In Russ.).
3. Vinogradov VA. *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke = About the main types of phraseological units in the Russian language*. Moscow, Nauka; 1986. 182 p. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya TG. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech' = Media Linguistics: a systematic approach to learning the language of the media: modern English mediaspeech*. Moscow, FLINTA; 2019. 264 p. (in Russ.)
5. Izhak S. Conspiracy theory as a working method of political propaganda. *Slovatskii zhurnal politicheskikh nauk = Slavonic magazine of political sciences*. 2020;20(1):76-97. (In Russ.).
6. Kunin AV. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka = The course of phraseology of modern English*. Dubna, Feniks+; 2005. 488 p. (In Russ.).
7. Pavlina SYu. *Razdelennye obshchim yazykom: ob ispol'zovanii idiom v britanskom i amerikanskom predvybornom diskurse = Divided by a common language: on the use of idioms in British and American electoral discourse*. *Vestnik Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2017;(10): 1563-1572. (In Russ.).
8. Shitova LF. *Two is a Company: Dictionary of Pair Idioms = Dva sapoga para: Slovar' parnykh idiom*. Sankt-Peterburg, Antologiya; 2021. 160 p. (In Russ.).
9. Yusupova SM. *Semantika idiom: sopostavitel'nyi analiz (na materiale angliiskogo, nemetskogo, russkogo i chechenskogo yazykov) = Idiom semantics: comparative analysis (on the examples of English, German, Russian and Chech languages)*. Moscow, Moscow State University, 2016. 160 p. (In Russ.).

10. Velikie rechi: Margaret Tetcher = Great Speeches: Margaret Thatcher. Available from: <https://www.theguardian.com/world/series/great-speeches-margaret-thatcher>. (accessed 27.04.2022) (In Russ.).

11. Pervaya inauguratsionnaya rech' Ronal'da Reigana = Ronald Reagan's First Inaugural address. Available from: <http://www.powerfulwords.info> (accessed 23.04.2022) (In Russ.).

12. Bill stremitsya izuchit' propavshikh bez vesti zhenshchin iz chisla korennykh amerikantsev i sposoby ikh poiska = Bill seeks study of missing Native American women and ways to their demonstration. Available from: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=698061197&ft=nprml&f=698061197> (accessed 23.04.2022) (In Russ.).

13. Korpus sovremennogo amerikanskogo angliiskogo yazyka = Corpus of Contemporary American English. Available from: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed 29.04.2022) (In Russ.).

14. Russko-Angliiskii slovar = Russian-English dictionary. Available from: <https://slovar-vocab.com/russian-english/dictionary.html> (accessed 29.04.2022) (In Russ.).

15. Obshchii angloyazychnyi sait = General English dictionary. Available from: <https://www.usingenglish.com> (accessed 01.04.2022) (In Russ.).

Информация об авторе

А. Л. Амаев — студент факультета иностранных языков.

Information about the author

A. L. Amaev — a student of the Faculty of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 23.05.2022; approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Original article

CORPUS-DRIVEN LEXICOGRAPHY: HISTORICAL REVIEW AND RECENT APPLICATIONS TO HIGHER EDUCATION TERMINOLOGY

Vera G. Budykina¹, Oksana Polyakova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, vbudykina@gmail.com, ORCID 0000-0003-1488-0769

² Universitat Politècnica de València, Valencia, Spain, okpolnes@upv.es, ORCID 0000-0003-0575-2386

Abstract. The article highlights the advancements of corpus linguistics that have contributed to the development of data-driven learning, computer-assisted L2 learning, translation studies, ways of knowledge assessment, among others. It mostly focuses on the developments in the area of corpus-driven lexicography. The main aim is to reflect on the current use of corpora and lexicographic tools built from corpora as well as on future perspectives in the improvements of corpora and corpus tools. Recent applications of those tools to the refinement of bilingual educational terminology in Spanish and Russian are also discussed in the paper. The authors describe the methodology of compilation of the corpus-based glossary of Spanish-Russian higher education. The architecture for analyzing professional terminology consisting of four components is proposed in the paper. The quantitative method is used to prove the effectiveness of the corpus-driven approach.

Keywords: corpus linguistics, corpus-driven lexicography, corpora, corpus tools, English-Russian dictionary of higher education, corpus-based Spanish-Russian glossary on higher education, higher education terminology

For citation: Budykina VG, Polyakova O. Corpus-driven lexicography: historical review and recent applications to higher education terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):12-19.

Научная статья

УДК 811.11

КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕРМИНОЛОГИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вера Геннадьевна Будыкина¹, Oksana Polyakova²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, vbudykina@gmail.com, ORCID 0000-0003-1488-0769

² Политехнический университет Валенсии, Валенсия, Испания, okpolnes@upv.es, ORCID 0000-0003-0575-2386

Аннотация. В статье освещаются достижения корпусной лингвистики, которые способствовали развитию обучения на основе данных, компьютерного обучения иностранным языкам, переводоведения, способов оценки знаний и т. д. Основное внимание в статье уделяется исследованиям в области лексикографии, в ходе которых применяются корпусные технологии (corpus-driven lexicography). Основная цель состоит в том, чтобы проанализировать современные способы применения корпусов и лексикографических инструментов, построенных на их основе, а также рассмотреть перспективы их развития. В статье также обсуждаются современные способы применения этих инструментов для лексикографического описания двуязычной терминологии на испанском и русском языках. Авторы описывают методологию составления корпусного испанско-русского глоссария высшего образования. В статье описывается структура анализа профессиональной терминологии, состоящая из четырех компонентов. Количественный метод используется для доказательства эффективности применения корпусного подхода.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусная лексикография, корпус, корпусные средства, англо-русский словарь высшего образования, корпусный испанско-русский глоссарий высшего образования, терминология высшего образования

Для цитирования: Budykina V. G., Polyakova O. Corpus-driven lexicography: historical review and recent applications to higher education terminology // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 12–19.

Introduction

John Sinclair believed that “the advent of the corpus was the most thrilling development in language study during his career” [12. P. 157] and, probably, ever.

The history of corpus linguistics dates back to the 1960s, when the Brown Corpus which is considered to be the first electronic corpus of the English language was published [3].

Patrick Hanks traced the development of corpus-based linguistics and lexicography. In one of his articles, he argues that there is an essential difference between corpus, generative and cognitive linguistics. He also states that corpus linguistics studies language as communicative behavior while the other two main streams of linguistics do not treat human language this way; they see it as an instrument for thoughts construction [5. P. 398].

Corpus linguistics has contributed to the development of computer-assisted language learning, translation studies and other spheres. Besides, lexicography is one of the areas driven by corpus linguistics. The term “corpus-driven” was developed by E. Tognini-Bonelli in 2001. Still, the first mentions of the term were made in her research paper published in IJL (the International Journal of Lexicography in 1996. She wrote: “In a corpus-driven approach the commitment of the linguist is to the integrity of the data as a whole, and descriptions aim to be comprehensive with respect to corpus evidence” [14. P. 84]. On the contrary, “corpus-based research seeks to support pre-conceived theories with judiciously selected examples from a corpus” [5. P. 417].

Corpus linguistics timeline

The IJL has been published since 1988 but in the first issue there were no mentions of the term ‘corpus’. The second issue of 1989 published three reviews discussing the pre-corpus approach used in the compilation process of the 1st and the 2nd editions of LDOCE (Longman Dictionary of Contemporary English)¹ and the first edition of Collins COBUILD English Language Dictionary² when a massive cor-

¹ Summers D. et al. (eds.). Longman Dictionary of Contemporary English. (Second edition; Third edition 1995.) London: Longman. (LDOCE). 1987.

² Sinclair J. M., Hanks P. et al. (eds.). Collins COBUILD English Language Dictionary. (First edition.) London: Collins. (COBUILD). 1987.

pus was used for the selection of the dictionary’s headwords.

In the first review, R. Carter, an applied linguist, valued the strength of the traditional approach which LDOCE used. Nevertheless, he made some remarks on the COBUILD and called it a remarkable and unique project. R. Carter pointed out that the very existence of corpora and its use as a base for the dictionary’s entries are unique. He also stated that for the English language teachers, the dictionary publication is a great event, and the dictionary was highly evaluated as a “contribution to the theory and practice of communicative language teaching” [1. P. 41–42].

The second review was made by Ch. Fillmore, an American linguist who is famous for his three contributions to linguistic theory: construction grammar, case grammar, and frame semantics. The author concludes that he cannot make a choice between LDOCE and COBUILD and recommends buying both dictionaries. In his review, Ch. Fillmore contrasts explanatory techniques and differences of definitions in the two dictionaries under consideration. He also highlights the advantage of the authenticity of COBUILD, which was compiled on the basis of corpus technologies [2. P. 81].

In the third review, F. Hausmann and A. Gorbahn mention that the corpus-based approach to selecting entries makes the COBUILD dictionary almost ideal learner’s dictionary compared to the LDOCE. The entries of the latter contain too much extra information. However, the authors did not like the authentic examples in COBUILD and thus, criticize the use of corpora to select examples. They consider that in the dictionaries where learners are a target audience, illustrations should be made with pedagogical goals in mind. They formulated the arguments against in the following way:

1. Some illustrations taken out of context may look or sound strange and appeal to the learner’s imagination.
2. Some authentic illustrations distract the reader’s attention from the definition of a word because its illustrations may be very complicated.
3. Some illustrations reflect a very idiosyncratic use of English.
4. Some illustrations are highly abstract and take much time to decode the meaning and, therefore, divert the reader’s attention from the real meaning of the word.

5. Some illustrations may contain words of the same stem as the headword.

So, F. Hausmann and A. Gorbahn conclude that the illustration taken from the corpora should be adapted to the purpose of the learner's dictionary or basic needs of the target audience [6. P. 46]. Presumably, intuition can help in making examples.

G. Sampson, in his turn, disagrees with the practice of making illustrations based on intuition. He calls such examples abundant and unreliable [10. P. 2]. Since Johnson (1755), lexicographers believe that to avoid or at least reduce the number of inadvertent errors, every lexicographic job should be initiated on a solid basis of textual evidence. A simple collection of literature, citations, and dictionaries are now substituted by a corpus containing thousands of examples from the real speech, mass media, literature, and etc. Sometimes, the intuition evidence coincides with the corpus evidence, and it was proved by P. Hanks that the corpus size matters when analyzing examples and their selection. One could explain many properties of lemmas only by employing significant contexts.

Another conclusion of Patrick Hanks is that corpus-driven lexicography mostly deals with everyday language and phraseology. It can illustrate how words and phrases are used in real communication, but it does not provide any information about the boundaries of its possible usage. Studying the word usage as it is reflected in the corpus, corpus-driven lexicographers decide about the word meaning. So, statements about the word meanings are made by interpretations of data obtained by close examinations and analyses made by lexicographers [5. P. 404]. Therefore, there is a great deal of evidence to support the view that the use of corpus in headwords and examples selection is an intrinsic part of the dictionary compilation process, but the blind selection is not appropriate in our opinion as the intuition and knowledge of the lexicographer is a must. "The value of the corpus should not be underestimated or overestimated. It cannot replace the lexicographer; nor should it be regarded as inferior to the knowledge of the lexicographer in any respect".

Example selection is not the only way how corpus can be used in lexicography. This is how U. Stuttgart explains the ways to use corpora and other technological advancements. He states that lexicographers can rely on corpus data concerning the selection of raw material from which he/she gets evidence based on both quantitative and qualitative criteria; the selection of linguistic data put in the dictionary, and corpus-linguistic tools used in lexicographic work [12. P. 131–132].

Lemma selection is a frequently used argument among lexicographers to motivate the use of corpus data. A lemma candidate list with the indicators of frequency could be extracted from the corpus. Frequency counts may contain figures for text types, registers, domains, regions or time periods. Word frequency is the starting point for determining the dictionary nomenclature. It is also used to determine inclusion/exclusion headwords while updating the lemma inventory. The words which have become frequent in the corpora will be included, and the words which are not frequently used any more will be removed from the lemma list [7; 4]. However, these lists are not sensitive to polysemy, and polysemy-related problems may arise.

Another widespread corpus tool in lexicography is called concordancer. This is a generator of KWIC indices. The concept of Keyword in Context indexing had been first proposed and implemented manually by librarian A. Crestadoro in 1856–1864. KWIC is a system which sorts and aligns the words and forms an index of most high frequency words contained in the texts to be searchable alphabetically in the index. There are custom-made tools [15], tools offered by large national corpora (BNC and the Sara/Xaira tool)¹, query tools of the Bank of English, the COSMAS tool², Frantext³. There are also open source tools, for example, The IMS Open Corpus Workbench⁴ and some commercial products.

Specialized corpus tools have been created to meet the needs of computer-driven lexicography, i. e. to find evidence for typical syntagmatic properties of words and word combinations (collocations, sets of contexts illustrating the frequent uses, etc.) and to condense similar corpus instances into a sort of "type" as for most frequently used words, thousands of contexts may be extracted from the corpus tools [13. P. 144]. Here are some corpus query tools to mention: the WASPS⁵ or the Sketch Engine⁶ among others.

Higher education lexicography and terminology projects

Education plays a significant role in the modern society as it creates new knowledge attuned to the fast-changing conditions and needs. Globalization is

¹ <http://www.natcorp.ox.ac.uk/tools/>

² <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>

³ <https://www.frantext.fr/>

⁴ <http://cwb.sourceforge.net>

⁵ <https://archaea.i2bc.paris-saclay.fr/wasps/>

⁶ <https://www.sketchengine.eu/>

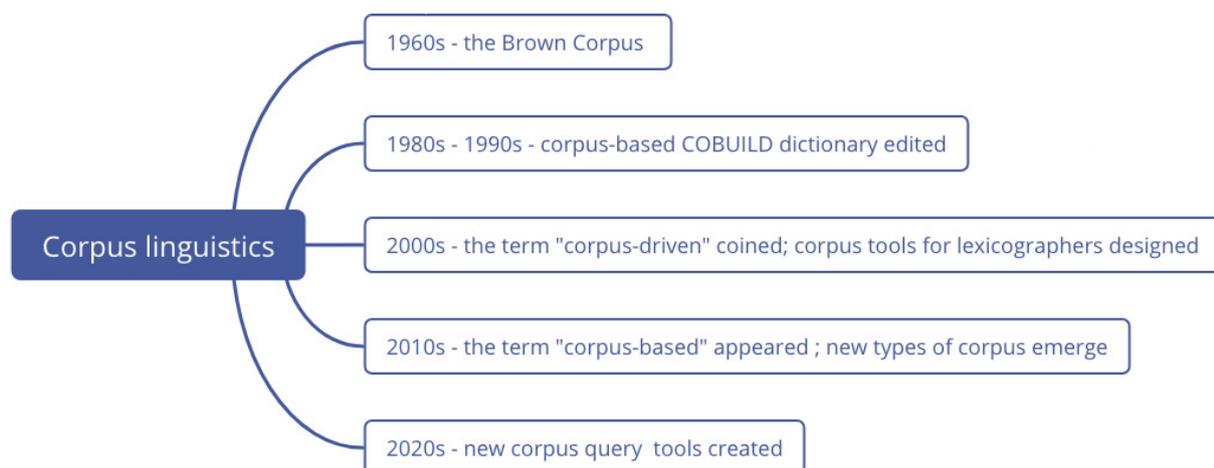

Fig. 1. Corpus linguistics timeline (own elaboration)

spreading in different spheres such as politics, culture, and research. Thus, a great demand is placed upon highly qualified employees to be competitive within the international market. A number of projects have been launched worldwide to promote cooperation in the education sphere. The number of students studying abroad is astounding, and the academic mobility of staff and students is on the rise before the start of the pandemic. As educational systems vary significantly from country to country, participants of projects, students, and education counterparts face the problem of misunderstanding terms used in education. No corpus on global education has been ever built. If any, the number of source languages is limited, no extra language information is given that does not make education systems of different countries transparent, and does not recognize qualifications.

Some efforts have been made in different countries to harmonize the education terminology. In Russia, the American-Focused Dictionary of Higher Education was published in Moscow in 2017¹. The target audience of the dictionary are learners, translators, and teachers who are interested in the terminology of elementary, secondary and higher education; special education, psychology, philosophy, knowledge assessment, and such practical issues as accommodation, tuition fees, and etc. Various disciplines are integrated in a single reference guide which can be relied on by educators, translators, and students in their careers and endeavors. It is not a corpus-based dictionary, but it should be included in the corpus as well as other lexicographic works.

Spanish higher education institutions make a lot of efforts to harmonize Spanish, English, and Catalan terminology to attune to the needs of new require-

ments aimed at internalization of programmes, approaches, and policies. UGRTERM, TERM-CAT and UPVTERM are the three terminology projects conducted by the University of Granada, Government of Catalonia and Polytechnic University of Valencia respectively. The research on different language pairs is conducted in collaboration with language normalization institutions.

Corpus-based methodology

One of the initiatives to standardize higher education terminology through corpus technologies has resulted in a corpus-based glossary of Spanish-Russian higher education that has been recently compiled [8; 9]. In this case, the researchers advocated for a corpus-driven approach based on documentation collection, corpus construction and terminological database design. Despite the limitations of a bilingual study, its lexical scope deployed samples of scientific, institutional, administrative and academic documentation in both languages. The corpus of 2,127,457 words represents a wide variety of academic areas via a 700 bilingual units glossary.

In this research, the scholars followed *ad-hoc* corpus design guidelines based on the general and specific criteria [8; 9; 10]. Therefore, the architecture for analyzing professional terminology consisted of four components:

- Academic and administrative general corpus (AAG): the monolingual corpus of 19 files in Spanish (90% of words) and 17 files in Russian (10% of words).
- Specialized university texts corpus (SUT): the monolingual corpus comprised of 10 files in Spanish (78% of words) and 8 files in Russian (22% of words).
- Legal texts corpus (LT): the monolingual corpus included 25 files in Spanish (69% of words) and

¹ Budykina V. American-focused English-Russian Dictionary of Higher Education. Moscow. 2017. 400 p.

23 files in Russian (31% of words). Legal texts corpus (LT): the only bilingual parallel corpus covered 7 files in Spanish (67% of words) and 7 files in Russian (33% of words).

After processing the texts mentioned above, a considerable wordlist of glossary candidates was obtained and classified within a specialized database of relevant specialized terms. Spanish and Russian equivalents, context examples, collocations, information sources, translation types, synonyms or abbreviations were categorized into ten conceptual domains in the following manner [10] (table 1).

The application of a translation perspective to the research of the EHEA environment allowed for the collection of quantitative data on translation approaches in each of the indicated translation groups. Furthermore, the above-mentioned information ana-

lyzed directs us toward presenting the results. Fig. 2 depicts correspondences that might be useful in the contrastive analysis process.

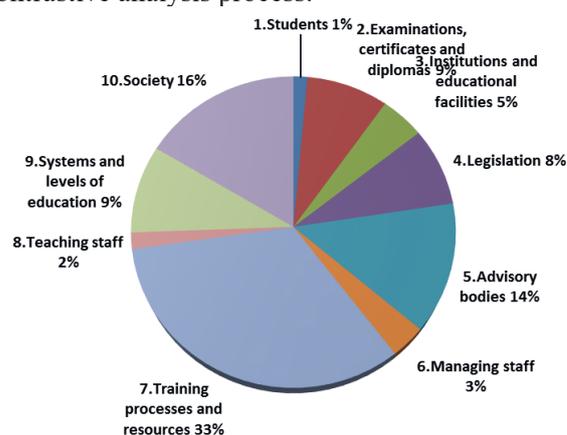

Fig. 2. Visual representation of the thematic density of 10 corpus domains (own elaboration).

Table 1

Examples of bilingual terminology arranged by domains (own elaboration)

Domain	Bilingual terms	Examples
1. Students	10	Student body [<i>alumnado</i> — <i>студенческий контингент</i>], scholarship holder [<i>becario</i> — <i>стипендиат</i>], student [<i>estudiante</i> — <i>студент</i>]
2. Examinations, certificates and diplomas	59	Accreditation [<i>acreditación</i> — <i>аккредитация</i>], transcript [<i>certificado académico</i> — <i>академическая справка</i>], graduate [<i>licenciado/a</i> — <i>специалист</i>]
3. Institutions and educational facilities	32	Building [<i>edificio</i> — <i>корпус</i>], Higher Education Institution [<i>institución de educación superior</i> — <i>высшее учебное заведение</i>], vice-chancellor's office [<i>vicerectorado</i> — <i>управление</i>]
4. Legislation	57	Authorisation [<i>autorización</i> — <i>разрешение</i>], communiqué [<i>comunicado</i> — <i>коммюнике</i>], declaration [<i>declaración</i> — <i>заявление</i>]
5. Advisory bodies	95	Assembly [<i>asamblea</i> — <i>собрание</i>], academic council [<i>claus-tro universitario</i> — <i>Ученый совет</i>], forum [<i>foro</i> — <i>форум</i>]
6. Managing staff	24	Director [<i>director/a</i> — <i>директор</i>], deputy chairman [<i>vice-presidente</i> — <i>заместитель председателя</i>], member of committee [<i>vocal</i> — <i>член комиссии</i>]
7. Training processes and resources	232	Payment [<i>abono</i> — <i>оплата</i>], learning [<i>aprendizaje</i> — <i>обучение</i>], course [<i>curso</i> — <i>курс</i>]
8. Teaching staff	12	Professor [<i>catedrático</i> — <i>профессор</i>], faculty member [<i>docente</i> — <i>преподаватель</i>], research staff [<i>personal dedicado a la investigación</i> — <i>исследовательский персонал</i>]
9. Systems and levels of education	64	Admission [<i>admisión</i> — <i>прием</i>], doctorate [doctorado-аспирантура], higher education [<i>enseñanza superior</i> — <i>система высшего образования</i>]
10. Society	115	Academic community [<i>comunidad académica</i> — <i>академическое сообщество</i>], CV [<i>Curriculum Vitae</i> — <i>резюме</i>], strategy [<i>estrategia</i> — <i>стратегия</i>]

Throughout the research, the scholars tested some working hypotheses. They worked on the documentary typology detection and organization as well as proposed its joint classification, grounded on the singularities of national education systems. Furthermore, the bilingual terminology database facilitated the systematization of different types of equivalence within the specialized translation samples. In the analytical section, the research helped observe a quantitative variation of equivalence according to the thematic domain and translation strategy employed (see Table 2 below).

The project brought together both countries' university management documents and approached the sustainable construction of a bilingual database transformable into a corpus-driven lexicography product. A wide range of its applications varies from the professional environment of translation, mediation, standardization and information management to the teaching field and use by the interested public.

Motivated by the recent technological advancements and the development of corpus-based lexicography, it is suggested that a new lexicographic project will be initiated. It will involve linguistics, cognitive linguistics, lexicography, education, IT, and neuroscience. The project will result in the creation of a unique corpus on Global Education, including international education terminology, samples of curricula, syllabi, and diplomas, descriptions of the best practices and teaching techniques, school and university

management in pandemic and post-pandemic times. It will allow educational systems and their terminologies to be transparent that will contribute to the development of international collaboration, cooperation of education communities worldwide, as well as provide more opportunities for student and academic mobility, etc.

The project will contribute to developing internationally harmonized terminology of education and a database containing basic information on education systems worldwide, description of qualifications, samples of diplomas, nostrification procedure, main Education acts, etc. Moreover, the corpus will contain information on new education concepts and programs resulting from the global pandemic and describe the best practices that work in this new environment. This is in great demand within an international education and research community. Linguists and lexicographers from different countries, domain and technical specialists should join their forces to conduct this interdisciplinary project that will make a difference in many fields related to education, contribute to mutually beneficial international cooperation, and enrich the science and research.

Conclusions

As corpus-driven lexicography is being improving, a lot of new corpus tools have been developed that contribute to the advancement in generative, cognitive and corpus linguistics, let alone corpus lexicog-

Table 2

Translation equivalence by domain and translation group [10]

Domain	Calque	Transliteration	Descriptive translation	Approximate translation	Total amount of bilingual records
1. Students	8	1	1	0	10
2. Examinations, certificates, and diplomas	29	11	3	16	59
3. Institutions and educational facilities	16	12	0	4	32
4. Legislation	47	7	0	3	57
5. Advisory bodies	62	11	5	17	95
6. Managing staff	10	8	0	6	24
7. Training processes and resources	155	51	8	18	232
8. Teaching staff	4	0	1	7	12
9. Systems and levels of education	42	5	8	9	64
10. Society	78	24	4	9	115
TOTAL AMOUNT	451	130	30	89	700

raphy. The data from National corpora are used in different areas of research. The scientific community should pay particular attention to creating specialized corpora that are in great demand at the moment. As education terminology is in the area of the authors' research interest, this sphere was more closely examined and analyzed in terms of the existence of such

corpora and the efforts made to harmonize the cross-language terminologies. A new lexicographic project on the Global Education corpus is announced to contribute to the theory and practice of corpus linguistics, development of education, global cooperation, and mutual understanding.

References

1. Carter R. Review Articles: LDOCE and COBUILD. *International Journal of Lexicography*. 1989;2(1):30-43.
2. Fillmore CJ. Review Article: Two Dictionaries. *International Journal of Lexicography*. 1989;2(1):57-83.
3. Francis WN., Kučera H. Manual to accompany a standard sample of present-day edited American English, for use with digital computers. Original edition 1964, revised 1971, revised and augmented 1979. Department of Linguistics, Brown University, Providence, RI. 1979. Available from: <http://icame.uib.no/brown/bcm.html>.
4. Geyken A. Korpora als Korrektiv für einsprachige Wörterbücher: Philologie auf neuen Wegen. *LiLi. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 2004;34(136):72-100.
5. Hanks P. The Corpus Revolution in Lexicography. *International Journal of Lexicography*. 2012;25(4):398-436.
6. Hausmann FJ., Gorbahn A. Review Article: COBUILD and LDOCE II — A Comparative Review. *International Journal of Lexicography*. 1989;2(1):44-56.
7. Heid U., Säuberlich B., Debus-Gregor E., Scholze-Stubenrecht W. Tools for Upgrading Printed Dictionaries by Means of Corpus-based Lexical Acquisition. Proceedings of the Fourth Language Resources and Evaluation Conference. Lisboa, ELRA; 2004. Pp. 419–423.
8. Polyakova O. An integrated approach to the higher education terminology in Spanish-Russian university texts. *Onomázein: Revista de lingüística, filología y traducción de la Pontificia Universidad Católica de Chile*. 2021;51:57-82.
9. Polyakova O., Candel-Mora M.Á. Building a corpus-based glossary of Spanish-Russian higher education for specialised translation. *Sendebär*;2019;(30):141-162.
10. Polyakova Nesterenko O. Estudio de las peculiaridades de la terminología en el entorno académico del EEES en ruso y en español [Tesis doctoral no publicada]. *Universitat Politècnica de València*. 2013. Available from: <https://riunet.upv.es/handle/10251/34509>
11. Sampson G. *Empirical Linguistics*. London, Continuum; 2001. 226 p.
12. Sinclair JM. Preface. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2007;2(2):155-157.
13. Stuttgart UH. *Corpus Linguistics and lexicography*. Corpus linguistics: an international handbook, edited by Anke Lüdeling and Merja Kytö. Berlin/New York, W. de Gruyter; 2008. Pp. 131–153.
14. Tognini-Bonelli E. *Corpus linguistics at work*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2001. 223 p.
15. Walter E, Harley A. The role of corpus and collocation tools in practical lexicography. Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress, EURALEX; 2002. Pp. 851–857.

Information about the authors

Vera G. Budykina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean, Faculty of Eurasian and Oriental Studies.

Oksana Polyakova — Candidate of Philological Sciences (PhD), Lecturer, Applied Linguistics Department.

Информация об авторах

В. Г. Будыкина — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета Евразии и Востока ЧелГУ.

О. Полякова — кандидат филологических наук (доктор филологии), преподаватель кафедры прикладной лингвистики.

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТЕРМИНОПОЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Александр Павлович Журавлев

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, palych32@rambler.ru, ORCID 0000-0002-2553-9307

Аннотация. Данная работа является завершающей в серии статей по разработке универсального метода идеографического моделирования состава и структуры терминологических полей. В настоящей работе демонстрируется прикладной потенциал разработанного метода, а именно то, как он может быть использован для количественной и качественной оценки знаний. В статье производится разработка критериев количественной и качественной оценки знаний; используемые при этом приемы математической и языковой комбинаторики позволяют сформировать эффективные параметры как для анализа степени структурированности профессионального знания в мышлении обучаемого, так и для оценки уровня освоения обучаемым терминологической базы. Исследование проводится на материале терминологического поля «Повреждения таза»; оцениванию подвергаются письменные ответы студентов-травматологов. По итогам анализа ответа производится его оценивание. Предлагаемый в статье примерный алгоритм количественной и качественной оценки знаний может быть адаптирован для любой предметной области. Полученные в данной статье результаты могут быть использованы в качестве методологической основы при разработке компьютерной квалиметрической программы.

Ключевые слова: граф, идеографическая модель, составной термин, лексико-семантическая группа

Для цитирования: Журавлев А. П. Идеографическая модель терминопля как инструмент оценки профессиональных знаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 20–29.

Original article

IDEOGRAPHIC MODEL OF A TERMINOLOGICAL FIELD AS AN INSTRUMENT FOR PROFESSIONAL KNOWLEDGE EVALUATION

Aleksandr P. Zhuravlev

Samara State Technical University, Samara, Russia, palych32@rambler.ru, ORCID 0000-0002-2553-9307

Abstract. This paper concludes the series of papers that deal with the development of a universal method for ideographic modelling of a terminological field. The present paper shows the application-oriented potential of the method, namely how it can be applied for evaluation of students' knowledge considering both qualitative and quantitative aspects. Results obtained in previous papers are used as the basis for developing criteria for qualitative and quantitative evaluation of professional knowledge. Use of elements of mathematical and linguistic combinatorics makes it possible to create efficient parameters for analyzing both structural and content characteristics of professional knowledge representation in students' mind within a certain subject field. The research is based on the material of the "Pelvis injuries" terminological field; written answers of traumatology students undergo quantitative and qualitative evaluation. Once the analysis of the structure and content of an answer is complete, it is marked as satisfactory or unsatisfactory. The paper offers an approximate algorithm for quantitative and qualitative evaluation of knowledge which can be basically adapted to any subject field with consideration of its characteristic features. The results obtained in this paper can be used as a methodological basis for developing a computer qualimetric program.

Keywords: graph, ideographic model, compound term, lexical-semantic group

For citation: Zhuravlev AP. Ideographic model of a terminological field as an instrument for professional knowledge evaluation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):20-29. (In Russ.).

Введение

Общая тема исследования. В настоящей работе мы постараемся показать эффективность разработанного нами универсального метода построения идеографической модели состава и структуры терминологических полей [8] в плане оценки знаний учащихся.

Актуальность данного исследования обусловлена стремительным ростом количества новых специальностей. Растущее количество обучаемых требует от вузов сообразного отклика: «Высокая скорость развития технического, программного и экономического укладов жизни предъявляет новые требования к будущим специалистам и, как следствие, ведет к изменению в организации образовательного процесса» [9. С. 109]. В таких условиях адекватная оценка качества знаний в традиционном формате становится всё более затруднительной. Между тем «существенная роль в системе качества высшего образования отводится оцениванию результатов обучения. Эти мероприятия позволяют определить степень сформированности у студентов необходимых умений и навыков, выявить пробелы в приобретаемых ими знаниях» [7. С. 427]. Трудно спорить с тем, что «объективность и измеримость качества образования открывают широчайшие возможности для управления учебным процессом — от корректировки содержания образовательных стандартов и программ до совершенствования методов преподавания и повышения эффективности стимулирования самостоятельных занятий студентов» [14. С. 271].

При этом, по мнению некоторых исследователей, «в условиях глобализации и цифровизации, сформированные в педагогике знания о традиционных системах оценивания недостаточны» [5. С. 459]. Действительно, самый распространенный способ оценивания знаний — тестирование — имеет ограниченную эффективность, поскольку задания тестового типа «иллюстрируют лишь наличное состояние исследуемых характеристик, не раскрывая особенностей их формирования. <...> Всё это заставляет искать альтернативные пути организации контроля знаний с целью автоматизации» [16. С. 213]. Одним из возможных вариантов решения можно предложить «построение модели диагностики знаний на основе анализа ответа испытуемого на естественном языке (ЕЯ)» [16. С. 214].

При этом чрезвычайно важен тот момент, что всё описанное происходит на фоне быстрого развития информационных технологий. В этой связи идея замены преподавателя специальной квалиметрической программой приобретает всё большую актуальность, тем более что «применение когнитивного подхода к квалиметрии знаний позволило выявить способы автоматизации поддержки принятия решений о качестве знаний в некоторой предметной области на основе формализации представлений экспертов о структуре знаний этой предметной области» [1. С. 184].

Успехи в исследованиях на стыке лингвистики и IT уже позволяют создавать компьютерные программы для оценивания профессиональных знаний в полностью автоматическом режиме. При этом речь идет об извлечении необходимой информации из высказываний свободного типа, то есть не формализованных определенным образом для автоматической обработки. В рамках данного исследования мы предлагаем свой собственный способ оценивания знаний учащихся посредством анализа их ответов по определенному образцу с применением параметров количественной и качественной оценки.

Целью данного исследования является демонстрация того, как разработанный нами ранее метод моделирования состава и структуры терминополья [8] может быть использован для осуществления оценки знаний учащихся как в количественном, так и в качественном отношении, в том числе и в виде компьютерной квалиметрической программы.

Задачи исследования:

- 1) разработать параметры для количественного и качественного оценивания знаний учащихся;
- 2) проанализировать случайно выбранный ответ студента по определенному алгоритму и с применением разработанных параметров на предмет количественной и качественной оценки отраженных в нем знаний.

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что оценивание знаний учащихся производится посредством сравнения их экзаменационных ответов с моделью состава и структуры терминологического поля, построенной нами в соответствии с разработанным нами же методом [8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что достигнутые в нем

результаты можно использовать в качестве теоретической основы для разработки квалиметрических программ для оценки знаний в самых разных предметных областях (ПО).

Материал данного исследования представлен собранием ответов студентов-травматологов в рамках задания классифицировать тазовые повреждения [10].

В исследовании использованы следующие методы:

- метод экспертных оценок речевого материала;
- метод тезаурусного моделирования;
- приемы математической и языковой комбинаторики.

Метод тезаурусного моделирования был подробно рассмотрен нами в предыдущих статьях. Приемы математической комбинаторики, применяемые в данной работе, чрезвычайно просты и будут объяснены далее. В это же время причины использования элементов языковой комбинаторики в рамках настоящего исследования требуют некоторого пояснения.

Лингвисты давно занимаются изучением вопроса языковой комбинаторики. Ю. С. Перевезенцева отмечает, что «обилие работ сподвигает к мысли, что проблемы семантизации, построения, функционирования терминологических единиц решены, но только на первый взгляд. Изучение той или иной терминосистемы не потеряет своей актуальности до тех пор, пока не прекратится развитие различных областей знаний» [13. С. 122]. Таким образом, у языковой комбинаторики имеется огромный потенциал для дальнейшего развития и активного применения в исследованиях языка.

Комбинаторные исследования языка связаны с разными его аспектами. В силу потенциально прикладной специфики данного исследования мы опираемся на мысль В. М. Влавацкой о том, что «практическая актуальность комбинаторных исследований заключается в разработке и совершенствовании *прикладного аспекта* языка» [3. С. 22].

Наиболее актуальными для данного исследования аспектами изучения лингвистической комбинаторики представляются нормативный и нормализующий [3. С. 25], которые «охватывают законы сочетаемости и комбинаторики языковых единиц (в данном случае слов). В их рамках проводится систематизация словосочетаний по принципу «норма — допустимость — ненорма» и выделение основных типов сочетаний: нормативных, окказиональных (ненормативных, но допу-

стимых) и ненормативных (речевых ошибок)» [3. С. 25]. Как будет показано далее, при оценивании знаний учащихся посредством анализа их ответов мы не всегда будем иметь дело с «нормативными» составными терминами; часто студенты употребляют окказионализмы либо «ненормативные» коллокации. В этой связи вышеупомянутые аспекты изучения языковой комбинаторики весьма актуальны для нас.

У М. М. Маковского мы находим следующее определение: «Лингвистическая комбинаторика — это отрасль языкознания, изучающая в рамках лингвистического времени качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия» [11. С. 43].

Указанием на то, что комбинаторика играет важную роль в языке, являются следующие слова М. М. Маковского: «Комбинаторика пронизывает все звенья и ярусы языковой системы, начиная от более мелких единиц (фонетические элементы слова, морфемы, слова и их значения) и кончая наиболее крупными (предложение, сверхфразовое единство, языковые континуумы — лексемные и семантические» [11. С. 43]. Эту мысль высказывают и другие исследователи, в частности: «Все языковые уровни характеризуются наличием базовых элементов. Так, например, на комбинаторику фигур букв и слогов накладываются ограничения сочетаемостью простых знаков — морфем. В свою очередь, комбинаторика морфем ограничивается сочетаемостью знаков более высокого порядка — слов» [4. С. 10].

В число основных понятий языковой комбинаторики входят *валентность* и *сочетаемость*. Ч. К. Найманова считает, что теория валентности и сочетаемости является «одной из теорий, объясняющих характер взаимосвязи слов <...> Теория валентности и сочетаемости в настоящее время является самой значительной грамматической теорией, исключительно результативной для практики» [12. С. 339].

В настоящее время нет единого мнения относительно разграничения валентности и сочетаемости. Вслед за Ч. К. Наймановой мы будем придерживаться мнения о том, что «валентность связана с аспектом статическим (валентность как потенциальное свойство), а сочетаемость — с аспектом процессуальным (сочетаемость как реализация этих свойств)» [12. С. 342].

Согласно В. М. Влавацкой, валентность есть «потенциальная сочетаемость слов, их способность присоединять к себе другие слова» [2. С. 112]. Влавацкая также дает определение сочетаемости: «Сочетаемость — свойство единиц языка, позволяющее им соединяться друг с другом и образовывать единицы высшего уровня» [2. С. 113].

Из перечисленных данным автором трех основных типов сочетаемости — синтаксической, семантической и лексической [2. С. 113–114] — наиболее релевантным для нашего исследования является последний, поскольку именно лексическая сочетаемость означает, что какое-либо слово (например, моноксемный термин) может сочетаться только с конкретными словами, входящими в состав некоего семантического класса, а не со всеми ними. Действительно, не все простые термины из лексико-семантической группы (ЛСГ) в составе терминополья могут сочетаться с терминами из другой ЛСГ.

Результаты исследования

Разработка параметров оценки знаний учащихся по качественным и количественным показателям. Разработка параметров оценки знаний студентов, как и само оценивание, будут осуществляться нами на материале ответов студентов-травматологов. Соответственно, при выполнении данной задачи мы будем опираться на модель состава и структуры терминополья «Повреждения таза», построенную нами в одной из предыдущих статей. Оценивать знания, репрезентированные в этих ответах, предполагается по двум показателям — количественному и качественному. Такой подход продиктован соображениями адекватности оценки: каждый анализируемый нами ответ можно рассматривать как частный случай модели терминополья «Повреждения таза» и, соответственно, также имеющий две основные характеристики — формообразующую структуру и фактическое наполнение этой структуры терминами.

Если мы говорим об оценивании качественной составляющей ответа, то прежде всего подразумеваем присутствие в нем критериев, то есть элементов, выстраивающих лексический состав терминополья в вертикально и горизонтально упорядоченную структуру: «Одним из основных критериев качества знаний является их *структурированность*. Установлено, что структурированное, то есть упорядоченное и разделенное знание быстрее воспринимается, лучше сохраняется

и легче используется, таким образом, облегчается дальнейшее обучение» [15. С. 1382].

Наличие в ответе учащегося критериев — равно как и их отсутствие — позволяет судить о том, насколько четко в мышлении студента сформирована языковая картина изучаемой им ПО. Более того, качественный аспект неразрывно связан с количественным, поскольку наблюдается связь между знанием учащимся общей семантической структуры ПО и степенью репрезентации ее лексической составляющей в его ответе. Студент, имеющий адекватное понимание структуры изучаемой им ПО (с терминологией, выстроенной на критериях как на узловых точках), имеет больше шансов наполнить свой ответ как минимум удовлетворительным количеством терминов.

Далее, качественная оценка конкретного ответа определяется также тем, к какому уровню в иерархии ПО относятся упомянутые в нем термины — конечному или промежуточному. При оценивании ответа мы учитываем главным образом термины, репрезентированные конечными вершинами графа, так называемыми «листьями». Мы поступаем так потому, что наличие в ответе терминов, представленных именно конечными вершинами, позволяет наиболее определенно судить о том, насколько учащийся знает предмет. Наличие в ответе терминов, представленных промежуточными вершинами графа, допустимо, но при отсутствии конкретизации этих терминов посредством «листьев» оценка качественной составляющей знаний существенно страдает.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что предлагаемые нами параметры оценки знаний по качественным показателям в целом эффективны. Однако в своем нынешнем виде эти параметры не могут быть реализованы в рамках квалитетической программы. Полноценная адаптация этих параметров для программной реализации представляет собой тему для отдельного полноценного исследования, которое должно проводиться совместно с программистами.

При разработке параметров количественной оценки знаний мы опираемся на утверждение о том, что «для получения объективной количественной оценки используются методы математической статистики как инструмент, который позволяет проводить количественный анализ наблюдений над случайными (по своей природе) явлениями и оценивать их» [6. С. 40]. Для нашего исследования наиболее важна вторая часть данного утверждения: «Для корректного применения статистического анализа должна

быть доступной статистика реальных данных, т. е. необходимо наличие репрезентативной статистической выборки. Это основа, база для статистического оценивания» [6. С. 40]. В роли такой «основы» в нашей работе выступает корпус экзаменационных ответов студентов-травматологов на вопрос о классификации повреждений таза.

Говоря о разработке параметров количественной оценки знаний, отметим, что задача их программной реализации решается гораздо проще. В данном исследовании для выработки параметров количественной оценки знаний мы применим приемы математической и лингвистической комбинаторики. Мы считаем применение элементов комбинаторики целесообразным, поскольку эти элементы очень хорошо поддаются алгоритмизации.

Количественную оценку знаний предполагается осуществлять путем подсчета количества представленных в ответе составных терминов. При поверхностном анализе корпуса ответов может показаться, что в большинстве из них представлены только простые термины. На самом деле каждый такой термин является составным (то есть состоящим из двух и более простых терминов). Поэтому мы будем восстанавливать каждый такой «сокращенный» термин до его полной формы, которая имеет следующую структуру:

признак повреждения (P) + вид повреждения (S) + объект повреждения (A)

Например, в ответе студента термин представлен в таком виде:

– открытый.

«Восстановленный» термин выглядит так:

– открытый перелом бедренной кости.

Для того чтобы «восстанавливать» такие «неполные» составные термины для количественной оценки, необходимо сформировать их базу.

На первом этапе нам необходимо подсчитать общее количество всех возможных комбинаций простых терминов, входящих в состав лексико-семантических групп признаков, видов и объектов повреждений таза (ЛСГ {P}, ЛСГ {S} и ЛСГ {A} соответственно). Для этого мы прибегнем к приемам математической комбинаторики. Сперва выберем элемент, который будет считаться «ядром» составного термина. Это будет вид повреждения, поскольку именно с этим элементом все остальные части составного термина вступают в отношения согласования, примыкания и т. д.

ЛСГ {P} состоит из 30 терминов. Не все эти лексические единицы будут учитываться нами

при подсчете; наиболее релевантными для нас являются 25. ЛСГ {S} включает в себя 7 терминов, но для расчетов мы возьмем только 3 из них: *перелом* (на графе обозначен как S_{1-1-1}), *переломовывих* (S_{1-1-2}) и *вывих* (S_{1-1-3}). ЛСГ {A} объединяет в себе 21 термин, из них мы принимаем в расчет 20.

Теоретически, чтобы получить общее число возможных составных терминов, нам нужно, в соответствии с правилами математической комбинаторики, перемножить количество видов повреждений с количеством признаков и объектов повреждений:

$$25 \text{ ЛСГ } \{P\} \times 3 \text{ ЛСГ } \{S\} \times 20 \text{ ЛСГ } \{A\}.$$

Однако такой подход некорректен, поскольку не учитывает лексическую сочетаемость простых терминов внутри составного. «Ядерный» термин, обозначающий вид повреждения, не обладает стопроцентной сочетаемостью с каждым из терминов в составе лексико-семантических групп видов и объектов повреждений. Поскольку сочетаемость рассматривается в качестве одного из основных понятий лингвистической комбинаторики, то применение ее элементов на нынешней стадии подсчета представляется вполне целесообразным. В этой связи появляются предпосылки к применению более тонкого подхода, который сочетал бы в себе операции умножения и сложения. Рамки лексической сочетаемости были проработаны при участии врача-травматолога.

Итак, мы можем начать подсчет истинного общего числа составных терминов. Первый «ядерный» термин *перелом* (S_{1-1-1}) может образовать следующее количество составных терминов:

$$25 \text{ терминов из ЛСГ } \{P\} \times 1 \text{ термин из ЛСГ } \{S\} \times 21 \text{ термин из ЛСГ } \{A\} = 525.$$

Производим аналогичный подсчет со вторым «ядерным» термином *переломовывих* (S_{1-1-2}). С ним сочетаются 17 терминов-признаков и лишь 1 термин из ЛСГ {A}:

$$21 \text{ термин из ЛСГ } \{P\} \times 1 \text{ термин из ЛСГ } \{S\} \times 7 \text{ терминов из ЛСГ } \{A\} = 147.$$

Повторяем операцию снова, на этот раз с термином *вывих* (S_{1-1-3}):

$$17 \text{ терминов из ЛСГ } \{P\} \times 1 \text{ термин из ЛСГ } \{S\} \times 1 \text{ термин из ЛСГ } \{A\} = 17.$$

Теперь мы используем второй прием математической комбинаторики: для получения общего количества возможных сочетаний простых тер-

минов внутри составного мы применяем операцию сложения:

$$525 + 147 + 17 = 689.$$

Сравним полученный результат с количеством составных терминов, подсчитанным без учета лексической сочетаемости:

$$25 \text{ терминов из ЛСГ } \{P\} \times 3 \text{ термина из ЛСГ } \{S\} \times \\ \times 21 \text{ термин из ЛСГ } \{A\} = 1575.$$

Как можно видеть, во втором случае количество комбинаций приблизительно в 2,3 раза больше; таким образом, наглядно показано, как мы оптимизировали процесс вычисления посредством совместного использования приемов математической и лингвистической комбинаторики.

Однако даже с учетом простейшей сочетаемости итог вычислений выражается довольно значительной цифрой. Очевидно, что ни в одном ответе не будет приведено 689 составных терминов. В этой связи нам необходимо установить количественные рамки:

1) оптимальное количество составных терминов в ответе учащегося составляет 14 штук; по мнению консультанта, такой объем способен дать охват всего терминополья «Повреждения таза»;

2) чтобы получить высшую оценку, учащийся должен представить в своем ответе как минимум пять составных терминов.

Итак, мы сформулировали параметры количественной и качественной оценки знаний учащихся. Далее, используя эти параметры, мы покажем, как разработанный нами ранее метод моделирования терминополья может быть использован для анализа количественной и качественной составляющей знаний, в том числе и посредством компьютерной программы.

Примерная процедура оценивания ответов учащихся по качественному и количественному параметрам с применением метода моделирования терминополья. Говоря о предлагаемом нами способе оценивания знаний учащихся, следует сразу уточнить, что он является пока условным и отражает лишь саму суть автоматизированного оценивания ответов учащихся. Тем не менее основные этапы этой процедуры мы можем выработать уже сейчас:

1) восстановить представленные в ответе составные термины до их полной формы;

2) проанализировать ответ на предмет наличия в нем критериев выделения групп терминов;

3) проанализировать ответ на предмет полноты групп терминов;

4) построить модель ответа, то есть отобразить его количественную и качественную составляющие (термины и структурирующие их критерии) на графе состава и структуры терминополья;

5) по результатам подсчета количества представленных в ответе критериев и терминов произвести его оценку.

В целях сохранения компактности статьи мы вынуждены ограничиться анализом и оценкой только одного ответа:

№ 203

Переломы таза:

— с нарушением непрерывности тазового кольца и без;

— — «— (Мальгения);

— краевые переломы [10].

Прокомментируем представленный ответ и произведем его оценивание по качественным и количественным параметрам с использованием разработанного нами метода моделирования состава и структуры терминополья.

Оценка по качественной составляющей неудовлетворительная, поскольку в рассматриваемом ответе совершенно не репрезентированы критерии, выстраивающие приведенные в нем термины в целостную структуру. Очевидно, что в мышлении данного конкретного учащегося совершенно не сформирована языковая картина предметной области, что имеет очевидные последствия, в том числе в плане количественного наполнения ответа.

На оценку данного ответа по количественной составляющей влияют следующие замечания:

1) в ответе указан только один вид повреждений таза — перелом. Таким образом, в данном случае охвачена примерно треть всей предметной области «Повреждения таза»;

2) ЛСГ {A} представлена только одним термином — *таз*. Использование данного простого термина в структуре составного в принципе допустимо, однако для демонстрации глубины своих знаний отвечающему следовало бы конкретизировать этот термин посредством одного из его гипонимов — такого, например, как *копчик* или *вертлужная впадина*;

3) «с нарушением непрерывности тазового кольца и без». Очевидно, имеются в виду термины

переломы таза с сохранением тазового кольца (P₂₋₁₀₋₁) и без сохранения тазового кольца (P₂₋₁₀₋₂). Антонимическая пара терминов приведена полностью, однако формулировка самих терминов не совсем корректна;

4) «(Мальгения)». Видимо, подразумевался термин перелом типа Мальгения (P₃₋₁₋₃). Незнание общей структуры изучаемой предметной области привело к тому, что учащийся привел данный термин как нечто отдельное, в то время как он является одним из гипонимов термина множественные переломы (P₂₋₃₋₃), то есть частью антонимической группы, выделяемой по критерию «По видам повреждений» (Kp₃₋₁);

5) «краевые переломы». Здесь мы снова видим, как незнание учащимся структуры ПО отрицательно влияет на количественное наполнение ответа. Дело в том, что термин краевые (P₂₋₈₋₂) приведен в ответе как бы сам по себе, тогда как у него есть антоним — термин центральные (P₂₋₈₋₁). Если бы отвечающий знал критерий выделения этой антонимической группы — «По анатомической локализации повреждения» (Kp₂₋₈), то ситуация с неполным перечислением ее состава вряд ли имела бы место.

Представим количественную и качественную составляющие данного ответа на графе состава и структуры терминополья «Повреждения таза» (рисунок).

Качественная оценка: критерии, структурирующие состав терминополья «Повреждения таза», в данном ответе не выявлены.

Количественная оценка:

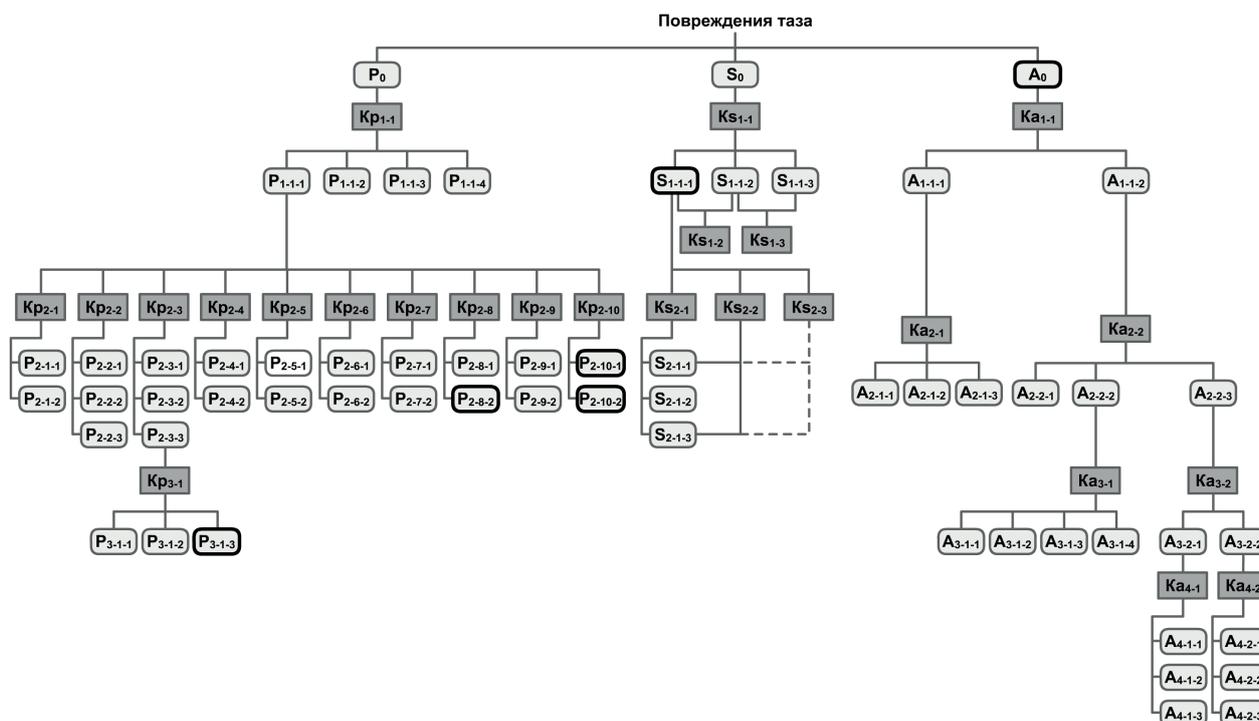
- лексико-семантическая группа признаков репрезентирована четырьмя терминами;
- лексико-семантическая группа видов повреждений репрезентирована одним термином;
- лексико-семантическая группа анатомических объектов повреждения репрезентирована одним термином.

Количество составных терминов: $4 \cdot 1 \cdot 1 = 4$.

Оценка ответа: неудовлетворительно.

Заключение

В данном исследовании мы показали, что метод моделирования терминологических полей, разработанный нами ранее, может быть использован не только для построения идеографической модели терминополья, но и в качестве основы для оценивания знаний. Наличие в составе такой модели не только самих терминов, но и единиц, выстраивающих их в структуру, позволяет создать достаточно эффективные приемы оценки знаний как по количеству представленного в ответе материала, так и по его качеству. Сформулировав параметры для количественного и качественно-оценивания знаний, мы продемонстрировали, каким примерно образом это оценивание может

Качественная и количественная составляющие ответа № 203

Qualitative and quantitative components of the answer No. 203

осуществляться, в том числе посредством специальной компьютерной программы.

Закончив данное исследование, мы пришли к некоторым *выводам*:

- 1) предложенный нами ранее метод построения модели терминополья с использованием элементов двух типов — терминов и структурирующих их единиц — позволяет применять данный метод для оценивания знаний как по количественной составляющей, так и по качественной;
- 2) разработанные на основе указанного метода критерии количественной и качественной оцен-

ки знаний достаточно адекватно справляются со своей задачей; более того, они универсальны — после некоторой адаптации их можно использовать для оценивания знаний в любых ПО;

- 3) предлагаемые нами критерии количественной и качественной оценки в принципе могут быть применены и для оценивания знаний учащихся компьютерной программой. При этом для алгоритмизации критериев качественной оценки потребуется их доработка совместными усилиями лингвистов, специалистов-предметников и программистов.

Список источников

1. Батищев В. И., Жиров В. В. Когнитивный подход к квалиметрии знаний с использованием модели на основе неаксиоматической логики // Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2011) : материалы Международной научно-практической Мультиконференции «Управление большими системами — 2011», 14–16 ноября 2011 г. Москва, 2011. С. 179–185.
2. Влавацкая М. В. Комбинаторная лингвистика: основные понятия // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки : сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2018. С. 110–118.
3. Влавацкая М. В. Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог. 2017. № 5. С. 21–32.
4. Воронина И. Е., Львович Я. Е. Компьютерное моделирование лингвистических объектов // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5, № 12. С. 10–15.
5. Гаах Т. В. Роль квалиметрического подхода в оценке знаний студентов // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Серия «Психолого-педагогические науки» : материалы конференции «Вторые калужские университетские чтения», 08–09 апреля 2020 г. Калуга, 2020. С. 458–463.
6. Глейзер Р. Г. Методика количественной оценки знаний студентов // Вестник Финансовой академии. 2009. № 3 (51). С. 40–44.
7. Григорьева Н. В. Педагогическая квалиметрия как метод оценки качества знаний преподавателей высшего образования // Проблемы исследования систем и средств автомобильного транспорта : материалы Международной очно-заочной научно-технической конференции, 22–23 декабря 2016 г. Тула, 2017. С. 427–432.
8. Журавлев А. П. Разработка метода моделирования состава и структуры терминополья в общем и терминополья «Повреждения таза» в частности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филологические науки». 2020. № 3 (437). С. 56–65.
9. Катаев М. Ю., Корилов А. М., Мкртчян В. С. Количественная оценка знаний в виртуальной образовательной системе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 12 (165). С. 109–114.
10. Краснов А. Н. Психолого-педагогические основы технологии открытого тестирования. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2005. 442 с.
11. Маковский М. М. Проблемы лингвистической комбинаторики // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 43–57.
12. Найманова Ч. К. Языковой и речевой аспекты комбинаторики // Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2011. Т. 2, № 2. С. 339–344.
13. Перевезенцева Ю. С., Атрощенко С. А. Бинарная терминология математики: структурно-семантический анализ // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 122–124.
14. Рябинова Е. Н., Черницына Р. Н. Квалиметрия как неотъемлемая часть самообразовательной деятельности студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 271–274.

15. Снигирева Т. А., Гришанова И. А. Применение комплексного подхода при оценке качества структуры знаний обучающихся // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11–6. С. 1382–1385.
16. Солодов В. А. Модель диагностики уровня знаний на основе ответа испытуемого на естественном языке // *Известия Южного федерального университета. Технические науки*. 2008. № 9 (86). С. 213–218.

References

1. Batishchev VI, Zhiron VV. Cognitive approach to knowledge qualimetry by using of a model based on non-axiomatic logic. In: *Kognitivnyi analiz i upravlenie razvitiem situatsii (CASC'2011) = Cognitive analysis and situation development control (CASC'2011)*. Moscow, Institute of Control Sciences RAS; 2011. Pp. 179–185. (In Russ.).
2. Vlavatskaya MV. Combinatory linguistics: basic terms. In: *Kul'turologiya, filologiya, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoi nauki = Culturology, philology, art criticism: topical issues of modern science*. Novosibirsk; 2018. Pp. 110–118. (In Russ.).
3. Vlavatskaya MV. Language combinatorics: aspects of studying. *Nauchnyi dialog = Science dialog*. 2017;(5):21-32. (In Russ.).
4. Voronina IE, L'vovich YaE. Computer modeling of linguistic objects. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Voronezh State Technical University*. 2009;(12):10-15. (In Russ.).
5. Gaakh TV. The role of the qualimeric approach in assessing student knowledge. In: *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Tsiolkovskogo = Scholarly publications of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky*. Kaluga, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky; 2020. Pp. 458–463. (In Russ.).
6. Gleizer RG. Methods for quantitative evaluation of students' knowledge. *Vestnik Finansovoi akademii = Vestnik of the Finance Academy*. 2009;(3(51)):40-44. (In Russ.).
7. Grigor'eva NV. Pedagogical qualimetry as quality assessment method of teachers' knowledge of higher education. In: *Problemy issledovaniya sistem i sredstv avtomobil'nogo transporta = Problems of study of systems and means of automobile transport*. Tula, Tula State University; 2017. Pp. 427–432. (In Russ.).
8. Zhuravlev AP. Developing a method of modeling lexical-semantic structure of a terminological field in general and the “pelvis injuries” field in particular. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(3(437)):56-65. (In Russ.).
9. Kataev MYu, Korikov AM, Mkrtychyan VS. Quantitative evaluation of knowledge in virtual education system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015;(12(165)):109-114. (In Russ.).
10. Krasnov AN. Psychological and pedagogical basis of the open-form testing technology. Samara, Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences; 2005. 442 p. (In Russ.).
11. Makovskii MM. Issues of linguistic combinatorics. *Voprosy yazykoznavaniya = Topics in the study of language*. 1985;(3):43-57. (In Russ.).
12. Naimanova ChK. Linguistic and speech aspects of combinatorics. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta stroitel'stva, transporta i arkhitektury im. N. Isanova = The Herald of Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isanov*. 2011;(2):339-344. (In Russ.).
13. Perevezentseva YuS, Atroshchenko SA. Binary terms in mathematics: structural and semantic analysis. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture and education*. 2014;(5(48)):122-124. (In Russ.).
14. Ryabinova EN, Chernitsyna RN. Qualimetry as the essential part of self-educational activity of the students. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science vector of Togliatti State University*. 2014;(4 (30)):271-274. (In Russ.).
15. Snigireva TA, Grishanova IA. The integrated approach application at the quality assessment structures of the trained knowledge. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2014;(11-6):1382-1385. (In Russ.).
16. Solodov VA. Model of diagnostics of knowledge level on the basis of a testee's answer in the natural language. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Proceedings of Southern Federal University*. 2008;(9 (86)):213-218. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Журавлев — старший преподаватель кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

A. P. Zhuravlev — senior lecturer of the Foreign Languages Department.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 26.12.2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

МЕТАТЕКСТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мария Сергеевна Журкова¹, Наталья Сергеевна Олизько²✉

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹krasina87@inbox.ru, ORCID 0000-0001-9050-3434

²olizko@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6241-6093

Аннотация. Данная статья посвящена изучению основных направлений исследования метатекста, реализуемых в научной парадигме в настоящее время, и типологии метатекстовых включений. Особый практический интерес для авторов исследования представляют метатекстовые включения, определяемые в пространстве текста художественного произведения и соотносящиеся с приемом текста в тексте. Двойное семиотическое кодирование, возникающее в тексте художественного произведения в результате внедрения в его ткань текста-вкрапления, позволяет акцентировать наиболее релевантные для отправителя смыслы и облегчает их экспликацию для реципиента. На основе анализа метатекстовых включений в романе Дж. Грина «The Fault in our Stars» делаются выводы о том, что метатекст выступает маркером смыслоформирования, а анализ всего метатекстового пласта, окружающего текст-вкрапление, позволяет реконструировать целый участок смысловой системы произведения.

Ключевые слова: метатекстуальность, метатекстовые включения, метатекстовый пласт, смысл, художественный текст

Для цитирования: Журкова М. С., Олизько Н. С. Метатекст как способ формирования смысла художественного произведения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 30–37.

Original article

METATEXT AS A WAY TO FORM THE MEANING OF A FICTION WORK

Maria S. Zhurkova¹, Natalia S. Olizko²✉

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹krasina87@inbox.ru, ORCID 0000-0001-9050-3434

²olizko@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6241-6093

Abstract. The given article is devoted to the study of the main directions of the metatext research, realized in the scientific paradigm nowadays as well as the typology of metatext inclusions. Of particular practical interest is the study of metatextual inclusions, defined in the space of the text of the work of fiction, and correlated with the reception of the text in the text. The double semiotic coding that occurs in the text of a work of fiction as a result of the introduction of a text inclusion into its fabric allows to emphasize the most relevant for the sender meanings and facilitates their explication for the recipient. On the basis of the analysis of metatextual inclusions in the novel “The Fault in our Stars” by J. Green the author concludes that the metatext serves as a marker of meaning formation. The analysis of the whole metatextual layer, surrounding the text-insertion, allows to reconstruct a whole section of the semantic system of the work.

Keywords: metatextuality, metatextual inclusions, metatextual layer, meaning, fiction text

For citation: Zhurkova MS, Olizko NS. Metatext as a way to form the meaning of a fiction work. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):30-37. (In Russ.).

Введение

Одним из традиционно изучаемых в рамках лингвистики вопросов является проблема метаязыка, а именно искусственного языка, используемого для анализа и описания естественного языка. Современная лингвистика всё чаще обращается к изучению метатекста. Под метатекстом, как правило, понимается «текст о тексте», то есть совокупность комментариев, описывающих процесс формирования смысловой системы произведения. На данный момент можно выделить четыре наиболее перспективных и активно развиваемых направления в исследовании метатекста.

Теоретические основы анализа метатекста

Согласно первому направлению, в качестве метатекстовых рассматриваются элементы, служащие для тематической организации высказывания и применяемые для указания связи между фрагментами сообщения. Значительный вклад в развитие данного направления был в свое время внесен польскими исследователями. Наиболее распространенным является определение, предложенное А. Вежбицкой, согласно которому в качестве метатекстового компонента рассматривается авторский «комментарий к собственному тексту» [4. С. 409]. Фразы, выполняющие метатекстовые функции (*что касается, говоря о, во-первых, во-вторых, далее, наконец и т. п.*), рассматриваются как «метатекстовые нити <...>. Они проясняют „семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда — нет» [4. С. 421]. Как мы видим, особое внимание в исследовании уделяется метатекстовым нитям, которые отображают речевую рефлексию продуцента высказывания относительно собственного речевого поведения, текст же рассматривается как результат коммуникативно-речевой деятельности. На наш взгляд, данные связующие высказывания нити выступают в качестве речевых клише, или метаорганизаторов.

Отметим, что данное направление, хотя и находит применение в отечественной научной парадигме [6; 12; 17 и т. д.], но наиболее интенсивно развивается в современных зарубежных исследованиях [18; 19; 24 и т. д.].

Для второго направления характерно перенесение акцента исследований на механизмы, обеспечивающие синтез разноуровневых элементов во вводящих метатекстах — предисловиях и по-

слесловиях — как авторских, так и переводческих. Крайней позицией в данном вопросе можно считать рассмотрение текста перевода как метатекста, при этом последний предстает как результат метакогнитивной и метаязыковой переводческой деятельности. Одним из фундаментальных трудов для данного направления является работа А. Поповича «Аспекты метатекста», в которой приводится типология метатекстов, включающая в себя цитаты, аллюзии, центон, воспроизведение текста, аннотацию, пересказ, реминисценции, перифраз, перевод и псевдоперевод, памфлет, пастиш, пародию, литературную критику и т. д. [23. Р. 232]. Таким образом, метатекст определяется автором достаточно широко, поскольку в его диапазон входят языковые единицы различного уровня — выражения, фразы, последовательности фраз, представленные как на уровне высказывания, так и на текстовом уровне. Несмотря на частое упоминание современными лингвистами трудов А. Поповича, понимание перевода как метатекста признается устаревшим. В целом данное направление довольно часто реализуется в отечественных исследованиях [5; 11; 7; 13 и т. д.].

Третье направление обусловлено восприятием комплекса текстов, принадлежащих одному автору (реже — двум) в качестве метатекста [1; 14 и т. д.]. Некоторые ученые, однако, определяют совокупность текстов одного автора как гипертекст, а не как метатекст [16; 15], мы также придерживаемся этой точки зрения.

Четвертое направление изначально развивалось в рамках литературоведения и основывалось на идеях М. М. Бахтина, а именно на его размышлении о диалогическом отношении говорящего к собственным словам, согласно которому «...диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем и раздваиваем свое авторство» [2. С. 315]. Работа М. М. Бахтина положила начало множеству концепций понимания метатекста как особого внутритекстового явления, когда элементы метатекста в художественном произведении являются не только в затекстовых фрагментах (комментариях, сносках) и паратекстуальных элементах текста, но и в самой текстовой ткани. Зачастую внимания исследователей удостоивается наиболее явное проявление метатекста, а именно внутритекстовые комментарии автора

к собственному тексту либо включение в текст рамочной конструкции текста в тексте, которая также способствует появлению в тексте метатекстовых включений [3; 8–10 и др.].

Именно последний тип метатекста представляет, в нашем понимании, значительный интерес, поскольку он помогает выявить авторскую прагматику, определить наиболее важные участки текста в аспекте смыслоформирования.

Взаимодействие текста-вкрапления и материнского текста может быть весьма сложным, причем «текст в тексте» не всегда выступает «чужим» для данного автора. Например, это может быть текст автора, представленный от имени персонажа. Так, в романах Б. Пастернака «Доктор Живаго» и М. Булгакова «Мастер и Маргарита» создается два текстовых пласта и, соответственно, два уровня восприятия романа. Подобное взаимодействие текстов служит основанием для возникновения метатекстуальных отношений, в некоторых случаях утверждается возможность рассмотрения всего текста-вкрапления как метатекста.

Мы придерживаемся той точки зрения, что сам текст-вкрапление не предоставляет рефлексию автора о собственном тексте и, следовательно, не может рассматриваться как метатекст, хотя он, вне сомнения, актуализирует смысловые доминанты текста. Рамочный текст увеличивает потенциальную возможность экспликации смыслов, интегрированных в текстовую ткань, благодаря двойной закодированности определенных текстовых участков.

Практический анализ метатекста

В качестве материала исследования выбран известный роман американского прозаика Джона Грина «Винноваты звезды» («The Fault in our Stars»). В исследуемом романе между метатекстовым пластом и плоскостью материнского текста устанавливаются метафорико-парадигматические связи, которые служат для читателя маркерами ориентирования и переключают его внимание с основного повествовательного массива на участки с удвоенным кодом, более релевантные в плане смыслоформирования.

Включение в роман вымышленной фигуры писателя Питера ван Хаутена и его романа «Царский недуг», выполняющего функцию индикатора метатекста, вносит в роман элементы постмодернистской игры и упорядочивает смыслы по принципу концентрических кругов, когда идеи самого автора, переданные через маску автора или образ ментеавтора (термин Н. Л. Мышкиной) — Пите-

ра ван Хаутена, интерпретируются затем главной героиней Хейзел. Читателю предоставляется возможность разделить текст на смысловые уровни, когда материнский текст представляет собой поверхностный и более линейный уровень, текст включенного романа «Царский недуг» и переписка ван Хаутена с героями по вопросам написанного им романа — глубинный уровень, а метатекстовые включения-комментарии героев к данному тексту-вкраплению облегчают доступ к глубинному уровню. Реализуемая модель концентрических кругов отображает отношения между текстами как между вложенными друг в друга иерархическими сущностями, когда «различные тексты выступают для других как оболочкой, так и их внутренней сердцевиной» [9. С. 89–90].

Полагаем, что именно внедрение в текстовую ткань метатекстовых включений, представленных рассуждениями ван Хаутена о языке и смысловом содержании романа «Царский недуг», а также текстами писем героев, дает возможность раскрыть важный для Джона Грина смысл, вложенный в текст произведения. Данное мнение подтверждается словами самого автора, который предоставил в беседе с читателями информацию о том, что Питер ван Хаутен является ключевым персонажем повествования, поскольку он «играет огромную роль в раскрытии одной из краеугольных тем книги, которая часто затмевается более явными темами жизни и смерти и романтической любви. Эта тема — отношение читателя к тексту и к автору этого текста» [22]. Джон Грин подтверждает предположение читателей о том, что Питер ван Хаутен — это автор-в-авторе («author-within-an-author») [22]. Он также отмечает, что романа «Царский недуг» не существует, он представлен в тексте романа «The Fault in our Stars» только посредством кратких отрывков, цитат и интерпретаций его смысла и содержания героями. Из высказывания Джона Грина мы также видим, что он разделяет свой роман на поверхностный уровень, где затрагиваются темы любви и страдания, и глубинный уровень, на котором автор освещает темы взаимоотношения автора и читателя и литературного творчества.

Для анализа текста обратимся прежде всего к предисловию к тексту, написанному Дж. Грином и заранее сообщаемому читателю код к пониманию романа. Данное предисловие является технически паратекстуальным элементом текста, но может быть рассмотрено в качестве метатекста, поскольку содержит комментарий автора о содержательном и языковом аспектах материн-

ского текста. Дж. Грин акцентирует внимание читателя на том факте, что сам роман «The Fault in our Stars» является вымыслом: «This book is a work of fiction. I made it up» [20. P. 2]. Адресант далее говорит о важности выдуманных сюжетов, как и о том, что читателю не следует выяснять, легли ли в основу сюжета какие-либо реальные факты: «Neither novels nor their readers benefit from attempts to divine whether any facts hide inside a story. Such efforts attack the very idea that made-up stories can matter, which is sort of the foundational assumption of our species» [20. P. 2]. Подобным предисловием автор дает напутствие читателю, а также указывает на идентичность материнского романа и текста-вкрапления — оба они не имеют ничего общего с реальностью.

Рассуждения Питера ван Хаутена о роли созданного им произведения в его жизни, о том, что создатель текста обладает силой оживить человека в воображаемом мире, но никогда не в реальном, приоткрывают сущность описываемой в романе проблемы литературного творчества и роли произведения в жизни его создателя. Метатекстовые компоненты, соотносящиеся с данной темой, наиболее часто могут быть обнаружены в письмах Питера ван Хаутена, например: «You do not immortalize the lost by writing about them. Language buries, but does not resurrect» [20. P. 112]. Ван Хаутен вкладывает в данные рассуждения свой собственный опыт, говоря о том, что попытки увековечить память о когда-либо жившем человеке можно сравнить с «похоронами в лингвистическом саркофаге» («entombed in linguistic sarcophagus») [20. P. 112]. Говоря это, он словно признается адресату письма в том, что сам в свое время предпринял подобную неудачную попытку воскресить в тексте своего романа дорогого ему человека. Данные фразы выражают отношение автора к создаваемому им тексту — сначала текст выступает источником надежды и утешения, а затем, после осознания тщетности попытки «оживить» близкого человека на страницах романа, появляется чувство отторжения и неприязни к своему собственному произведению. Как мы узнаем позже, человеком, которого ван Хаутен пытался вернуть, создав для него вымышленный романтический мир, была его дочь Анна, умершая от рака в восьмилетнем возрасте. Используя метатекстовые включения, Джон Грин вплетает романное повествование в вопросы о роли в жизни писателя его творчества, погружении автора в несуществующий мир повествования, невозможности изменить явления реального мира силой пера.

Метатекстовые элементы, раскрывающие отношение автора к вопросу о коммуникативной цели художественного произведения и отношениях автор—текст—реципиент, содержатся в беседе главной героини Хейзел и Питера ван Хаутена о написанном им романе. Ван Хаутен признается, что для него как для писателя читатель во плоти — это явление неприятное. Подобным образом он высказывает идею о том, что писатель создает произведение не для кого-то, а для себя, и даже если и представляет себе абстрактного реципиента текста, то проецирует на него свои собственные качества, отказывая адресату в возможности индивидуальной (отличной от авторской) рецепции. Когда Хейзел замечает в доме писателя плотно набитые мешки, она предполагает, что в них мусор, на что ван Хаутен отвечает, что это непрочитанные письма от читателей: «“Trash?” I mumbled to Augustus soft enough that I thought no one else would hear. “Fan mail,” Van Houten answered as he sat down in the lounge chair. “Eighteen years’ worth of it. Can’t open it. Terrifying. <...>. I frankly find the reality of readers wholly unappetizing”» [20. P. 183]. Хранение писем читателей в мешках для мусора говорит о презрительном отношении ван Хаутена к читателям и безразличии к их мнению относительно его романа. Данная реакция не является временной, вызванной какими-либо жизненными обстоятельствами — ван Хаутен отрекается от своих читателей уже на протяжении восемнадцати лет, более того, он находит факт их существования отталкивающим. Лексемы **terrifying** и **unappetizing** также подчеркивают неприязнь писателя к своей аудитории и страх перед ней. Данный пример указывает на то, что художественный текст зачастую не адресуется реальному или имплицитному читателю, а пишется автором лишь для себя. Данная информация опровергает устоявшееся мнение о диалогической сущности текста и значимости коммуникативной функции художественного произведения, заключающейся в реализации диалога между автором и читателем.

Еще один важный момент, касающийся взаимодействия автора и читателя посредством текста, раскрывается Дж. Грином в беседе Хейзел и Питера ван Хаутена — это вопрос о стремлении отправителя текста и его реципиента прийти к общему пониманию проблемы, поставленной в тексте. Когда Хейзел ведет беседу с Ван Хаутеном, она не пытается понять смысл приводимых им аргументов — его отталкивающая внешность и поведение сыграли более решающую роль, чем

гениальность его романа. Их диалог не приводит к взаимопониманию — Хейзел спрашивает о дальнейших судьбах героев, ван Хаутен приводит ей парадокс Зенона о черепахе, из которого следует, что некоторые бесконечности больше других бесконечностей («some **infinities** are bigger than other **infinities**» [20. P. 189]). Данное утверждение, с точки зрения ван Хаутена, является исчерпывающим ответом на вопрос Хейзел. Проблема непонимания заключается в том, что читатель (Хейзел) увлечена повествованием, сюжетом, а для автора (ван Хаутена) сюжет является лишь инструментом для создания мира, в который он поместил свою умершую дочь. В этом и смысл отсылки писателя к парадоксу Зенона — ван Хаутен пытается создать бесконечность большую, чем другие бесконечности, в метафорическом плане он пытается заменить реальность другой реальностью. Хейзел, однако, не понимает этого и отказывается принять позицию автора, ее восприятие произведения, которое она так любит, ограничивается лишь повествовательной составляющей.

Как выясняется из дальнейшей беседы героев, некоторые герои романа «Царский недуг» вообще не являлись героями в их традиционном понимании. Так, Тюльпановый Голландец, которого подростки сочли мошенником и проходимцем, является, по словам ван Хаутена, метафорической репрезентацией Бога «He isn't a con man or not a con man; he's God. He's an obvious and unambiguous **metaphorical representation of God**, and asking what becomes of him is the intellectual equivalent of asking what becomes of the **disembodied eyes of Dr. T. J. Eckleburg in Gatsby**» [20. P. 191]. Как мы видим, ван Хаутен расшифровывает для Хейзел одну из метафор своего романа, но Хейзел не понимает его и всё равно требует от автора рассказать, что будет с персонажами дальше, независимо от их метафорического значения. Для расшифровки смысла своего романа автор использует интертекстуальную отсылку к произведению Ф. С. Фицджеральда, которая в данном контексте выполняет метатекстовую функцию, выступая комментарием к тексту романа. Когда речь идет о романе, подобном «Царскому недугу», романообразе, а не романе-повествовании, автор теряет власть над судьбами своих героев — они сыграли роль в его воображаемом романном мире, но, когда этот мир перестал интересовать автора, герои его произведения потеряли всякую значимость. Обрывая сюжетное повествование в тот момент, когда удобно ему, автор оставляет читателя в со-

стоянии недовольства и недоумения, которые так явно демонстрирует поведение Хейзел, требующей от ван Хаутена продолжения работы над созданием романного мира. Но писатель отказывается, он говорит, что герои романа и описываемый мир перестали существовать для него в ту минуту, когда он понял, что воображаемый мир никогда не заменит настоящий. Данный метатекстовый элемент вновь раскрывает перед нами проблему взаимодействия продуцента и реципиента текста, при этом ван Хаутен, обсуждая свой роман с читательницей, выражает идеи самого Грина, в частности идею того, что после завершения романа судьбы его героев больше не подвластны автору — ими распоряжается читатель [21]. Ван Хаутен передает ее в следующем комментарии: «The characters inhabiting it have **no life outside of those scratches**. What happened to them? They all **ceased to exist** the moment the novel ended» [20. P. 192]. Для ван Хаутена герои романа перестали существовать (**ceased to exist**), мы видим, что он не только отрекся от них, но и отказался от мысли об их гипотетическом существовании где-либо еще кроме текста романа (**no life outside of those scratches**). В то же время ван Хаутен предоставляет Хейзел свободу распоряжаться жизнями героев, как ей вздумается в ее воображении, но она до самого конца ждет от него, а затем от Огастуса окончания романа.

Заключение

В романе Дж. Грина реализуется множество смыслов, и вопрос о возможности выделения главного, инициального смысла, можно отнести к дискуссионным. По утверждению самого Дж. Грина, его роман, конечно, о любви и о таком препятствии, которое может стать непреодолимым даже для людей, которые предназначены друг другу судьбой; в качестве такого препятствия была выбрана болезнь [21]. Автор также утверждает, что пытался выразить в своем романе идею о том, что «короткие жизни, которые могут быть восприняты обществом как незначительные, могут также иметь неопишущую ценность» [21]. Мы видим, что смыслы, вскрывающиеся на поверхностном уровне текста, соотносятся с данными утверждениями, в то время как смыслы, актуализируемые на глубинном уровне, формируются вокруг текста-вкрапления «Царский недуг». Метатекстовые включения, осуществляющие передачу рефлексии относительно текста самого автора текста-вкрапления и читателя, объединяясь, формируют метатекстовый пласт, позволяющий

определить более серьезные проблемы и более релевантные для отправителя смыслы, касающиеся литературного творчества. Проводником авторских идей становится ментеавтор — Питер ван Хаутен, который в беседе со своей читательницей Хейзел указывает проблемы взаимодействия отправителя и реципиента текста, литературного творчества в целом и значимости романного мира для автора текста, невозможности «воскресить» человека в текстовой реальности, переда-

чу права на интерпретацию законченного текста читателю. Отметим, что все маркеры метатекста, определенные в фразах ван Хаутена, согласуются с напутственной речью, данной Дж. Грином в предисловии к роману — таким образом реализуется симметрия в элементах метатекста, которые, транспонируясь друг в друга, формируют значимый участок смысловой системы исследуемого романа.

Список источников

1. Акатова А. А. Мотив Одиссеи-путешествия в метатексте Дж. Фаулза: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–3 (69). С. 11–13.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. Киев : НЕХТ, 1994. 508 с.
3. Борботько Л. А. О разграничении понятий «метатекст», «паратекст», «интертекст» и «сверхтекст» (на материале современных пьес) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 2. С. 19–23.
4. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистика текста. 1978. Вып. 8. С. 402–421.
5. Воскресенская Н. А. Функция переводческого метатекста (на материале предисловия Э. Шаррьера к французскому переводу «Записок охотника») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 362–365.
6. Заврумов З. А. Особенности репрезентации метатекста и реализация интертекстуальности феномена иронии в художественном тексте // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2017. № 1 (68). С. 65–70.
7. Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 9. С. 265–269.
8. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-изд., перераб. и доп. М. : Ось-89, 2005. 560 с.
9. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дис. ... д-а филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с.
10. Олизько Н. С. Семиотико-синергетический анализ текста : учебное пособие. Челябинск : Энциклопедия, 2016. 148 с.
11. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста: на материале переводческих предисловий и примечаний : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 246 с.
12. Павлов Д. И. Функции метатекстуальных конструкций в тексте // Грани познания. 2015. № 5 (39). С. 20–22.
13. Пластинина Н. А. Модель символической ценности метатекста (по материалам переводческих предисловий) // Индустрия перевода. 2016. Т. 1. С. 283–289.
14. Стрельникова Л. Ю. Интертекстуальность как инструмент моделирования метатекста в творчестве В. Набокова // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 224–237.
15. Трускова Е. А. Романские циклы Бориса Акунина: специфика гипертекста : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 160 с.
16. Шехтман Н. А. Проблема представления знаний и гипертекст // Науч.-техн. информ. Сер. 1. 2000. № 3. С. 6–9.
17. Юрьев Е. Й. Метатекстовая организация делового дискурса (на материале русского, немецкого и нидерландского языков) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2017. 26 с.
18. Ahmadian M., Yazdani H. A Study of the Effects of Intertextuality Awareness on Reading Literary Texts: The Case of Short Stories // Journal of Educational and Social Research. 2013. Vol. 3 (2). P. 155–166.
19. Dahl T. Accommodating the Reader: Metatext in Research Articles // New Direction in LSP Proceedings of the 14th Symposium on LSP. 18–22 August 2003, Surrey. P. 229–239.

20. Green J. The fault in our stars. Penguin Books : New York. 2014. 318 p.
21. Kenyon College: John Green — Thoughts on How to Make Things and Why. November 17, 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R4reoHkXsJg&t=2172s> (дата обращения 21.03.2021).
22. Library Wiki: a FANDOM Books Community. URL: https://theorderofthelibrary.fandom.com/wiki/An_Imperial_Affliction (дата обращения: 28.03.2021).
23. Popovič A. Aspects of Metatext // Canadian Review of Comparative Literature. 1976. P. 225–235. URL: <https://ejournals.library.ualberta.ca/index.php/crccl/article/view/2290/1696> (дата обращения 21.04.2022).
24. Taavitsainen I., Hiltunen T. Now as a text deictic feature in Late Medieval and Early Modern English medical writing // Investigations into the Meta-Communicative Lexicon of English: A Contribution to Historical Pragmatics. Netherlands : John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 179–205.

References

1. Akatova AA. Odyssey-travel motif in J. Fowles' metatext: linguocultural aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2017;(3-3(69)):11-13. (In Russ.).
2. Bakhtin MM. Problems of Dostoevsky's creativity. 5th ed. Kiev; 2012. 508 p. (In Russ.).
3. Borbotko LA. On the distinction of notions "metatext", "paratext", "intertext" and "overtext" (on the material of modern plays). *Vestnik MGOU. Seriya "Lingvistika" = Bulletin of Moscow State University. Series Linguistics*. 2011;(2):19-23. (In Russ.).
4. The metatext in the text. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: lingvistika teksta = New in foreign linguistics: linguistics of the text*. 1978;(8):402-421. (In Russ.).
5. Voskresenskaya NA. Function of Translation Metatext (on the material of the preface by E. Charriere to the French translation of "Notes of the Hunter"). *Vestnik Nizhegorods universiteta imeni NI Lobachevskogo = Bulletin of NI Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2014;(2(2)):362-365. (In Russ.).
6. Zavrumov ZA. Features of metatext representation and realization of intertextuality of irony phenomenon in an art text. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii = In the world of science and art: issues of philology, art history and culturology*. 2017;(1(68)):65-70. (In Russ.).
7. Kuznetsova AV. Metatext in fiction text: pragmatics and functions. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020;13(9):265-269. (In Russ.).
8. Lukin VA. Artistic text. Fundamentals of linguistic theory. Analytical minimum. 2 ed., revised and supplemented. Moscow, Axis-89; 2005. 560 p. (In Russ.).
9. Olizko NS. Semiotic-synergetic interpretation of the peculiarities of realization of the categories of intertextuality and interdiscursiveness in the postmodern art discourse: the dissertation for the degree of Doctor of Philology. Chelyabinsk; 2009. 343 p. (In Russ.).
10. Olizko NS. Semiotic and Synergetic Analysis of Text, textbook. Chelyabinsk, Encyclopedia, 2016. 148 p. (In Russ.).
11. Ostapenko DI. Functional and structural characteristics of metatext: on the material of translation prefaces and notes, thesis Ph.D. Voronezh; 2014. 246 p. (In Russ.).
12. Pavlov DI. Functions of metatextual constructions in the text. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya» = Electronic scientific and educational journal of VGSPU "Borders of knowledge"*. 2015;(5(39)):20-22. (In Russ.).
13. Plastinina NA. Model of symbolic value of metatext (on the materials of translation prefaces). *Industriya perevoda = Translation Industry*. 2016;1:283-289. (In Russ.).
14. Strelnikova L. Intertextuality as a tool for modeling metatext in the works of V. Nabokov. *Znanie. Poni-manie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2018;(1):224-237. (In Russ.).
15. Truskova EA. Novel cycles of Boris Akunin: specificity of hypertext, thesis Ph.D. Chelyabinsk; 2012. 160 p. (In Russ.).
16. Shehtman NA. The problem of knowledge representation and hypertext. *Nauch.-tekhn. inform. = Technical information*. Ser. 1. 2000;(3):6-9. (In Russ.).
17. Yuriev EJ. Meta-textual organization of business discourse (on the material of Russian, German and Dutch): abstract of Ph.D. in Philology. Minsk; 2017. 26 p. (In Russ.).
18. Ahmadian M, Yazdani H. A Study of the Effects of Intertextuality Awareness on Reading Literary Texts: The Case of Short Stories. *Journal of Educational and Social Research*. 2013;3(2):155-166.

19. Dahl T. Accommodating the Reader: Metatext in Research Articles. *New Direction in LSP Proceedings of the 14th Symposium on LSP. 18–22 August 2003, Surrey*. Pp. 229–239.
20. Green J. *The fault in our stars*. Penguin Books, New York; 2014. 318 p.
21. Kenyon College: John Green — Thoughts on How To Make Things and Why. November 17, 2021. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=R4peoHkXsJg&t=2172s>. (accessed 21.03.2021)
22. Library Wiki: a FANDOM Books Community. Available from: https://theorderofthelibrary.fandom.com/wiki/An_Imperial_Affliction. (accessed 28.03.2021)
23. Popović A. Aspects of Metatext. *Canadian Review of Comparative Literature*. 1976. Pp. 225-235. Available from: <https://ejournals.library.ualberta.ca/index.php/crcl/article/view/2290/1696>. (accessed 21.04.2022)
24. Taavitsainen I, Hiltunen T. Now as a text deictic feature in Late Medieval and Early Modern English medical writing. *Investigations Into the Meta-Communicative Lexicon of English: A Contribution to Historical Pragmatics*. Netherlands, John Benjamins Publishing Company, 2012. Pp. 179–205.

Информация об авторах

М. С. Журкова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка (Челябинский государственный университет)

Н. С. Олизко — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка (Челябинский государственный университет)

Information about the authors

M. S. Zhurkova — Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, English language department.

N. S. Olizko — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the English language.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 05.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 23.05.2022; approved after reviewing 05.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'33+811.161.1+612

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И СИНКРЕТИЗМ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОРПУСА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

Анастасия Юрьевна Зиновьева

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, zinovevaai@susu.ru, ORCID 0000-0002-7658-7376

Аннотация. Статья посвящена явлениям концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма в русскоязычном корпусе предметной области «Исследование интегративной физиологии спортсменов», которая представляет собой актуальное сочетание различных областей медицины и спорта. Изучение этих явлений важно для создания концептуально размеченных корпусов, что имеет большое значение для разработки ресурсов автоматической обработки текста. В статье приведены статистические характеристики распределения концептуально неоднозначных и синкретичных лексических единиц в корпусе указанной предметной области, выявлены источники концептуальной неоднозначности и синкретизма, определены их типы и композиционный состав единиц, характеризующихся этими явлениями. Результаты вносят вклад в понимание концептуальной структуры дискурса предметной области «Исследование интегративной физиологии спортсменов» и могут быть использованы для концептуальной разметки корпуса данной предметной области, а также при разработке правил и метрик снятия концептуальной неоднозначности.

Ключевые слова: исследование интегративной физиологии спортсменов, концептуальная неоднозначность, концептуальная разметка, концептуальный синкретизм, предметная область, русский язык

Для цитирования: Зиновьева А. Ю. Неоднозначность и синкретизм концептуальной структуры русскоязычного корпуса предметной области // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 38–46.

Original article

CONCEPTUAL AMBIGUITY AND SYNCRETISM IN A RUSSIAN DOMAIN CORPUS

Anastasiia Yu. Zinoveva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, zinovevaai@susu.ru, ORCID 0000-0002-7658-7376

Abstract. This paper focuses on conceptual ambiguity and syncretism in a Russian corpus on Integrative Physiology, a topical blend of various aspects of medicine and sport. These phenomena need to be studied to produce conceptually annotated corpora, which in turn is of great importance for developing advanced resources for natural language processing. In this article, we provide statistical characteristics of conceptually ambiguous and syncretic lexical units in the corpus on Integrative Physiology, reveal the sources of conceptual ambiguity and syncretism, determine types thereof and composition of the units characterized by these phenomena. The results obtained contribute to the understanding of the conceptual structure of the Integrative Physiology domain and can be used both for conceptual annotation of the domain corpus and for the development of disambiguation rules and metrics.

Keywords: conceptual ambiguity, conceptual annotation, conceptual syncretism, domain, integrative physiology, Russian language

For citation: Zinoveva AYu. Conceptual ambiguity and syncretism in a Russian domain corpus. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):38-46. (In Russ.).

Введение

В современной корпусной лингвистике глубокий интерес ученых вызывает семантическая разметка, то есть процедура и результат обогащения контента различной семантической информацией. Подобные исследования имеют большое значение как с теоретической точки зрения, позволяя изучить семантическую структуру дискурса, так и с прикладной, обеспечивая основу для разнообразных исследований по автоматической обработке текста. При этом понимание семантической разметки варьируется: среди возможных интерпретаций выделяют выбор значения многозначных слов на основе словаря или онтологии [9], определение семантических свойств слов на основе лексической классификации [3], выявление семантических отношений в тексте [10]. Частный случай семантической разметки представляет собой концептуальная разметка, основанная на какой-либо концептуальной модели предметной области [6; 13]. Процесс концептуальной разметки может быть осложнен концептуальной неоднозначностью лексических единиц [6; 13].

Проблема концептуальной неоднозначности в текстах предметных областей исследована недостаточно. Среди немногочисленных примеров работ по данной тематике можно отметить статьи [13], где описан алгоритм машинного обучения для снятия концептуальной неоднозначности и [6] где упомянута проблема неоднозначности концептуальных тегов в предметной области «Информационная безопасность».

Ранее автором статьи в соавторстве с сотрудниками НОЦ «ЛИНТ» ЮУрГУ (НИУ) было проведено исследование концептуальной неоднозначности при разметке русскоязычных новостных сообщений предметной области «Терроризм», где были рассмотрены источники концептуальной неоднозначности в указанной предметной области и возможные способы снятия неоднозначности с помощью количественных методов [2]. Помимо концептуальной неоднозначности в работе было обнаружено явление концептуального синкретизма, при котором лексическая единица имеет два и более не противоречащих друг другу концептуальных значения, которые не требуют разрешения, однако могут влиять на процедуру снятия концептуальной неоднозначности.

Отметим, что каждая предметная область имеет свои особенности, в том числе на концептуальном уровне, которые следует анализировать для успешного создания концептуально аннотированных ресурсов.

Целью настоящей работы является изучение проблемы концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма в текстах предметной области «Исследование интегративной физиологии спортсменов» (далее — ПО ИИФС) для последующего использования полученных данных в концептуальной разметке текстов данной предметной области. Интегративная физиология, как отмечают исследователи, это «важнейшая для медицины область физиологии, ее вершина» [7. С. 3], которая востребована обществом, системой здравоохранения и медициной. Кроме того, интегративная физиология спортсмена сочетает в себе разнообразные аспекты жизнедеятельности спортсмена от видов тренировок до взаимодействий химических веществ на клеточном уровне, следовательно, концептуальная структура данной ПО разнородна и представляет особый интерес в рамках концептуальных исследований.

Статья организована следующим образом: сначала описаны материалы и методы исследования, затем приведены количественные и качественные результаты исследования неоднозначности и синкретизма концептуальной структуры русскоязычного корпуса ПО ИИФС. В заключении сделаны выводы о проведенной работе и намечены перспективы дальнейших исследований.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на материале русскоязычного корпуса научных статей ПО ИИФС, опубликованных учеными Южно-Уральского государственного университета в журналах по медицине, физиологии и спорту, в частности «Человек. Спорт. Медицина» (ранее «Вестник ЮУрГУ. Серия „Образование, здравоохранение, физическая культура“»), «Теория и практика физической культуры» и т. п. объемом 54 444 словопотребления. В целях исследования корпус был автоматически размечен концептуальными тегами предметной области с использованием платформы концептуального аннотирования ПАНТ [8], которая была адаптирована для проведения настоящего исследования следующим образом.

Сбор знаний для внесения в программную оболочку ПАНТ выполнялся с помощью прескриптивно-дескриптивной методики. На прескриптивном этапе, исходя из данных лексикографических источников по исследуемой предметной области, был задан набор первичных концептуальных классов (под концептуальными классами в работе понимаются семантические классы,

содержащие лексические единицы конкретной предметной области). Затем из корпуса с помощью экстрактора LanaKey [12] были извлечены релевантные лексические единицы длиной от одного до четырех компонентов и распределены по заданным концептуальным классам. При этом для релевантных единиц, не вошедших по результатам распределения ни в один из заданных классов, были сформированы новые классы, а концептуальные классы, оставшиеся незаполненными, были удалены из набора, в чем заключается дескриптивный компонент методики. В результате был получен список классов, отражающий концептуальную структуру ПО ИИФС в русскоязычном корпусе.

После адаптации платформы ПАНТ к предметной области корпус текстов был размечен автоматически, а затем полуавтоматически доведен до «золотого стандарта»¹ путем снятия неоднозначности с помощью встроенного постредактора. Следует отметить, что автоматическая разметка корпуса формализует информацию о свойствах лексических единиц в предметной области, отражая их возможную концептуальную неоднозначность и синкретизм, в то время как «золотая» разметка отражает контекстную реализацию концептуальных значений лексических единиц и дает контекстно обусловленную информацию о том, в каких случаях требуется обработка концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма для удаления лишних тегов. В связи с этим явления неоднозначности и синкретизма концептуальной структуры были изучены посредством сравнительно-сопоставительного анализа автоматического и «золотого» корпуса.

Концептуальные классы ПО ИИФС

Общее количество выделенных концептуальных классов составило 39. В табл. 1 представлены десять концептуальных классов с наиболее высокой частотой встречаемости в исследуемом корпусе ПО ИИФС с присвоенными ими тегами для концептуальной разметки и примерами лексических единиц.

Статистические результаты исследования

Общее количество размеченных лексических единиц (одно- и многокомпонентных) в корпусе

¹ Термины «золотая» разметка, «золотой стандарт», «золотой» корпус обозначают разметку корпуса, выполненную человеком, и корпус текстов с такой разметкой соответственно, см. [11].

с неснятой концептуальной неоднозначностью составило 40 084, из них концептуальных мультитегов — 6 165, из которых 3 486 синкретичны, 2 679 неоднозначны. Наиболее частотные неоднозначные и синкретичные мультитеги приведены в табл. 2 (символом «*» отмечены мультитеги, представленные как среди неоднозначных, так и среди синкретичных мультитегов).

Результаты анализа мультитегов с учетом лексики показывают, что многие высокочастотные неоднозначные мультитеги закреплены за конкретными лексическими единицами: тег MU-TM («Единицы измерения величин» / «Медикаменты») в исследуемом корпусе во всех случаях присвоен лексической единице *c*, тег AA-W («Возрастные характеристики ЛЗС» / «Момент или период времени») — единице *год*, AG-MU («Половая принадлежность ЛЗС» / «Единицы измерения величин») — единице *м* и т. п.

Полученные данные свидетельствуют в целом о невысоком уровне концептуальной неоднозначности в текстах ПО ИИФС; тем не менее такая проблема присутствует и может вызвать затруднения при последующей обработке размеченного текста, например при извлечении релевантной информации.

Источники концептуальной неоднозначности

Лексическая единица считается концептуально неоднозначной, если в зависимости от контекста она может иметь противоречащие друг другу концептуальные значения. В корпусе ПО ИИФС концептуальная неоднозначность в основном наблюдается среди однокомпонентных единиц, может встречаться у двух- и трехкомпонентных единиц, имеющих в своем составе родовое слово (например, *гормон кортизол*) или представляющих собой названия химических веществ (например, *йодид калия*). Выявлено несколько источников концептуальной неоднозначности: частеречная омонимия, лексическая неоднозначность, множественность концептуальных значений.

Частеречная омонимия. Данный источник имеет место в случае совпадения по крайней мере одной словоформы у разных лексем. Например, словоформа *легкие* может быть существительным, обозначающим орган (в этом случае она относится к концептуальному классу «Локализация биохимических и механических процессов в организме ЛЗС»), или прилагательным, обозначающим весовую категорию спортсмена («Спортивная квалификация ЛЗС»).

Таблица 1
Table 1

Наиболее частотные концептуальные классы ПО ИИФС
The most frequent conceptual classes of the Integrative Physiology domain

Тег	Концептуальный класс	Лексические примеры
OL	Локализация биохимических и механических процессов в организме лиц, занимающихся спортом (ЛЗС)	внутриклеточный процесс, гипофиз, клетка, надпочечник, объем межклеточного пространства, печень, рецептор, соединительно-тканная структура, ткань
MP	Любые измеряемые величины	вариабельность показателей, динамика частоты дыхания, дыхательный объем, содержание липопротеидов высокой плотности
OB	Биохимические процессы в организме ЛЗС	белковый синтез, выделение оксида азота, гидролиз гликогена, гомеостаз, закисление, мышечный метаболизм, скорость продукции CO ₂ , электролитный и водный обмен
J	Общая методология и представление результатов научных исследований	автор, доказательная база, исследование, контрольная группа, материал, обсуждение, результаты ранее опубликованных исследований, рисунок, эксперимент
KR	Типы и процессы тренировок	воздействие физических упражнений на выносливость, околопредельный подъем груза, состояние снижения гравитационной и осевой нагрузки, стретчинг
MU	Единицы измерения величин	балл, градус, Дж, дин, ед., ккал/ч, км, л, м ² , мин, мкг, мл, ммол, процент, с, см ³ , сотая доля секунды, субъединица, уд., ч, час, шт.
OD	Продукты жизнедеятельности организма ЛЗС	аминокислота, белок плазмы, внеклеточная вода, гормон щитовидной железы, кислый желудочный сок, клеточная вода, молочная кислота, серотонин, холестерин
A	Спортсмены и прочие ЛЗС	бегунья, девушка-подросток, лыжница, пловец-дельфинист, ребенок младшего возраста, спортсмен, человек, хорошо тренированный спортсмен, юный пловец
AP	Физические характеристики ЛЗС	критерий подготовленности бегунов, локально-региональная мышечная выносливость, мышечная работоспособность, специальная выносливость организма
ER	Результаты исследования физиологического состояния ЛЗС	без изменений, варьировать, высокое значение, выявить, достоверно не отличаться, наблюдаться, низкое значение

Таблица 2
Table 2

Наиболее частотные мультитеги в корпусе объемом 54 444 словоупотреблений
The most frequent multitaggs in 54,444 word usage

Наиболее частотные неоднозначные мультитеги		Наиболее частотные синкретичные мультитеги	
Мультитег	Частота	Мультитег	Частота
MU-TM	425	MP-OL	291
AA-W	100	A-S	214
AG-MU	98	OB-OD	135
MU-OL	97	AA-A-AG	131
MP-OD*	92	OL-OP	98
MU-OB	82	OB-OL	95
AP-MP	65	MP-OD*	90
ER-OR	65	AP-OL	89
KR-S	63	MP-OP	82
MU-OP-TM	58	G-MP	76

Еще одним примером является словоформа *животного*, которая может быть интерпретирована как существительное или прилагательное. В первом случае она относится к концептуальному классу «Общая методология и представление результатов научных исследований», поскольку обозначает лабораторных животных, во втором случае — к концептуальному классу «Пища, принимаемая ЛЗС», например: *пищевые добавки растительного, животного и минерального происхождения*.

В свою очередь словоформа *железа* может быть отнесена к концептуальным классам «Общая методология и представление результатов научных исследований» и «Локализация биохимических и механических процессов в организме ЛЗС» (ср. *дефицит железа и магния и щитовидная железа*).

Лексическая неоднозначность. В статье под лексической неоднозначностью понимается возможность двух и более интерпретаций лексической единицы в конкретном контексте, вызываемая полисемией или омонимией [5]. Лексическая неоднозначность довольно широко распространена в корпусе ПО ИИФС среди однокомпонентных лексем. Приведем несколько примеров.

Лексема *год* реализует в корпусе два из своих значений: 1. Промежуток времени, равный периоду обращения Земли вокруг Солнца — 12 месяцам (концептуальный класс «Момент или период времени»). 2. Возраст («Возрастные характеристики ЛЗС») [4]. Первое значение реализуется в следующем контексте: *через год занятий в группе обследования факторные веса распределились следующим образом*; второе — в контексте: *в возрасте 18–21 года*.

Далее, лексема *введение* также реализует в корпусе два из своих значений: 1. Процесс действия по значению глагола ввести («Физиологическое воздействие на ЛЗС с целью повышения результативности»). 2. Вступление («Общая методология и представление результатов научных исследований») [1]. Первое значение реализуется в следующем контексте: *введение было проведено соответственно в течение 1, 2, 3, 4 и 5-го дней*; во втором значении данная лексема используется в качестве подзаголовка научной статьи.

Еще одним примером является лексема *лицо*, реализующая в корпусе следующие значения: 1. Передняя часть головы человека («Части тела ЛЗС»). 2. Человек, личность («Спортсмены и прочие ЛЗС») [4]. Первое значение реализуется в следующем контексте: *появление волос на лице, сни-*

жение тембра голоса, покраснение кожи и прекращение менструаций; второе — в контексте: *наблюдался чаще у лиц с повышенной толщиной миокарда*.

Интересный пример представляют сокращения *мм, м, мк*. Так, сокращение *мм* может быть расшифровано следующими способами: 1. Мышечная масса («Локализация биохимических и механических процессов в организме ЛЗС»). 2. Миллиметр («Единицы измерения величин»).

Множественность концептуальных значений. Под термином «множественность концептуальных значений», или, иначе, «собственно концептуальная неоднозначность» мы понимаем принадлежность лексической единицы к некоторому множеству концептуальных классов при единстве лексического значения, при этом в контексте такая единица может быть отнесена только к одному из этих концептуальных классов.

Например, лексема *занятие* может быть отнесена к одному из трех классов:

1. *«Занятия проводили на тренажерах блочно-го типа в состоянии снижения гравитационной и осевой нагрузки»*¹ («Типы и процессы тренировок»).

2. *«Показатели, характеризующие нервно-мышечные связи, также свидетельствуют о том, что занятия, проведенные во второй группе мужчин, достоверно улучшили моторную память»*² («Физиологическое воздействие на ЛЗС с целью повышения результативности»).

3. *«Формула спортизации в школах Татарстана выглядит следующим образом: 2 ч отводится на занятия по выполнению требований Госстандарта плюс 4 ч — вариативная часть»*³ («Образовательный процесс, включающий общие и специализированные предметы»).

¹ Батуева А. Э., Якушева А. Н. Исследование биоэлектрической активности и пространственно-временных характеристик головного мозга в группах мужчин молодого и зрелого возраста с синдромом дорсопатии на поясничном уровне до и после коррекционного воздействия // Человек. Спорт. Медицина. 2013. Т. 13 (4). С. 94–99.

² Батуева А. Э., Якушева А. Н., Эрлих В. В. Возможности занятий на блоковых тренажерах при коррекции постуральных нарушений у молодых мужчин с синдромом дорсопатии // Теория и практика физической культуры. 2014. № 10. С. 50–52.

³ Черепов Е. А., Ненашева А. В. Современное состояние системы физического воспитания в России: основные проблемы и пути совершенствования // Человек. Спорт. Медицина. 2014. Т. 14 (3). С. 5–18.

Множественностью концептуальных значений может обладать в том числе глагольная лексика, как, например, глагол *увеличиваться*:

1. «Значения фибриногена существенно снижались от лета к осени, затем достоверно **увеличивались** зимой и несколько уменьшались летом»¹ («Результаты исследования физиологического состояния ЛЗС»).

2. «Макрофаги начинают жизнь как моноциты с низкой способностью в борьбе с их инфекционными агентами, разбухая, **увеличиваются** в диаметре в 5 раз»² («Механические процессы в организме ЛЗС»).

Источники концептуального синкретизма

Напомним, что лексическая единица считается концептуально синкретичной, если она одновременно реализует два и более концептуального значения, которые не противоречат друг другу, и, таким образом, относится к нескольким концептуальным классам. Концептуальный синкретизм, как и неоднозначность, вызывает появление мультитегов при концептуальной разметке.

Наблюдаемый в ПО ИИФС концептуальный синкретизм может быть разделен на два типа: аксиоматичный и гипотетичный.

Под **аксиоматичным синкретизмом** понимается такой синкретизм, при котором разрешение мультитега не требуется ни в какой ситуации. Примером аксиоматично синкретичного мультитега является АG-A-S («Половая принадлежность ЛЗС» / «Спортсмены и прочие ЛЗС» / «Виды спорта и спортивной деятельности»), которым размечаются лексические единицы, обозначающие спортсменов в различных видах спорта: *пловчиха*, *фигуристка* и др. В данном случае семантические компоненты, связанные с концептуальными классами, обозначаемыми тегами АG и S, выступают в качестве атрибутов (половая принадлежность и вид спорта) основного семантического компонента лексемы, связанного с концептуальным классом, обозначаемым тегом А.

¹ Эрлих В. В. Сезонные биоритмы системы крови, обменных процессов, функций желудка и печеночных проб у бегунов на средние дистанции // Человек. Спорт. Медицина. 2013. Т. 13 (2). С. 36–41.

² Эрлих В. В., Исаев А. П., Корольков В. В., Потапова Т. В. Система крови, гомеостаза, метаболизма и функциональные показатели желудка и печени у легкоатлетов-бегуний на средние дистанции после двадцати дней акклиматизации в верхнем среднегорье // Человек. Спорт. Медицина. 2013. Т. 13 (1). С. 17–21.

Под **гипотетичным синкретизмом**, напротив, понимается такой синкретизм, при котором разрешение мультитега может требоваться или не требоваться в зависимости от контекста. Ярким примером гипотетичного синкретизма является мультитег МР-ОD («Любые измеряемые величины» / «Продукты жизнедеятельности организма ЛЗС»), приведенный в табл. 2, которым размечаются названия веществ, образующихся в организме ЛЗС (например, *липиды*, *энзимы*, *глюкоза* и др.). Как правило, этот тег не требует снятия неоднозначности, когда в значении лексемы подразумевается компонент 'содержание'. Например, в предложении «*Энзимы AST и ALT коррелировали соответственно с концентрацией глюкозы*»³ лексема *энзимы* должна быть размечена тегами МР и ОD, так как содержание энзимов — измеряемая величина, в предложении «*Энзимы играют большую роль в обменных процессах организма*»⁴ — только тегом ОD, поскольку измеряемая величина отсутствует. Таким образом, в случае гипотетичного синкретизма одна из сем представлена имплицитно и наблюдается только в определенном языковом окружении.

Выявлено два источника концептуального синкретизма в ПО ИИФС:

1. Однокомпонентная единица содержит несколько релевантных для предметной области семантических компонентов. Например, единицы *ребенок*, *подросток* в текстах предметной области реализуют значения концептуальных классов «Спортсмены и прочие ЛЗС», «Возрастные характеристики ЛЗС».

2. Каждый компонент многокомпонентной лексической единицы имеет собственное концептуальное значение. Например, единица *мониторинг состояния здоровья* состоит из компонентов *мониторинг* (концептуальный класс «Методы исследования физиологического состояния ЛЗС») и *состояние здоровья* («Физические характеристики ЛЗС»). Этот источник обеспечивает большое количество многокомпонентных синкретичных единиц в корпусе.

³ Романов Ю. Н., Исаев А. П. Вектор и теснота корреляционных пляд состояний кикбоксеров в процессе интегральной подготовки на заключительных этапах готовности к соревнованиям // Человек. Спорт. Медицина. 2013. Т. 13 (2). С. 133–139.

⁴ Эрлих В. В. Сезонные биоритмы системы крови, обменных процессов, функций желудка и печеночных проб у бегунов на средние дистанции // Человек. Спорт. Медицина. 2013. Т. 13 (2). С. 36–41.

Вышеуказанные источники концептуального синкретизма могут также сочетаться в пределах одной лексической единицы: например, четырехкомпонентная именная группа *анализ мочи спортсменов-юношей бегунов* отнесена к шести концептуальным классам: AA-A-AG-EM-OD-S («Возрастные характеристики ЛЗС» / «Спортсмены и прочие ЛЗС» / «Половая принадлежность ЛЗС» / «Методы исследования физиологического состояния ЛЗС» / «Продукты жизнедеятельности организма ЛЗС» / «Виды спорта и спортивной деятельности»), где теги AA-A-AG относятся к компоненту *спортсменов-юношей*, EM — *анализ*, OD — *мочи*, S — *бегунов*.

Корреляции между источниками синкретизма и его типами не выявлено.

Заключение

В настоящей работе представлены результаты исследования корпуса научных текстов предметной области «Исследование интегративной физиологии спортсменов» на предмет концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма лексических единиц. Полученные результаты дают представление об организации дискурса предметной области на концептуаль-

ном уровне и могут быть полезны в прикладных лингвистических исследованиях по концептуальной разметке текстовых корпусов, которая в свою очередь является основой многих направлений автоматической обработки текста.

В ходе исследования выявлены источники концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма в корпусе ПО ИИФС, определены их типы и композиционный состав единиц, характеризующихся данными явлениями.

Следует отметить, что в ряде случаев может быть затруднительно однозначно провести черту между проявлениями концептуальной неоднозначности и концептуального синкретизма, что обусловлено явлением гипотетичного синкретизма, которое в дальнейшем требует более глубокого изучения.

Полученные данные могут быть использованы при концептуальной разметке корпуса ПО ИИФС, при разработке онтологии исследуемой предметной области (в частности, аксиоматично синкретичные мультитеги могут быть полезны при идентификации атрибутов онтологических концептов), а также при создании правил и метрик снятия концептуальной неоднозначности.

Список источников

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2001. 2354 с.
2. Зиновьева А. Ю., Шереметьева С. О., Неручева Е. Д. Анализ неоднозначности концептуальной разметки русскоязычного текста // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6, № 3 (23). С. 38–60.
3. Рахилина Е. В., Кобрицов Б. П., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Шеманаева О. Ю. Многозначность как прикладная проблема: семантическая разметка в национальном корпусе русского языка // Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. С. 445–450.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999.
5. Поляков В. Н. Использование технологий, ориентированных на лексическое значение, в задачах поиска и классификации // Проблемы прикладной лингвистики. 2004. Вып. 2. С. 101–117.
6. Сиротина А. Ю., Лукашевич Н. В. Опыт создания корпуса текстов в сфере информационной безопасности // Сборник Международной научной конференции «Корпусная лингвистика-2019». СПб., 2019. С. 79–85.
7. Филаретова Л. П. Перспективы интегративной физиологии // Интегративная физиология. Всероссийская конференция с международным участием, посвященная 95-летию Института физиологии им. И. П. Павлова РАН, Санкт-Петербург (9–11 декабря 2020 г.) : тезисы докладов. СПб. : Ин-т физиологии им. И. П. Павлова РАН, 2020. С. 3.
8. Шереметьева С. О., Бабина О. И. Платформа для концептуального аннотирования многоязычных текстов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2020. Т. 17, № 4. С. 53–60.
9. Djema M., Candito M., Muller Ph., Vieu L. Corpus Annotation within the French Framenet: A Domain-by-Domain Methodology // Proceedings of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation. Portorož, Slovenia, 2016. P. 3794–3801.

10. Palmer M., Gildea P., Kingsbury P. The Proposition Bank: An Annotated Corpus of Semantic Roles // *Computational Linguistics*. 2005. Vol. 31 (1). P. 71–106.
11. Rocha L., Soares-Bastos I., Freitas C., Rademaker A. Scavenger Hunt: What do we Find When Look for Confusions // *PROPOR: International Conference on the Computational Processing of Portuguese*. 2018. URL: https://www.inf.ufrgs.br/propor-2018/wp-content/uploads/2018/10/PROPOR2018-SRW_paper_12.pdf (дата обращения: 06.06.2022)
12. Sheremetyeva S. Automatic Extraction of Linguistic Resources in Multiple Languages // *Proceedings of NLPCS2012, 9th International Workshop on Natural Language Processing and Cognitive Science in conjunction with ICEIS2012, Wroclaw, Poland*. 2012. P. 44–52.
13. Viju J. S. Concept Interpretation by Semantic Knowledge Harvesting // *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology (IJRASET)*. 2018. Vol. 6 (5). P. 477–484.

References

1. Efremova TF. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj = New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation Dictionary*. Moscow, Russkij yazyk = Russian Language; 2001. 2354 p. (In Russ.).
2. Zinoveva A, Sheremetyeva S, Nerucheva E. The Analysis of Conceptual Ambiguity in Russian Texts. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2022;6(3(23)):38-60 (In Russ.).
3. Rakhilina EV, Kobritsov BP, Kustova GI, Lyashevskaya ON, Shemanayeva OJ. Semantic Ambiguity as an Application-Oriented Problem: Word Class Tagging in the RNC. *Proc. International Workshop Dialogue 2006*. 2006. Pp. 445–450 (In Russ.).
4. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phrases*. Moscow, Azbukovnik; 1999. (In Russ.).
5. Polyakov VN. Ispol'zovanie tekhnologij, orientirovannyh na leksicheskoe znachenie, v zadachah poiska i klassifikacii = Using Lexical Meaning-Oriented Technologies in Search and Classification Tasks. *Problemy prikladnoj lingvistiki = Issues of Applied Linguistics*. 2004;2:101-117 (In Russ.).
6. Sirotina AYu, Loukachevich NV. Opyt sozdaniya korpusa tekstov v sfere informacionnoj bezopasnosti = Experience in Creating a Text Corpus in the Field of Information Security. In: *Sbornik Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Korpusnaya lingvistika-2019" = Proceedings of the International Scientific Conference "Corpus Linguistics 2019"*. 2019. Pp. 79–85 (In Russ.).
7. Filaretova LP. Perspektivy integrativnoj fiziologii = The Prospects for Integrative Physiology. *Integrativnaya fiziologiya: Vserossijskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennaya 95-letiyu Instituta fiziologii im. I. P. Pavlova RAN, Sankt-Peterburg (9–11 dekabrya 2020 g.) = Integrative Physiology: All-Russian Conference with International Participation Dedicated to 95th Anniversary of Pavlov Institute of Physiology Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (December 9–11, 2020)*. 2020. P. 3 (In Russ.).
8. Sheremetyeva SO, Babina OI. A Platform for Knowledge Assisted Conceptual Annotation of Multilingual Texts. *Vestnik JuUrGU. Serija «Lingvistika» = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020;17(4):53-60. (In Russ.).
9. Djemaa M, Candito M, Muller Ph, Vieu L. Corpus Annotation within the French FrameNet: A Domain-by-Domain Methodology. In: *Proceedings of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation*. Portorož, Slovenia. 2016. P. 3794–3801.
10. Palmer M, Gildea P, Kingsbury P. The Proposition Bank: An Annotated Corpus of Semantic Roles. *Computational Linguistics*. 2005;31(1):71-106.
11. Sheremetyeva S. Automatic Extraction of Linguistic Resources in Multiple Languages. In: *Proceedings of NLPCS2012, 9th International Workshop on Natural Language Processing and Cognitive Science in conjunction with ICEIS2012*. 2012. Pp. 44–52.
12. Rocha L, Soares-Bastos I, Freitas C, Rademaker A. Scavenger Hunt: What do we Find When Look for Confusions. *PROPOR: International Conference on the Computational Processing of Portuguese*. 2018. URL: https://www.inf.ufrgs.br/propor-2018/wp-content/uploads/2018/10/PROPOR2018-SRW_paper_12.pdf (accessed 06.06.2022).
13. Viju JS. Concept Interpretation by Semantic Knowledge Harvesting. *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology (IJRASET)*. 2018;6(5):477-484.

Информация об авторе

А. Ю. Зиновьева — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры лингвистики и перевода, лаборант научно-образовательного центра «Лингво-инновационные технологии».

Information about the author

Anastasia Zinoveva — Candidate of Philological Sciences, lecturer, Department of Linguistics and Translation Studies, laboratory assistant, Research and Education Centre of Innovative Linguistic Technologies.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 81'25

ЯЗЫКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБЗОРОВ ИТ-СФЕРЫ

Надежда Владимировна Зорина^{1✉}, Ксения Сергеевна Максимова²

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ nad514@yandex.ru

² xeniamax97@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой обобщение идей и суждений отечественных и зарубежных авторов на тему дискурса информационных технологий. Проблема нехватки литературных источников в сфере ИТ-дискурса обуславливает данное исследование, подчеркивая актуальность рассматриваемой тематики. В статье приведен детальный анализ современных исследований авторов по ИТ-дискурсу, рассмотрены основные языковые тенденции в сфере информационных технологий, а также представлены основные известные классификации ИТ-лексики. Дискурс ИТ рассматривается в статье как с точки зрения лексической составляющей дискурса, так и с его грамматической стороны. Лексическая часть дискурса направлена на рассмотрение обильного употребления сленгизмов, жаргонизмов и профессионализмов в ИТ-сфере, приведена характеристика данных терминов и их примеры. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, использование страдательного залога и причастных конструкций с *with* и грамматическая адаптация английской ИТ-терминологии в русском языке составляют грамматическую часть дискурса. Кроме того внимание авторов обращено на способы адаптации ИТ-лексики в русском языке: заимствование, генерализацию, конкретизацию, смысловое развитие, антонимический перевод, калькирование, транслитерацию, транскрибирование, а также звуковое отсечение. Отдельное внимание в статье уделяется рассмотрению такого вида блога, как сравнительный обзор, его характеристикам и этапам сравнения.

Ключевые слова: ИТ-дискурс, ИТ-терминология, ИТ-лингвистика, сравнительный обзор, адаптация лексики, сленгизмы, профессионализмы

Для цитирования: Зорина Н. В., Максимова К. С. Языковые тенденции в переводе сравнительных обзоров ИТ-сферы // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 47–54.

Review article

LANGUAGE TRENDS IN THE TRANSLATION OF THE IT SPHERE'S COMPARATIVE REVIEWS

Nadezhda V. Zorina^{1✉}, Ksenia S. Maksimova²

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹ nad514@yandex.ru

² xeniamax97@gmail.com

Abstract. The article is a generalization of ideas and judgments of Russian and foreign authors on the topic of information technology discourse. The problem of the lack of literary sources in the field of IT discourse determines this study emphasizing the relevance of the topic under consideration. The article provides a detailed analysis of modern research by authors on IT discourse, considers the main linguistic trends in the field of information technology and also presents the main known classifications of IT vocabulary. The IT discourse is considered in the article both from the point of view of the lexical component of the discourse and from its grammatical side. The lexical part of the discourse is aimed at considering the abundant use of slang, jargon and professionalisms of the IT sphere, the characteristics of these terms and their examples are given. Compound and complex sentences, the use of the

passive voice and participial constructions with “with”, and grammatical adaptation of English IT terminology in Russian constitute the grammatical part of the discourse. In addition, the author’s attention is drawn to the ways of adapting IT vocabulary in Russian, such as borrowing, generalization, concretization, semantic development, antonymic translation, tracing, transliteration, transcription, as well as sound clipping. Special attention in the article is paid to the consideration of such type of blog as a comparative review, its characteristics, and stages of comparison.

Keywords: IT discourse, IT terminology, IT language studies, comparative review, lexical adaptation, slang, professionalism

For citation: Zorina NV, Maksimova KS. Language trends in the translation of the IT-sphere’s comparative reviews. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):47-54. (In Russ.).

Введение

XXI век — век технологий, в том числе стремительно развивающихся информационных технологий. Это век, в котором на первый план выходят технологический прогресс и постоянно растущий поток информации. Информационные технологии проникли во все сферы жизни и нашли применение в образовании, экономике, промышленности, культуре, науке и социальных структурах. Благодаря им стало доступным внедрение и последующее развитие дистанционного образования во время сложной ситуации пандемии; тогда же ускорился процесс внедрения телемедицины в жизнь людей. Информационные технологии упростили труд человека, сделав более доступными удаленное ведение работы, а также позволяя внедрять робототехнику на производстве, заменяя физически тяжелые профессии. Развитие искусственного интеллекта не только ускорило перемещение рабочих процессов людей в сферу IT, но и значительно поспособствовало развитию маркетинга в сети Интернет.

Достаточно сложно представить количество технологий, разрабатываемых каждый день ведущими IT-компаниями. Каждый год мировые корпорации выпускают цифровые новинки, которые находят широкое применение в различных отраслях человеческой деятельности. Большинство из них — это зарубежные компании, среди которых наиболее известными потребителю являются Apple, Microsoft, Google, Intel, Facebook¹, IBM и т. д. Вместе с тем такие инновации внедряются не только в сферу IT, но и в сферу лингвистики. Технологии, выпускаемые такими компаниями, чаще всего носят английские названия и используют английские термины для описания данной продукции. Это приводит к необходимости их перевода на русский язык, а также дальнейшей адаптации и локализации в русской IT-культуре.

¹Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Популярность цифровой продукции растет, а вместе с ней и необходимость приобретения навыков и знаний для комфортного взаимодействия с IT-рынком. В условиях быстро происходящей цифровизации не все имеют возможности и ресурсы к его постоянному мониторингу и получению достаточных знаний для свободного ориентирования в нем. В связи с этим в интернет-пространстве появилась профессия IT-блогера — того, кто профессионально занимается аналитикой рынка информационных технологий. Частыми результатами работы IT-блогеров являются статьи, видеоблоги, а также видеобзоры и сравнительные обзоры различной продукции в сфере IT.

Материалы и методы исследования

Сравнительные обзоры берут свое начало в сравнительном методе исследований, в основе которого находится простой прием получения новой информации — сравнение. Обратившись к словарям лингвистических терминов советских и российских ученых, можно обнаружить следующие определения сравнения. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова определяют сравнение как «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [12. С. 150]. Похожей мысли придерживается советский лингвист О. С. Ахманова, утверждающая, что сравнение — «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым». Она же называет сравнение «сопоставительным изучением» [12. С. 202].

Как отечественные, так и зарубежные ученые рассматривали вопросы сравнительного метода. Так, американский ученый и политолог Д. Кольтер говорит о том, что сравнение — это фундаментальный инструмент анализа. Оно обостряет наши способности к описанию и играет центральную роль в формировании понятий, акцентируя внимание на предполагаемых сходствах и кон-

трастах между ними. Регулярно используемый при проверке гипотез, сравнительный метод также может способствовать индуктивному открытию новых гипотез и построению теорий. Другой ученый, А. Лейпхарт, определяет сравнительный метод как анализ относительно небольшого числа явлений, который включает не менее двух наблюдений, которого недостаточно для применения традиционного статистического анализа [16; 17].

Прагматическая функция сравнительного метода заключается в получении новой информации о свойствах сравниваемых явлений, а также об их прямых и косвенных взаимосвязях, об общей тенденции их функционирования и развития. Данный метод направлен на соотнесение одного явления с другим в целях выявления сходств и различий между ними в целом или по отдельным свойствам. Это позволяет описать качественные и количественные свойства предметов, а также классифицировать, упорядочить и оценить их содержание. Процесс сравнения можно разделить на определенные этапы. А. Д. Тихомиров выделяет три этапа сравнения: 1) установление возможности сравнения, то есть выявление и выбор соответствующих критериев; 2) выявление на основе этих критериев отношений сравнения между изучаемыми явлениями (равенства / неравенства, сходства / различия и т. д.); 3) выявление и оценка существенных признаков явлений и тенденций их развития, формирование соответствующих понятий [14].

В сравнительных обзорах сравнение может быть выражено не только на лексическом уровне, но и целым словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным, предложением или сложным синтаксическим целым. Основное сравнение происходит на основе характеристик сравниваемых явлений, подкрепляемое различной терминологией и узкоспециализированной лексикой. IT-блогеры, выступающие в роли переводчиков и лингвистов, сталкиваются с наибольшими трудностями именно в отношении двух последних элементов, потому что в настоящий момент дискурс сферы информационных технологий недостаточно изучен.

Характеристика IT-текстов

Многие авторы сходятся во мнении, что перевод технических текстов и текстов IT-тематики является одним из самых сложных видов перевода. Большое количество быстро обновляющейся терминологии, а также специфика академического английского языка становятся причиной

изучения данного вопроса. Так, характеризую англоязычный IT-дискурс, Н. Г. Асмус говорит о его тяготении к краткости и лаконичности, что обусловлено желанием носителей экономить свое время. Для него характерна целостность сообщений и отсутствие большого количества знаков для выражения эмоциональности, в то время как русскоязычный дискурс тяготеет к разбиению реплики на несколько формальных сообщений и обилию знаков [2].

Т. П. Смирнова рассматривает основные особенности лексического состава англоязычной технической литературы, к которой она относит 1) абстрактность лексики (*research, control*); 2) использование книжной лексики (*to say — to state*); 3) использование научной терминологии (*Asus Genius, Apple, Microsoft, Word, CD-ROM*); 4) образование неологизмов; 5) присутствие значительного количества общеупотребительных слов; 6) присутствие предлогов и союзов; 7) использование аббревиации и сокращений (*DA — data available*) [13].

Не исключено использование жаргонизмов, профессионализмов и сленгизмов в лексике IT. Исследуя данный вопрос, Н. А. Каменева определяет профессионализмы как узкопрофильную лексику, представленную устоявшимися научными и техническими терминами или элементами лексики из повседневного обихода, которые перешли в разряд терминологии IT-дискурса и приобрели новое значение. Так, например, лексема *вирус* имеет два значения: *внеклеточная форма жизни, распространяющая инфекцию* (повседневный лексикон) и *программа, которая заражает другие программы* (профессионализм IT-сферы). Автор говорит о пересечении профессионализмов со сленгизмами, но вторые несут более выраженную эмоциональную окраску. К ним автор относит такие примеры: *кодить — программировать (code)*; *бэкапить — копировать (backup)*. Под жаргонизмами автор понимает узкоспециализированную лексику, более ограниченную и не настолько распространенную в обществе, как сленг: *батоны — клавиши (buttons)*; *блохи — ошибки (bugs)*. П. В. Лихолитов утверждает, что основная масса жаргонизмов IT-сферы — это, безусловно, заимствованные англицизмы. Однако ими могут быть и русские жаргонизмы, перекочевавшие из других профессиональных групп, например, *чайник — неопытный программист* [9; 10].

Об обилии сленга в русскоязычном дискурсе информационных технологий говорит Л. Алиева.

Автор замечает, что сленговая составляющая ИТ-сферы чаще всего формируется путем «пересмысления английских слов» с сопутствующими игрой слов и морфологическими преобразованиями: так, *to drive* становится дровами, а *CD* — *сидюком*. Именно ИТ-сленг вместе с жаргонизмами становится основой для русскоязычного компьютерного жаргона и сленга [1].

Еще одной отличительной чертой ИТ-языка в русском языке является стиль текста. И. И. Гапарова отмечает, что технические тексты носят формально-логический стиль и требуют высокой точности перевода. Е. К. Борисова и М. В. Артамонова утверждают, что стиль технического текста может варьироваться от публицистического до научного и зависит скорее от контента, с которым используется, будь то пользовательский интерфейс, маркетинговый контент или онлайн-помощь [7; 10].

Многих ученых привлекает и грамматический аспект языка ИТ. И. И. Гапарова считает основной формой предложений в англоязычном ИТ-языке сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Частым случаем является употребление причастных конструкций с предлогом *with* и страдательного залога. По мнению Р. Гайдды, тексты ИТ-тематики содержат большое количество иллюстраций и таблиц и обладают конструктивной сложностью: они содержат множественные причастные, герундиальные и инфинитивные обороты [7; 6].

А. С. Никотин также рассматривает грамматические особенности русскоязычного ИТ-дискурса. Автор считает, что в русском языке ИТ-англицизмы начинают «подчиняться его правилам» — категориям рода, числа, склонения (имена существительные и прилагательные); грамматическим значениям вида, форм, наклонений и спряжения (глаголы). Таким образом, существительные приобретают падежное окончание (*геймер* — *геймерами*), глаголы — флексии: словоизменительные суффиксы и префиксы (*to click* — *кликать*), прилагательные приобретают словоизменительные суффиксы (*to interact* — *интерактивный*) [11].

Классификация ИТ-лексики

Рассматривая лексику сферы информационных технологий, можно выделить несколько семантических групп, наиболее часто встречающихся в данной области. А. С. Никотин выделяет следующие семантические группы: 1) наименования технических устройств (*плеер, планшет, девайс*);

2) наименования их компонентов (*мачпад, адаптер, интерфейс*); 3) понятия компьютерной сферы (*ангрейд, вай-фай, браузер*); 4) понятия корпоративной культуры и управления (*оффтон, гайдлайн*); 5) различные программы и приложения (*Твиттер, Инстаграм¹, Скайп*) [11].

Т. П. Смирнова также разделяет ИТ-лексику на пять групп, включая первые четыре пункта А. С. Никотина. Вместе с тем она добавляет группу «интернет-лексика» (*home page* — *главная страница; netiquette* — *правила поведения в сети; ИМНО* — *по моему скромному мнению*) [13].

А. С. Никотин предлагает классифицировать заимствованную из английского языка ИТ-лексику по виду ассимиляции: 1) ассимилированные заимствования (*консоль, ноутбук, модем*); 2) частично ассимилированные заимствования (*девайс, гугл, гиперссылка*); 3) неассимилированные заимствования — варваризмы, ксенизмы (*Android, Apple, ICQ*) [11].

Наконец, И. В. Журавлева предлагает свою классификацию лексики, разграничивая ИТ-язык на две области: область аппаратного обеспечения (*laptop* — *портативный компьютер; processing unit* — *процессор*) и область программного обеспечения (*data* — *данные; software* — *программное обеспечение*) [8].

Терминология

Одной из главных языковых особенностей ИТ-текстов, как текстов профессионально ориентированных, является специализированная лексика и терминология, виды ее заимствования в русском языке. Л. Р. Алиева определяет термин как языковую единицу, которая может использоваться в каких-либо ограниченных сферах деятельности либо же в науке, профессии. Однако общепринятого определения, по мнению исследователя, не существует в связи с тем, что, во-первых, не существует научной дисциплины этой тематики, а во-вторых, «термин» — это междисциплинарное слово, имеющее в каждой из использующихся дисциплин свои характеристики и признаки [1].

И. В. Журавлева также предпринимает попытку определить «термин» и говорит, что это опорные слова специалиста или слова и словосочетания, используемые для обозначения профессионального понятия. Такая лексика отличается особой точностью, ясностью, однозначностью [8].

Вопрос терминологии в своей работе рассматривает Н. А. Каменева. Она изучает и анализирует

¹Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

рует функционирование терминов и терминологии в компьютерном дискурсе, рассматривает существующие виды терминов (термины категорий, термины-синонимы, термины-дублиеты), их компоненты, подразделяя их на семантические словосочетания, соединенные беспредложным способом (*operating system*) или с помощью предлогов (*update by copy*). Н. А. Каменева изучает и терминологические омонимы (*ячейка памяти (IT) — cell — клетка, ячейка*), а также процесс метафоризации терминов (*worm (IT) — тип компьютерного вируса — червь*). Автор приходит к выводу, что наиболее распространенным видом терминов являются двухсложные термины (*mouse pad; hard disk*). Д. А. Веснина также рассматривает многокомпонентную сторону терминов и выделяет: 1) однокомпонентные термины (*overlocking — оверлокнинг*) и 2) многокомпонентные термины (*solid-state drives — твердотельные накопители*). Автор заявляет, что многокомпонентные термины часто принимают форму аббревиации из-за своей громоздкости и в последующем используются и распознаются именно в такой форме (*QHD — Quad High Definition — сверхвысокой четкости (QHD)*) [9; 5].

Д. А. Веснина рассматривает еще одну категорию терминов в IT-языке — термины, заимствованные из повседневной лексики. Так, *wake up* в IT-дискурсе приобретает форму *выход из спящего режима*, а *multitasking* — *многозадачный режим работы* [5].

Адаптация IT-лексикона

Рассматривая характеристики англоязычного виртуального дискурса, Н. Г. Асмус утверждает, что создание новых понятий и реалий в русском языке происходит в первую очередь с помощью «приращения смыслов в существующем семантическом поле», а не с помощью создания новых слов, как это происходит в англоязычном виртуальном дискурсе. Т. П. Смирнова исследует новообразования англоязычной IT-сферы именно с точки зрения словообразовательных моделей. Она выделяет пять моделей образования новых слов в англоязычном дискурсе: 1) аффиксация (19,4 %); 2) словосложение (44 %); 3) компрессия (29 %); 4) конверсия (0,2 %); 5) семантическое словообразование (7,4 %) [2; 13].

При адаптации англоязычного лексикона IT-дискурса текст претерпевает некоторое количество лексических трансформаций, о которых говорят многие отечественные ученые. Н. Г. Асмус, изучая способы образования компьютерной

терминологии, приходит к выводу, что самым часто применяемым способом является транскрибирование, впоследствии подвергаемое изменениям социального характера: *driver — драйвер — дрова*. Также используются эллипс и усечение слов (*windows — винда*), аффиксация на основе англоязычного корня и русского суффикса (*to google — гуглить, to upgrade — апгрейдить*), используемая в англоязычном виртуальном дискурсе аббревиация, основанная на начальных буквах слов, в русском языке приобретает форму видоизмененной корневого морфемы (*снс от спасибо*) [2].

Р. Гайда выделяет несколько способов перевода языка IT-сферы: калькирование, полукалькирование, фонетическая мимикрия, перевод с использованием стандартной лексики либо с помощью языка других профессий. Он утверждает, что при переводе технических текстов с английского на русский язык используются два способа передачи значения: 1) заимствование (*console — консоль; spam — спам; web service — веб-сервис*) и 2) подбор славянского аналога (*reversal — отмена; bug — ошибка*). Как замечает автор, первый способ намного чаще встречается в русских технических текстах, что обусловлено, во-первых, возможностью для работников IT-сферы почувствовать себя частью IT-сообщества и быстрее понимать англоязычных коллег, а во-вторых, скоростью обновления специализированной терминологии и технического языка, что позволяет в кратчайшие сроки заполнить «культурологические лакуны» языка. И. В. Журавлева также заявляет о частых заимствованиях англицизмов, обуславливая это тем, что чаще всего в русском языке и культуре отсутствует подходящий, хотя немного близкий по значению к оригиналу эквивалент. Заимствованные слова обладают однозначностью, что помогает быстро понять тематику, к которой они относятся. Заимствование как способ адаптации удобен и тем, что там, где мог бы потребоваться описательный перевод терминологии и неологизмов, оно позволяет сохранить краткость слов [6; 8].

Н. А. Каменева также считает главным способом адаптации англицизмов калькирование (*mouse — мышь*). Помимо этого, она рассматривает транслитерацию (*disk — диск; monitor — монитор; router — роутер*) и транскрибирование (*windows — виндоуз; byte — байт*), которые Р. Гайда относит к заимствованиям и славянским аналогам соответственно. Каменева приходит к выводу, что при переводе многих терминов наиболее часто используются такие

лексические трансформации, как: генерализация, конкретизация, смысловое развитие, антонимический перевод, а также звуковое отсечение (*Wikipedia* — *wiki* + *encyclopedia*; *webinar* — *web* + *seminar*). В русскоязычном IT-дискурсе термины также адаптируются путем фонетической мимикрии, транслитерации или транскрибирования [9].

Калькирование рассматривается как один из основных способов адаптации IT-лексики и в работе В. Г. Якуниной и Е. В. Шевченко. Они подходят к данному вопросу с точки зрения локализации лексики и также добавляют к способам адаптации замену единиц систем измерения (адаптация числовых значений и условных обозначений) и семантические замены (замена предложений семантическими эквивалентами в русском языке) [3].

А. С. Никотин приводит свою классификацию адаптаций, разделяя их на: 1) фонографически адаптированные (звуковая конвергенция (*reader* — *ридер*), дивергенция (*biohacker* — *биохакер*), простая субституция (*hi-tech* — *хай-тек*); 2) морфологически/грамматически адаптированные (происходит «подчинение» правилам русского языка); 3) семантически адаптированные (проходят три стадии адаптации: попадают в принимающий язык, где подвергаются лексической и/или грамматической вариативности — приобретают точное значение и образуют производные слова — подвергаются семантическим сдвигам и приобретают стилистическую окраску). Автор отмечает, что при звуковой адаптации англициз-

мов, часто происходит оглушение звонких согласных в русском варианте слова (*blog* — *бло[к]*), а также нейтрализуется буква «о» в безударном положении (*modem* — *м[а]дем*) [11].

В противовес представленным мнениям И. В. Журавлева дополняет список таким способом, как описательный перевод, при котором слово переводится с помощью его объяснения на русском языке. Например, слова *thread* и *stream* при каждом переводе требуют использования описательного способа, поскольку оба слова уже зафиксировали за собой значение *поток*, что может ввести в заблуждение, если не знать контекст [8].

Заключение

Проведенный обзор работ, посвященных рассмотрению языковых тенденций в переводе сравнительных обзоров IT-сферы, позволяет сделать следующий вывод. На сегодняшний день русскоязычный IT-дискурс, обладая большим количеством языковых особенностей, нуждающихся в своевременном переводе и адаптации, требует большего внимания и изучения. Обильный поток терминологии и неологизмов, появившихся благодаря таким способам адаптации лексики, как заимствование, калькирование, транслитерация и транскрибирование, пополнил вокабуляр русского IT-языка, заменив собой безэквивалентную лексику. Профессионализмы, жаргонизмы и особенно сленгизмы стали неотъемлемой частью языка IT-дискурса.

Список источников

1. Алиева Л. Р. Лингвопереводческий анализ англоязычной терминологии в сфере информационных технологий // Язык и культура. 2013. № 9. С. 124–128.
2. Асмус Н. Г. Универсальные и уникальные черты русскоязычного виртуального пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 24–26.
3. Артамонова М. В., Борисова Е. К. Особенности локализации программного обеспечения // Студент и наука (гуманитарный цикл) : сборник научных трудов. Магнитогорск : Изд-во МГТУ, 2019. С. 454–456.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига, 2005. 576 с.
5. Веснина Д. А. Лексико-семантические и грамматические особенности маркетинговых текстов сферы информационных технологий в аспекте перевода // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 887–889.
6. Гайда Р. Русский язык IT-сферы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. СПб. : МАПРЯЛ, 2015. С. 9–12.
7. Гапарова И. И. Жанрово-стилистические особенности перевода технических текстов в IT-сфере // Сборник статей VII студенческой научно-практической конференции «Вопросы межкультурной коммуникации в переводоведении и филологии». Алматы : Полилингва, 2021. С. 46–49.
8. Журавлева И. В. Особенности перевода безэквивалентной лексики подязыка информационных технологий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8. С. 17–21.

9. Каменева Н. А. Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 1. С. 185–199.
10. Лихолитов П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. № 3. С. 43–49.
11. Никотин А. С., Мымрина Д. Ф. Адаптация англицизмов-неологизмов в русском языке (на материале статей в сфере IT-технологий) // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск : Изд-во ТПУ, 2015. Ч. 1. С. 224–229.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
13. Смирнова Т. П. Лексические особенности английских текстов в области информационных технологий // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64317> (дата обращения: 08.06.2021).
14. Тихомиров А. Д. Сравнительный метод // Anale ştiinţifice ale Academiei „Ştefan cel Mare” a MAIRM: ştiinţe juridice. 2009. № 9. С. 87–89.
15. Якунина В. Г., Шевченко Е. В. Лингвоиндустрия: локализация и перевод // Наука без границ. 2017. № 6. С. 16–20.
16. Collier D. The comparative method: Two decades of change // Comparative political dynamics: Global research perspectives. New York: HarperCollins Publishers, 1991. P. 7–31.
17. Lijphart A. The American political science review // American Political Science Association. 1971. Vol. 65, № 3. P. 682–693.

References

1. Alieva LR. Linguistic and translation analysis of English terminology in the field of information technology. *Yazik i kultura = Language and Culture*. 2013;(9):124-128. (In Russ.).
2. Asmus NG. Universal and unique features of the Russian-speaking virtual space. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Chelyabinsk State University Bulletin*. 2011;(33):24-26. (In Russ.).
3. Artamonova MV, Borisova EK. Features of software localization. In: *Student i nauka (gumanitarniy tsikl) = Student and science (Humanities cycle)*. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University; 2019. Pp. 454–456. (In Russ.).
4. Akhmanova OS. *Slovar lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow, URSS Publ.; 2005. 608 p. (In Russ.).
5. Vesnina DA. Lexico-semantic and grammatical features of marketing texts in the field of information technology in the aspect of translation. *Molodoy uchyoniy = Young Scientist*. 2016;(4):887-889. (In Russ.).
6. Gaida R. Russian language of IT field. In: *Russkiy yazik i literatura v prostranstve mirovoi kulturi. Materiali XIII kongressa MAPRYAL = Russian language and literature in the space of world culture. Materials of the XIII IATRLI Congress*. Saint Petersburg; 2015. Pp. 9–12. (In Russ.).
7. Gaparova II. Genre and stylistic features of the translation of technical texts in the IT field. In: *Sbornik statey VII studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Voprosy mezhkulturnoy kommunikatsii v perevodovedenii i filologii” = Collection of articles of the VII student scientific and practical conference “Issues of intercultural communication in translation studies and philology”*. Almaty; 2021. Pp. 46–49. (In Russ.).
8. Zhuravlyova IV. Features of the translation of non-equivalent vocabulary of the information technology sublanguage. *Aktualniye problem gumanitarnih i estestvennih nauk = Topical Issues of Humanities and Natural Sciences*. 2016;(8):17-21. (In Russ.).
9. Kameneva NA. Analysis of the lexical features of the English and Russian languages in the field of information technology. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Russian Journal of Linguistics] = Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Linguistics [Russian Journal of Linguistics]*. 2019;(23):185-199. (In Russ.).
10. Likholtov PV. Computer jargon. *Russkaya rech = Russian speech*. 1997;(3):43-49. (In Russ.).
11. Nikotin AS, Mymrina DF. Adaptation of English neologisms in Russian (based on articles in the field of IT technologies). In: *Kommunikativniye aspekty yazika i kultury: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i molodih uchyonih = Communicative aspects of language and*

culture: collection of materials of the XV International scientific and practical conference of students and young scientists. Tomsk, Tomsk Polytechnic University; 2015. Pp. 224–229. (In Russ.).

12. Rosental DE, Telenkova MA. Slovar-spravochnik lingvisticheskih terminov = Dictionary and reference book of linguistic terms. 3rd ed. Moscow, Prosveschenie; 1985. 399 p. (In Russ.).

13. Smirnova TP. Lexical features of English texts in the field of information technology. *Sovremenniy nauchnyye issledovaniya i innovatsii = Modern Research and Innovation*. 2016;(2). Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64317> (accessed 06.08.2021). (In Russ.).

14. Tikhomirov AD. Comparative method. *Anale științifice ale Academiei "Ștefan cel Mare" a MAIRM: științe juridice = Scientific Annals of the "Ștefan cel Mare" Academy of MAIRM: legal sciences*. 2009;(9):87-89. (In Russ.).

15. Yakunina VG, Shevchenko EV. Linguoindustry: localization and translation. *Nauka bez granits = Science without Borders*. 2017;(6):16-20. (In Russ.).

16. Collier D. The comparative method: Two decades of change. *Comparative Political Dynamics: Global Research Perspectives*. New York: HarperCollins Publishers; 1991. Pp. 7–31.

17. Lijphart A. The American Political Science Review. *American Political Science Association*. 1971;65(3):682-693.

Информация об авторах

Н. В. Зорина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов.

К. С. Максимова — магистрант факультета иностранных языков.

Information about the authors

N. V. Zorina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English for the Faculties of Natural Sciences, Physics, and Mathematics.

K. S. Maksimova — MA student of the Faculty of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 03.04.2022; approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

КОРРЕЛЯЦИЯ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ *ШЕРЕГЕШ* И *ТУРИСТ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШОРЦЕВ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Вероника Александровна Каменева¹✉, Антонина Павловна Картавцева²,
Светлана Вячеславовна Коломиец³, Ирина Станиславовна Морозова⁴

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, russia_science@mail.ru, ORCID 0000-0001-8146-9721

²Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Прокопьевск, Россия, apk-1954@mail.ru, ORCID 0000-0001-9440-4986

³Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, kolomsvetlana@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2885-094X

⁴Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, ishmorozova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0862-7225

Аннотация. Исследовано соотношение ассоциативных полей *Шерегеш* и *турист* в языковом сознании шорцев 7–16 лет. Цель — изучить этническое мировосприятие шорцев на примере представлений образов *Шерегеш* и *турист*. Применялись методы анкетирования, направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, семантического гештальта Ю. Н. Караулова. Выявлены два важных составляющих понятия *Шерегеш* в языковом сознании участников эксперимента: 1) горнолыжный курорт; 2) место проживания их семьи (этнота). Доминантная составляющая рассматриваемого понятия находится в тесной корреляции с понятием *турист* в картине мира шорцев школьного возраста. Слово-стимул *Шерегеш* не вызвало ассоциаций по признаку и деятельностному компоненту. Анализ показал, что слово-стимул *Шерегеш* ассоциативно связано с туристами, а слово-стимул *турист* — только с топонимом *Горная Шория*.

Ключевые слова: лингвистическая антропология, шорцы, Кузбасс, ассоциативное поле, психолингвистический эксперимент

Для цитирования: Каменева В. А., Картавцева А. П., Коломиец С. В., Морозова И. С. Корреляция ассоциативных полей *Шерегеш* и *турист* в языковом сознании шорцев школьного возраста // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 55–62.

Original article

CORRELATION OF ASSOCIATIVE FIELDS *SHEREGESH* AND *TOURIST* IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF SCHOOL-AGED SHORIANS

Veronika A. Kameneva¹✉, Antonina P. Kartavtseva², Svetlana V. Kolomiets³,
Irina S. Morozova⁴

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, russia_science@mail.ru, ORCID 0000-0001-8146-9721

²Prokopyevsk Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia, apk-1954@mail.ru, ORCID 0000-0001-9440-4986

³Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, kolomsvetlana@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2885-094X

⁴Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ishmorozova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0862-7225

Abstract. The paper studies the correlation of associative fields Sheregesh and tourist in the language consciousness of Shorians aged 7–16 years. The aim was to study the ethnic worldview of Shorians on the example of Sheregesh and tourist images. The study used the methods of questioning, directed chain psycholinguistic experiment, semantic gestalt by Y. N. Karaulov. Two important components of the concept of Sheregesh in the language consciousness of the participants of the experiment were revealed: 1) a ski resort; 2) the place of residence of their family (ethnos). The dominant component of the concept under consideration is in close correlation with the concept of a tourist in the world picture of school-age Shorians. The word-stimulus Sheregesh did not cause associations by the attribute and activity component. The analysis showed that the word-stimulus Sheregesh is associatively associated with tourists, and the word-stimulus tourist — only with the toponym Gornaya Shoria.

Keywords: linguistic anthropology, Shorians, Kuzbass, associative field, psycholinguistic experiment

For citation: Kameneva VA, Kartavtseva AP, Kolomiets SV, Morozova IS. Correlation of associative fields *Sheregesh* and *tourist* in the language consciousness of school-aged Shorians. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):55-62. (In Russ.).

Введение

В настоящее время лингвистическая антропология, рассматривающая специфику мировосприятия различными этносами, обретает особую актуальность в условиях редукции этнической идентичностей этносов вследствие американизации информационного глобального интернет-пространства, экспансии западноевропейской и корейской культур посредством кинематографа, музыки, рекламы, транслирующих культурно-социальные коды, изменяющие ценностные установки и поведенческие модели людей многих стран мира. Соответственно, на сегодня вопросы мониторинга и фиксации изменений в мировосприятии (мироощущении, мировоззрении) малых коренных народов обретают особое значение и смысл. Всем многонациональным государствам важно сохранять их этническое многообразие, способствуя сохранению культурного мирового наследия.

Следовательно, вопросы изучения мировосприятия (мироощущения, мировоззрения) шорцев — малого коренного народа России — также имеют теоретическую и практическую ценность и значимость.

Этническое мировосприятие рассматривается нами как синоним понятиям *этническое мировоззрение* и *этническое мироощущение*. В данной работе этническое мировосприятие трактуется как система духовных ценностей и культурной нормы предков, определяющая поведение как некий собственный образ мира, выражающий глубинные пласты национального духа этноса, с собственным комплексом эмоционально-психологических представлений, как нормативное отношение к природе, обществу, человеку [13. С. 82].

Этническое мировосприятие является способом духовно-практического освоения действительности человеком и носит культурно обусловленный (ин)вариантный образ мира, соотносенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии [6; 9; 11]. «Специфика мироосмысления и миропонимания обуславливается не различиями в структуре сознания представителей различных культур, а различными ментальными образами, которые сформированы под влиянием географических, климатиче-

ских, исторических факторов, создающих менталитет народа» [12. С. 621]. Система ценностей и культурных норм, принимаемая всеми представителями этноса, определяет специфику национального менталитета, который в свою очередь находит отражение в языковом сознании.

Языковое сознание манифестирует себя в языке, определяет способ мышления лингвокультурной общности, отражает особенности ее когнитивной деятельности, специфику мировосприятия и миропонимания, а также культурные ценности и доминанты [1; 5]. «Оно фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (то есть учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов» [17. С. 162].

Языковое сознание рассматривается как «знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания» [15. С. 20]. В данном исследовании под языковым сознанием понимается «система предметных значений (овнешняя в том числе и в вербальной форме)» [14. С. 116].

Данная работа посвящена изучению ассоциативных образов, вызываемых словами-стимулами *Шерегеш* и *турист*, у шорцев Кузбасса школьного возраста, 7–16 лет. Указанные слова-стимулы выбраны не случайно. Во-первых, Шерегеш — поселок Таштагольского района, расположенный на юге Кемеровской области, одно из мест компактного проживания шорцев Кузбасса, культурно и исторически значимая для данного этноса территория [2]. Во-вторых, Шерегеш — популярный горнолыжный курорт, привлекающий туристов не только из других городов России, но и других стран.

Как известно, наличие или отсутствие ассоциаций с определенными видами рекреационной деятельности позволяет получить данные не только о том, какое социально-экономическое положение имеет данный этнос, но и о некоторых приоритетах и ценностях данного народа и их иерархии.

Для решения поставленных задач исследования был выбран психолингвистический подход, имеющий неоспоримые преимущества в получении точных данных по мировоззрению и миро-

восприятию этноса. Обзор научной литературы показал, что данный подход получил признание среди исследователей, успешно сочетающих его с социологическими и этнографическими методами анализа. Как правило, исследователи проводят анализ определенных фрагментов этнического мировоззрения и мировосприятия из-за невозможности получения и обработки данных по всем ключевым аспектам, значимым для этноса.

Так, М. А. Лысенко на основе данных психолингвистического ассоциативного эксперимента исследует специфику восприятия и оценки русскими счастья как культурной ценности [10]. Д. В. Горохова обращается к психолингвистическому эксперименту для изучения отношения русских к самопожертвованию [4]. А. П. Чудинов, Н. А. Сергиенко и В. М. Глушак на основе проведенного психолингвистического эксперимента выявляют отношение русских, украинцев, британцев и американцев к таким базовым культурным оппозициям, как добро и зло, правда и ложь [16]. Е. А. Голубенко исследует оппозицию *война и мир* на основе данных психолингвистического эксперимента в языковом сознании русских, англичан и японцев [3]. О. А. Кириак приводит данные психолингвистического эксперимента, раскрывающие восприятие и оценку англичанами воровства [8].

Как свидетельствуют приведенные данные теоретического обзора, психолингвистический подход активно применяется к исследованию мировоззрения и мировосприятия этносов, принадлежащих к различным лингвокультурам.

Материалы и методы исследования

В генеральную выборку исследования вошли 768 ассоциатов, полученных в результате направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 100 человек. Эксперимент проводился с января по февраль 2022 г. В эксперименте были задействованы обучающиеся 5–9-х классов 7–16 лет из школы-интерната № 19 и детского дома-школы «Родник» Таштагольского района Кемеровской области. Все респонденты — шорской национальности, как из Таштагола, так и из поселков Таштагольского района.

Респонденты получили задание в течение 1–3 минут в письменной форме зафиксировать четыре первых ассоциации, пришедших на ум, которые вызывает у них слово-стимул *Шерегеш* и слово-стимул *турист*. Ассоциации было необходимо записывать вертикально, для того чтобы

сами ассоциации не были восприняты как слова-стимулы. В результате было получено 383 реакции на слово-стимул *Шерегеш* и 385 реакций на слово-стимул *турист*.

В данной работе наряду с общенаучными методами применялся метод семантического гештальта Ю. Н. Караулова [7], который предполагает распределение полученных ассоциатов на определенное слово-стимул на следующие группы: лицо (кто), предмет (что), признак (какой), действие (что делает), место (где) и другие.

Методика анализа корреляции ассоциативных полей *Шерегеш* и *турист* в языковом сознании школьников шорской национальности включала следующие процедуры:

- 1) составление ассоциативного поля по результатам анализа направленного психолингвистического эксперимента со словом-стимулом *Шерегеш*;
- 2) составление ассоциативного поля по результатам анализа направленного психолингвистического эксперимента со словом-стимулом *турист*;
- 3) распределение полученных ассоциатов на слово-стимул *Шерегеш* в соответствии с методом семантического гештальта;
- 4) распределение полученных ассоциатов на слово-стимул *турист* в соответствии с методом семантического гештальта;
- 5) соотнесение ассоциативных полей и интерпретация полученных результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Ассоциативное поле *турист*

Респондентами было предложено 385 реакций на слово-стимул *турист*. Полученные ассоциаты были распределены в соответствии с методом семантического гештальта Ю. Н. Караулова. Как показал анализ полученных реакций, преобладают ассоциации, связанные с человеком (кто), его качествами (какой) и действиями (что делает). В ядро понятия *турист* в языковом сознании респондентов входят лексемы с семами *путешествие* и *отдых*: *путешественник* (31), *путешествовать* (3), *путешествия* (2); *отдыхающий* (29), *отдых* (3), *отдыхает* (1).

В ближней периферии понятия *турист* находятся вербальные реакции, свидетельствующие о преобладании представления о туристе как о любителе отдыха на природе, который ночует в палатке, рыбачит, готовит пищу на костре, любуется природой, играет в карты и поет песни под гитару. Среди полученных реакций: *палатка* (23),

рюкзак (18), поход (12), котёл / еда / питание (10), костёр (9), гитара / песни под гитару (9), здоровье (9), речка (9), тропа (9), спички (2), шалаши (2), карты (1). Это позволяет предположить, что для школьников шорской национальности, принявших участие в эксперименте, такой вид туризма хорошо известен, интересен и считается полезным для здоровья.

В дальнюю периферию вошли лексемы, описывающие туриста-спортсмена: лыжи (4), спортсмен (4), спорт (3), кроссовки / кеды (2), сноуборд (1). Спортивный отдых с занятиями лыжным спортом или сноубордингом известен и актуален лишь для нескольких опрошенных.

Группа ассоциатов, связанная с агентом действия (лицо, **кто**), включает следующие реакции: путешественник (31), отдыхающий (29), гость (8), человек (8), люди из-за рубежа / в костюмах / с фотоаппаратами (5), спортсмен (4), друг (3), иностранец (3), охотник (3), рыбак (3), странник (3), люди (2), любители куда-нибудь сходить (1), люди, которые ездят на моря (1), люди, которые ходят на экскурсии (1), человек, который активно отдыхает на природе (1). Туризм для респондентов — это в первую очередь отдых в родном краю с рыбалкой и охотой, но, несмотря на это, разнообразие полученных реакций свидетельствует о том, что турист в языковом сознании респондентов — это чаще всего тот, кто приезжает из-за рубежа к ним в родной край для занятий спортом, кто сам выезжает куда-то к морю и ходит на экскурсии.

Семантическое поле, описывающее предметы (**что**), ассоциируемые со словом-стимулом *турист*, включает лексемы, представляющие оборудование и вещи, необходимые для туристических походов и осуществления туристической деятельности: палатка (23), рюкзак (18), поход (12), здоровье (9), костёр (9), речка (9), тропа (9), гитара (8), еда (5), вершины (4), вещи (4), лыжи (4), питание (4), деньги (3), лодка (3), отдых (3), спорт (3), охота (2), путешествие (2), рыбалка (2), спички (2), шалаши (2), веселье (1), весло (1), канатные дороги (1), карты (1), кеды (1), костюм (1), котёл (1), кроссовки (1), мусор (1), песни под гитару (1), пикник (1), приключения (1), развлечение (1), рекреационный ресурс (1), свобода (1), удочка (1), узлы (1), фотоальбом (1). Доминирование лексем, связанных с палаточным туризмом, и их разнообразие демонстрирует опыт большинства респондентов в данном виде рекреационной деятельности. Наличие лексем с положительными коннотациями: *здоровье, свобода, приключения,*

развлечение, веселье — позволяет говорить о значимости и ценности туризма для шорцев школьного возраста.

Образными характеристиками (признак, **какой**) понятия *турист* выступают лексемы: *приезжий* (17), *иностранный* (9), *экстремальный* (4), *богатый* (3), *очень культурный* (3), *самодостаточный* (3), *незнакомый* (2), *вдохновляющий* (1), *довольный* (1), *ненормальный* (1), *спортивный* (1), *чужой* (1). Реакции, ассоциативно связанные с характеристикой туриста, позволяют предположить, что в языковом сознании шорцев школьного возраста турист — это тот, кто приехал из других населенных пунктов или других стран, кто имеет достаточно средств на отдых, кто любит экстремальный отдых.

Как следует из полученных данных, отношение к туристам — двойственное. У ряда респондентов отчетливо прослеживается негативное отношение к туристу как чужаку (*приезжий, чужой, ненормальный, иностранный*). Другие же воспринимают туристов позитивно, как воспитанных и культурных людей, которые любят спорт, богаты и довольны всем.

Действия, ассоциируемые со словом-стимулом *турист* представлены следующими лексемами: *ходить в походы* (3), *получать много новых знаний и впечатлений* (2), *исследовать новые места* (1), *кататься* (1), *отдыхать* (1), *развлекаться* (1). Необходимо также отметить реакции респондентов, раскрывающие интерес к туристам как источнику дохода со стороны нескольких респондентов: *деньги* (3), *рекреационный ресурс* (1).

В целом можно сделать вывод, что большинство респондентов воспринимают туристов как приезжих, тех, кто любит путешествовать и имеет финансовые возможности отдыхать в их крае, занимаясь экстремальными видами спорта. Положительное отношение респондентов к палаточному туризму позволяет говорить о том, что именно такой туризм актуален, ценен и доступен для большинства респондентов. Не случайно в семантической группе места (**где**) к слову-стимулу *турист* у респондентов был зафиксирован топоним *Горная Шория*.

2. Ассоциативное поле *Шерегеш*

На слово-стимул *Шерегеш* участниками эксперимента было дано 383 ассоциации, только один участник не предоставил вербальные ассоциации, отметив, что у него нет *ничего* на предлагаемый стимул.

Среди предложенных респондентами ассоциатов на первом месте находится топоним *гора Зе-*

лѐная (36) и слово *гора* (16) — вербальная реакция, которая означает названную ранее гору, расположенную в пяти километрах от поселка Шерегеш, и является главным туристическим объектом. Второе место по частотности представления респондентами занимает лексема *турист/ы* (30). Таким образом, *гора Зелѐная* и *турист* составляют ядерный компонент понятия *Шерегеш* в сознании респондентов.

В ближнюю периферию входят лексемы, относящиеся в большинстве к сфере туризма и горнодобывающей деятельности региона: *лыжи* (22), *горнолыжный курорт* (20), *гора Мустаг* (16), *шахта* (15), *снег* (14), *друзья* (13), *Горная Шория* (11), *сноуборд* (11).

Дальнюю периферию ассоциативного поля *Шерегеш* составляют ассоциаты, связанные с инфраструктурой посёлка Шерегеш и легендой о снежном человеке: *город* (12), *магазины / шоппинг* (6), *гостиница / отель* (4), *дома* (4), *дороги / улицы* (4), *посѐлок* (4), *школы* (4), *архитектурная культура* (2), *скульптура* (2), *Йети в горах* (2), *легенда о Йети* (1), *снежный человек* (1). Соответственно, в языковой картине мира участников эксперимента понятие *Шерегеш* закреплено как посѐлок с инфраструктурой для проживания, расположенного в Горной Шории недалеко от населенного пункта Таштагол, и горнолыжный курорт.

Специфика ассоциатов ближней и дальней периферии позволяет увидеть общие представления респондентов о том, что для них Шерегеш — это курорт для занятий горнолыжным спортом и сноубордингом в Горной Шории и обычный шахтерский поселок, в котором есть такие типичные объекты инфраструктуры, как магазины, школы, детские сады, жилые дома.

В лексико-семантическую группу, описывающую агента действия (**кто**), которого респонденты связывают со словом-стимулом *Шерегеш*, вошли лексемы: *турист* (30), *друзья* (13), *гость* (4), *Йети* (3), *снежный человек* (1).

В поле слов-ассоциатов, связанных с предметом или явлением (**что**), были включены следующие вербальные реакции респондентов: *лыжи* (22), *горнолыжный курорт* (20), *гора Мустаг* (16), *шахта* (15), *снег* (14), *город* (12), *сноуборд* (11), *зима* (7), *дом* (7), *магазины / шоппинг* (6), *Родина* (6), *дома* (4), *гостиница / отель* (4), *дороги / улицы* (4), *посѐлок* (4), *школы* (4), *подъѐмник* (3), *семья* (3), *архитектурная культура* (2), *вода* (2), *воздух* (2), *мороз* (2), *садик* (2), *скульптура* (2), *еда* (1), *гитара* (1), *машины* (1), *отдых* (1), *пикник* (1), *радость* (1), *рыбалка* (1), *снегоход* (1), *холод* (1).

Лексические единицы, описывающее место (**где**), включают три этнонима и репрезентацию места как уголка на планете Земля, где проживают их близкие: *Горная Шория* (11), *Земля* (1), *там, где мои друзья* (1), *там, где много интересного* (1), *там, где много лесов* (1), *там, где моя тѐтя* (1), *Таштагол* (1), *Шерегеш* (1).

Обращает на себя внимание отсутствие реакций к слову-стимулу *Шерегеш* по семантическим группам признака (**какой**) и действия (**что делает**). Во-первых, полное отсутствие качественных характеристик в ассоциативном поле вербальных реакций на слово-стимул *Шерегеш* по семантической группе признака позволяет предположить, что у респондентов не сформировался эмоционально-оценочный облик Шерегеша-курорта вследствие того, что они если и посещают данную территорию, то не в качестве туристов-спортсменов. Во-вторых, отсутствие реакций, выраженных прилагательными и связанных с оценкой и описанием Шерегеша как поселка, но наличие реакций *дом*, *родина*, *друзья*, дает возможность предположить, что респонденты воспринимают Шерегеш как свое место проживания и территорию проживания этноса в Кузбассе, как некое многокомпонентное целое, определяющееся не единой отличительной характеристикой, а множеством понятий, составляющих его: *город*, *посѐлок*, *семья*, *друзья* и др. Представляется возможным здесь привести параллель с понятием *планета Земля*, на которой мы все проживаем, воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, обыденное, не наделяя особыми качественными характеристиками, не давая оценок.

На слово-стимул *Шерегеш* респондентами не были предложены вербальные реакции с деятельностным компонентом, что также позволяет предположить, что занятие горнолыжным спортом, ассоциируемое с Шерегешем, не актуально для них. Если и имеется опыт пребывания на территории горнолыжного курорта, то не для занятий спортом.

Отсутствие реакций, описывающих их повседневные действия как жителей шахтерского поселка, согласуется с ранее выдвинутым нами предположением, что для респондентов жизнь в Шерегеше и жизнь в других населенных пунктах — одинаковая в их восприятии, а обыденные, рутинные действия не связаны с конкретным местом проживания. Поскольку большая часть опрошенных учеников обучается не в родном поселке, а в школе-интернате, куда детей привозят из отдаленных населенных пунктов, такой опыт у них имеется.

Заключение

Вышеизложенный анализ результатов ассоциативного эксперимента выявил наличие в сознании респондентов корреляции двух понятий — *Шерегеш* и *турист*. Полученная в ходе эксперимента информация свидетельствует о двух важных составляющих понятия *Шерегеш* в языковом сознании участников эксперимента: 1) горнолыжный курорт; 2) место проживания их семьи (этнуса). Доминантная составляющая рассматриваемого понятия находится в тесной корреляции с понятием *турист* в картине мира шорцев

школьного возраста. Наблюдается широкая палитра вербальных реакций на оба слова-стимула в поле слов-ассоциатов, связанных с предметом или явлением, что говорит об их широком понятийном объеме в языковом сознании испытуемых и их значимости для респондентов.

Вполне вероятно, что подрастающее поколение шорцев расставляет иные акценты в восприятии окружающего мира и имеет отличное от старшего поколения мировосприятие, что требует дальнейшего исследования и определяет его перспективу.

Список источников

1. Абилюдинова Ж. Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 33–43. URL: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43>
2. Борина Л. С. Этническое самосознание шорцев на современном этапе // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7-1. С. 78–79.
3. Голубенко Е. А. Особенности репрезентации концептов *война* и *мир* на основе результатов психолингвистического эксперимента (на материале русского, английского и японского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 115–120. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.24>
4. Горохова Д. В. *Самопожертвование* как культурная ценность в сознании молодых россиян // Вопросы психолингвистики. 2021. № 1. С. 16–29. URL: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29>
5. Зайнуллин М. В. О сущности языкового сознания // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 4. С. 1243–1245.
6. Калиева А. Т. Концептуально-эпистемологический подход к исследованию индивидуального этнического сознания : дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2014. 145 с.
7. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
8. Кирияк О. А. Культурно-языковые представления о воровстве современных представителей английской этнолингвокультуры (психолингвистический ассоциативный эксперимент) // Иностранные языки в высшей школе. 2009. № 1. С. 104–109.
9. Кукуба О. А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. № 4. С. 89–106.
10. Лысенко М. А. Психолингвистическое значение концепта «счастье» в русском языковом сознании // Linguistica Juvenis. 2012. № 14. С. 119–125.
11. Привалова И. В. *Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование)* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 50 с.
12. Сагитова А. Ф., Сулейманова А. К. Языковое сознание как синтез универсального и этнически специфичного // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. С. 619–622.
13. Терентьев В. М. Характерные особенности этнического мировосприятия // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 82–88.
14. Уфимцева Н. В. Языковое сознание — образ мира — языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 115–119.
15. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.
16. Чудинов А. П., Сергиенко Н. А., Глушак В. М. *Добро, зло, правда, ложь* в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: опыт психолингвистического эксперимента // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 297–311. URL: <https://doi.org/10.17223/18137083/75/21>
17. Яковлев А. А. Языковое сознание — часть индивидуального сознания или часть теории? // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2. С. 157–171. URL: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-40-2-157-171>

References

1. Abildinova ZhB. Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon. *Neofilologiya = Neophilology*. 2018;4(14):33-43. (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43>
2. Borina LS. Ethnic self-consciousness of the Shors at the present stage. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2012;(7-1):78-79. (In Russ.).
3. Golubenko EA. Peculiarities of representing the concepts *war* and *peace* on the basis of psycholinguistic experiment (by the material of the Russian, English and Japanese languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2019;12(3):115-120. (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.24>
4. Gorokhova DV. *Self-devotion* as a cultural value in the consciousness of young Russians. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2021;(1):16-29. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-16-29>
5. Zainullin MV. On linguistic consciousness. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2011;16(4):1243-1245. (In Russ.).
6. Kalieva AT. Conceptual and epistemological approach to the study of individual ethnic consciousness [dissertation]. Orenburg; 2014. 145 p. (In Russ.).
7. Karaulov YN. Indicators of national mentality in the associative-verbal network. In: Ufimtseva NV, editor. *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Publishing House; 2000. Pp. 191–206. (In Russ.).
8. Kiriyak OA. Culture-based and linguistic perception of theft in the mentality of contemporary English people (a psycholinguistic associative experiment). *Inostrannye yazyki v vysshey shkole = Foreign Languages in Tertiary Education*. 2009;(1):104-109. (In Russ.).
9. Kuckoba OA. The nature and structure of ethnic mentality. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2004;(4):89-106. (In Russ.).
10. Lysenko MA. Psycholinguistic meaning of the concept «happiness» in the Russian language consciousness. *Linguistica Juvenis*. 2012;(14):119-125. (In Russ.).
11. Privalova IV. Linguistic consciousness: ethno-cultural marking (theoretical and experimental research [abstract dissertation]. Moscow; 2006. 50 p. (In Russ.).
12. Saghitova AF, Suleymanova AK. Language consciousness as a synthesis of universal and ethnically specific. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2018;(2):619-622. (In Russ.).
13. Terentiev VM. Characteristic features of the ethnic worldview. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2007;(1):82-88. (In Russ.).
14. Ufimtseva NV. Language consciousness — worldview — language picture of the world. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2015;(24):115-119. (In Russ.).
15. Ufimtseva NV, Tarasov EF. Problems of studying language consciousness. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2009;(10):18-25. (In Russ.).
16. Chudinov AP, Sergienko NA, Glushak VM. *Good, evil, truth, lie* in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2021;(2):297-311. (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.17223/18137083/75/21>
17. Yakovlev AA. Language consciousness: is it part of consciousness or of a theory? *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2019;(2):157-171. (In Russ.). Available from: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-40-2-157-171>

Информация об авторах

В. А. Каменева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии.

А. П. Каргавцева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

С. В. Коломиец — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии.

И. С. Морозова — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии развития, директор Института образования.

Information about the authors

V. A. Kameneva — Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romance and Germanic Philology.

A. P. Kartavtseva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

S. V. Kolomiets — Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Romance and Germanic Philology.

I. S. Morozova — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, Director of the Institute of Education.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 09.06.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'22

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ СИНТАКСЕМ СО СТРУКТУРОЙ *ne* + сущ. в И. п.

Виктория Валерьевна Каприелова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, nikakap@mail.ru

Аннотация. Рассматривается группа синтаксем с фразеологизированным значением (то есть значение синтаксемы нельзя вывести из значения составляющих ее компонентов), обладающих структурой *ne* + сущ. в И. п. и функционирующих в качестве предикатов. Подробно описывается семантика синтаксем данной структуры (*ne sled*, *ne ukaz*, *ne delo*, *ne greh* и т. д.) и их функционирование в предложении.

Ключевые слова: синтаксема, фразеологизированное значение, семантика, функционально-коммуникативный синтаксис, РКИ

Для цитирования: Каприелова В. В. Особенности семантики и употребления модально-оценочных синтаксем со структурой *ne* + сущ. в И. п. // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 63–70.

Original article

SEMANTICS AND USAGE OF SYNTAXEMES WITH MODAL-EVALUATIVE MEANING (Having Structure *ne* + Noun in Nominative)

Viktoria V. Kapriellova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nikakap@mail.ru

Abstract. The article is dealing with a group of syntaxemes with idiomatic meaning. We use term “syntaxemes with idiomatic meaning” to distinguish such syntaxemes whose meaning cannot be understood knowing just the meanings of its components (for example syntaxeme *ne delo* means something more than two words *ne* and *delo*). The examined syntaxemes have structure particle *ne* + noun in Nominative case (*ne sled*, *ne ukaz*, *ne delo*, *ne greh*, *ne vremya*, *ne mesto*, *ne sud'ba* and *ne pomoha*). Such syntaxemes function as predicates. The meaning of the modal-evaluative syntaxemes is thoroughly described in the article. The name of the group shows that the syntaxemes not only have a modal semantics but also evaluate an action or a situation. The study also describes how the syntaxemes function in the sentence, what constructions they form, which words can be used in these constructions.

Keywords: syntaxeme, idiomatic meaning, semantics, functional-communicative syntax, Russian as a foreign language

For citation: Kapriellova VV. Semantics and Usage of Syntaxemes with Modal-evaluative Meaning (Having Structure *ne* + Noun in Nominative). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472)):63-70. (In Russ.).

Введение

Немецкие лингвисты начала XIX в. считали золотой эрой существования языков древнюю эпоху, когда языки обладали большими парадигмами, то есть изобиловали способами выраже-

ния отдельного значения с помощью отдельного средства.

История показывает, что языки стремятся к тому, чтобы одно средство позволяло передавать более одного значения, и это касается не только морфологии. Свидетельством этого же процесса выступает появление единиц

с фразеологизированным значением (то есть единиц, значение которых нельзя вывести из значения их компонентов). Единица с фразеологизированным значением отличается относительно простым формальным устройством, которое компенсирует сложную семантическую структуру. Эту специфическую черту идиоматических единиц отметили А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский: «Идиоматичность речи приводит к большей синтаксической простоте при большей семантической нагруженности отдельных компонентов высказывания» [2. С. 28].

В основном единицы с фразеологизированным значением не представляют трудности для восприятия и употребления носителями языка (хотя порой и возникают коммуникативные неудачи, например, связанные с неправильным пониманием той или иной поговорки или поговорки). Но для студентов, изучающих иностранный язык, фразеологизированные единицы будут представлять особую сложность; для их восприятия иностранцам потребуется развитие дополнительных компетенций. Как справедливо заметила Н. Д. Арутюнова, для понимания единиц с высокой долей прагматического содержания требуется навык интерпретации таких единиц: «Понимание обеспечивается знанием значений слов и предложений (семантической компетенцией), а интерпретация — знанием механизмов употребления языка (прагматической компетенцией)» [1. С. 61–62].

Самыми яркими представителями единиц с фразеологизированным значением являются поговорки и поговорки, поэтому исследователи и преподаватели в первую очередь обращают внимание на них¹. Тем не менее круг таких языковых явлений довольно широк, большое количество фразеологизированных единиц можно обнаружить на уровне синтаксиса, и для этого есть определенные предпосылки. В. Н. Телия, описывая структуру фразеологизмов-идиом, обращала внимание на тесную связь между синтаксисом и лексикой: «сращенность лексической и синтаксической семантики, в способности лексического состава этих фразеологических единиц соотноситься с обозначаемым действительностью и нести информацию о ней лишь совместно и на фундаменте определенной синтаксической конструкции (в ее возможных для данного слу-

чая трансформах)» [10. С. 20]. Таким образом, мы видим, насколько специфическая семантика связана с той или иной синтаксической структурой.

Идиоматичность в синтаксисе, в частности, описывала А. В. Величко, выделив так называемые «синтаксические фразеологизмы». Под синтаксическими фразеологизмами А. В. Величко понимает «нестандартные синтаксические структуры, построение которых не подчиняется регулярным синтаксическим связям и закономерностям. <...> Компоненты таких структур связаны идиоматически, а прямые лексические и грамматические значения компонентов, создающих структуру, ослаблены» [3. С. 4]. Другими словами, синтаксическими фразеологизмами являются предложения, в структуре которых заложено фразеологизированное значение.

Объект нашего исследования похож на синтаксические фразеологизмы, но функционирующие на уровне малого синтаксиса. Нас интересуют синтаксемы с фразеологизированным значением (фразеологизированные синтаксемы), состоящие из отрицательной частицы *не* и существительного в И. п., функционирующие в предложении как предикаты, занимая позицию сказуемого (*не дело, не грех, не помеха*). В данной статье мы будем рассматривать только те фразеологизированные синтаксемы, которые обладают модально-оценочным значением².

Оговоримся, что под термином *синтаксема* мы понимаем совокупность определенной формы слова, отсылающей сразу к целому классу слов, и лексику, наполняющую эту форму. При изучении синтаксем важна специфика их употребления в синтаксических построениях (в частности, позиция в предложении). Таким образом, термин *синтаксема* мы рассматриваем в традициях функционально-коммуникативного синтаксиса и в определении, сформулированном М. В. Всеволодовой [4], но необходимо упомянуть, что данный термин был введен в широкое употребление в лингвистических изысканиях Г. А. Золотовой [5].

Наше внимание к синтаксемам, единицам малого синтаксиса, не случайно и вполне соответствует последним тенденциям в современном синтаксисе. Единицами малого синтаксиса (тоже обладающими фразеологизированным значением) занимается, к примеру, Л. Л. Иомдин, изучая

¹ Так, например, В. Н. Телия, довольно широко очерчивавшая круг фразеологизированных единиц, свои исследования посвящала, главным образом, изучению паремий.

² В нашем исследовании мы делим все фразеологизированные синтаксемы с описанной характеристикой на собственно оценочные (*не подарок, не вопрос, не шутка*) и модально-оценочные.

фраземы [6; 7]. Именно Л. Л. Иомдин привлек внимание лингвистов к необходимости изучать единицы малого синтаксиса [6]. Исследования в рамках малого синтаксиса проводит и Е. В. Рахилина, развивающая идеи грамматики конструкций [9], некоторые из которых мы позаимствовали в ходе анализа функционирования фразеологизированных синтаксем.

Фразеологизированные синтаксемы довольно похожи на синтаксические фразеологизмы: подобно синтаксическим фразеологизмам они склонны передавать оценочные и модально-оценочные смыслы (А. В. Величко среди семантических типов синтаксических фразеологизмов выделяет «выражающие оценку, характеристику», «выражающие необходимость, целесообразность, ненужность, невозможность» [3. С. 15]).

Важно, что синтаксические фразеологизмы и фразеологизированные синтаксемы характеризуются схожим синтаксическим поведением. А. В. Величко, описывая особенности функционирования синтаксических фразеологизмов, отмечает, что они состоят из постоянного и переменного компонентов. При этом «постоянные компоненты определяют структуру синтаксических фразеологизмов и их значение», они выступают в качестве «конструктивно и семантически образующих» элементов предложения [3. С. 10]. А «переменные компоненты — это лексически свободные компоненты. <...> В составе ФС имеет значение только часть речи слова, которое является переменным (свободным) компонентом, и его морфологическая форма <...>. Лексическое наполнение таких компонентов определяется говорящим в соответствии с содержанием сообщения» [3. С. 11]. В свою очередь, фразеологизированные синтаксемы в предложении употребляются в конструкции, состоящей из постоянного компонента (самой синтаксем) и переменного компонента с заданной морфологической формой и относительно свободным лексическим наполнением. Таким образом, особенности функционирования синтаксических фразеологизмов и фразеологизированных синтаксем довольно схожи.

Отметим, что и другие ученые посвящали свои работы единицам, которые являются предметом нашего исследования, хотя подходили к их изучению несколько иначе. П. А. Лекант и его ученики, в частности И. В. Тимошенко, занимались описанием *форм-идиом* — «устойчивых сочетаний, образованных сочетанием двух компонентов, один из которых — генетически знаменательная часть речи, а другой — служебное слово» [12. С. 105].

По сути, объем понятия терминов *форма-идиома* и *фразеологизированная синтаксема* совпадают. Тем не менее исследование И. В. Тимошенко в большей степени было направлено на изучение позиций в предложении, которые занимают формы-идиомы, особенностей стилистического употребления форм-идиом и разграничению омонимичных форм-идиом [11; 12].

Материалы и методы исследования

Итак, в данной статье мы представим описание семантики каждой фразеологизированной синтаксем, входящей в группу модально-оценочных синтаксем, и продемонстрируем особенности употребления данных синтаксем в предложении.

Перечислим синтаксем, входящие в исследуемую группу: *не след, не указ, не дело, не грех, не время, не место, не помеха, не судьба*.

Мы должны сразу сделать оговорку: на самом деле, синтаксем *не след* и *не указ* не соответствуют заявленной структуре, так как, по крайней мере, на данном этапе развития языка стержневое слово в них не является именем существительным. Тем не менее, учитывая их формальное сходство с остальными синтаксемами и схожее синтаксическое поведение, мы сочли возможным включить их в данную группу.

Пожалуй, следует прокомментировать название данной группы синтаксем. Мы называем их модально-оценочными, так как с помощью данных языковых единиц говорящий оценивает ситуацию и, в зависимости от оценки, выносит определенное предписание или делает вывод о возможности/невозможности совершения действия.

При исследовании семантики синтаксем мы будем пользоваться методами компонентного и концептуального анализа. Языковой материал, представленный в статье, был взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты исследования и их обсуждение

Семантика синтаксем

Как известно, выделяются два основных типа модальности: алетическая и деонтическая [8]. Большинство из исследуемых нами синтаксем обладают деонтической, предписывающей, модальностью.

Так, с помощью синтаксем *не след*, обладающей самой простой семантической структурой, говорящий оценивает некое действие как недостойное (недостойное как в рамках данной

культуры, так и с точки зрения говорящего; то есть в семантической структуре данной синтаксемы присутствует авторизационный компонент) и, исходя из этой оценки, предписывает не совершать данное действие.

(1) Воровать никому **не след**. [И. С. Тургенев. Бирюк (1848)]

Значение данного контекста можно раскрыть следующим образом: ‘Говорящий считает, что *воровать* — это действие, недостойное человека, а значит, это негативное действие, поэтому говорящий предписывает никому не совершать данное действие’.

Оценка говорящим действия как недостойного в основном совпадает с оценкой, принятой в данной культуре (как в примерах 1 и 3), но может представлять собой индивидуальную оценку говорящего.

(2) Тем не менее, ученые, что попроще, не оставляют надежды отыскать философский камень, и **не след** над ними смеяться. [НКРЯ]

В данном контексте видно, что предписание, выносимое говорящим (относиться с уважением к некоторым ученым), не соответствует поведению других членов социума (иначе бы оно не выносилось), а потому его оценка действия ‘смеяться над такими учеными’, по всей видимости, не соотносится с оценкой, господствующей в данной культуре.

Нужно отметить, что значение данной синтаксемы очень близко значению глагола *не следует*. Более того, так же, как и глагол, синтаксема *не след* употребляется в качестве модального модификатора. Ср.:

(3) Ребенок на ночь глядя болтается по концертам. — Им, конечно, виднее, а только **не след** ребенку на ночь глядя болтаться по концертам, — заявила она. [НКРЯ] — Ребенку **не следует** болтаться по концертам.

Чуть более сложной семантической структурой обладает синтаксема *не указ*. Данная синтаксема используется в том случае, если на поведение говорящего пытаются оказать воздействие. С помощью синтаксемы *не указ* говорящий выражает, что собеседник или некое лицо не обладает достаточным авторитетом, чтобы заставить его выполнить то или иное действие. Рассмотрим следующий пример:

(4) К тому же в «традиционной» фотографии есть много людей, которые контролируют твою съемку: фоторедактор журнала, редактор твоего альбома и т. д. А в интернете ты можешь сам собрать свою историю, и никто тебе **не указ**. [НКРЯ]

В приведенном примере говорящий рассказывает о том, как на его профессиональную деятельность (подготовку фотоматериалов) оказывают воздействие самые разные люди, обладающие достаточным авторитетом, чтобы говорящий подчинился им («фоторедактор журнала, редактор твоего альбома»). От этого воздействия его избавляет интернет, в котором нет субъектов, обладающих властью оказать влияние на подготовку фотографий говорящим. Показателен и следующий пример:

(5) Я свободна и делаю что хочу, никто мне **не указ**. [НКРЯ]

Здесь эксплицируется сема ‘говорящий не зависит от другого лица и намерен выполнить желаемое действие’, заложенная в значении синтаксемы *не указ*.

В некоторых случаях с помощью данной синтаксемы говорящий обозначает, что он не боится негативных последствий, которые могут принести ему действия другого лица:

(6) Немцы-французы те тоже на цырлах бегают, каждое слово ее берегут. А этому никто **не указ**. [НКРЯ]

(7) И *заграничные* — «плоские» — законы нам, живущим на сфере, **не указ**, к нам они просто не имеют отношения. [НКРЯ]

Причем результатом того, что субъект не признает авторитеты, может являться совершение действий, способных принести неблагоприятные последствия другим лицам (особенно часто при описании таких действий употребляется конструкция *им/ему/ей¹ никто² не указ*).

(8) — Опять ЧП! — начальник РОВД был мрачен. — Воскобойников на Придонской трассе разбился! Вырастили борзых, они думают — *им¹ никто² не указ*, вот и гарцуют! [НКРЯ]

Со временем значение синтаксемы *не указ* испытывает некоторую модификацию, и мы можем встретить уже такие употребления:

(9) Один сенатор, шесть членов палаты представителей, несколько их помощников были избиты и осуждены. Ни Англия, ни Штаты нам, конечно **не указ**. <...> Возможны ли в России подобные искушения потенциальных взяточников, в том числе в высших эшелонах власти? [НКРЯ]

(10) И ничего не поздно: мамина подруга тетя Катя родила в сорок пять! — А я не буду! — отрезала Дина. — И тетя Катя мне **не указ**. [НКРЯ]

В таких контекстах говорящий обозначает, что ситуация, произошедшая с определенными субъектами, не обязательно должна произойти с другим субъектом (в том числе и с самим говорящим).

щим). Как бы такая ситуация «не имеет авторитета», не имеет влияния на другого субъекта, поэтому то, что произошло с другими, необязательно произойдет с ним.

Еще более сложной семантической структурой обладает синтаксема *не дело*. У данной синтаксеммы представлены два значения. Синтаксема *не дело 1* имеет следующее значение: ‘то или иное лицо недостаточно компетентно, чтобы принимать участие в ситуации’:

(11) Суд недавно подчеркнул, что *не дело* региона — решать, строить или не строить Федеральные ядерные объекты. [НКРЯ]

Так, в приведенном примере говорящий утверждает, что региональная власть не обладает достаточной компетентностью и полномочиями, чтобы принимать решения о строительстве ядерных объектов (это должны делать федеральные власти).

Синтаксема *не дело 2* по своему значению похожа на синтаксему *не след*, так как с ее помощью некоторое действие оценивается как неподобающее и выносится предписание его не совершать¹.

(12) **Не дело**, знаешь ли, ножам на земле валяться. [НКРЯ]

В данном примере говорящий определяет действие «валяться на земле» как неподобающее (что интересно, не по отношению к лицу, а по отношению к предмету) и поэтому предписывает другим лицам не оставлять ножи лежать на земле.

Иногда в предложениях с синтаксеммой *не дело 2* не называется субъект, которому не следует выполнять то или иное действие, тогда предписание справедливо для любого субъекта:

(13) Старухе я что-то ответил. Словами. Руки распускать на женщину — **не дело**. Даже по такому поводу. Хоть и больно хочется. [НКРЯ]

Способом различения значений синтаксеммы *не дело* является употребление в различных конструкциях: синтаксема *не дело 1* используется в конструкции *что-то¹ не дело кого-то²*, а синтаксема *не дело 2* функционирует в конструкции **не дело кому-то¹ что-то делать²**.

Модификацией конструкции с синтаксеммой *не дело 1* является конструкция **не чье-то дело** (*не твое дело, не мое дело*). Данная конструкция обозначает, что субъект, названный с помощью притяжательного прилагательного, недостаточно

¹ При этом, как нам кажется, в структуре значения синтаксеммы *не дело 1* большее место занимает оценка действия как негативного и чуть меньшее место — предписание по сравнению с синтаксеммой *не след*.

компетентен, чтобы получить информацию от говорящего (14), или не обладает достаточной информацией, для того чтобы принимать участие в ситуации (15):

(14) — Тогда подпишитесь здесь: «В случае побочных явлений претензий не имею». — А что за побочные? — **Не ваше дело**. Подписывайте скорее. [НКРЯ]

(15) «Сказать или не сказать?» <...> «Нет, пусть уж сами разбираются между собой. **Не мое дело** влезать. [НКРЯ]

Если синтаксема *не дело* предписывает не совершать определенное действие, то синтаксема *не грех* обладает противоположным модальным значением, «позволяющим» совершить действие. Откуда появляется сема «разрешение» в значении данной синтаксеммы? Дело в том, что в семантической структуре синтаксеммы *не грех* присутствует пресуппозиция ‘описанное действие можно считать нежелательным (потенциально несущим неблагоприятные последствия)’. Но говорящий всё же приходит к заключению, что в данной ситуации выполнение этого действия не несет ни для кого неблагоприятных последствий, такое действие уместно, поэтому он разрешает себе или другому субъекту его выполнить.

(16) Все в трактире заговорили громче, задвигали над столом кружками — за такое важное дело **не грех** было хорошо выпить. [НКРЯ]

В приведенном примере действие «выпить» могло бы вызывать осуждение, но в виду исключительности ситуации говорящий решает, что его можно совершить.

Иногда с помощью синтаксеммы *не грех* говорящий призывает к выполнению действия (в таких случаях синтаксема используется со связкой *бы*):

(17) И всё ж **не грех** было *бы* и пожалеть м-ль Жорж! [НКРЯ]

Похожи по своему значению синтаксеммы *не место* и *не время*, они оценивают некоторое место или время неподходящими для совершения действия, а потому предписывают не выполнять это действие в данном локуме или в данный момент:

(18) Но приоритет уже обозначен: *школа* в России **не место** для дискуссий. [НКРЯ]

(19) Тогда будем каждого по головке... гладить. А сейчас **не время**... — Он остановился, подумал. — И вчера было **не время**. — Он еще подумал и оглянулся. — И завтра будет **не время**. [НКРЯ]

Последний пример также показывает, что предложения, содержащие синтаксеммы с модально-оценочным значением, допускают временные модификации.

Интересно, что при употреблении синтаксемы *не место* как локум может осмысляться определенная группа людей (20) или некая ситуация (21–22):

(20) Не станет она подходить, **не место** ей *среди этих людей*. [НКРЯ]

(21) В глубине души он считал, что женщинам **не место** на войне. [НКРЯ]

(22) Отклик на книгу — **не место** для разных добавлений. [НКРЯ]

В конце концов, с помощью синтаксемы *не место* может осмысляться не только локум, но и время:

(23) А сколько она натерпелась от него, как он ее гонял? Постоянно ведь мне жаловалась... — **Не место** *сейчас*, — пробубнил я с каменным лицом. [НКРЯ]

Стоит добавить, что синтаксема *не время*, изначально обозначая, что некоторое действие не следует выполнять в тот или иной момент, иногда конкретизирует значение, выражая, что некоторое действие выполнять еще рано:

(24) — Да что же ты, Егор? Как же ты?.. — **Не время**, — зло почти сказал Егор. — Дай время... Скоро уж. [Василий Шукшин. Калина красная (1973)]

Все вышеприведенные синтаксемы обладают деонтической модальностью, предписывая выполнение/невыполнение того или иного действия. Синтаксема *не судьба* занимает промежуточное место между синтаксемами с деонтической и алетической модальностью, так как она может передавать и то, и другое значение в зависимости от типа высказывания, в котором она употребляется.

В повествовательном предложении она передает значение ‘субъект хотел бы выполнить данное действие, но, несмотря на свои усилия, не может этого сделать из-за независимых от него причин’:

(25) Ветер унес мою шляпку, которую мама в лагере связала, прелестную, и подходила она к английскому пальто. <...> Значит, **не судьба** ни шляпку носить (унес ветер), ни пальто (будет продано). [НКРЯ]

Из-за того что результат действия не зависит от усилий говорящего, иногда он спокойно относится к потенциально возможному нежелательному исходу:

(26) Будет дома — хорошо. Нет — **не судьба**. [НКРЯ]

Отметим, что сема ‘зависимость от внешних причин’ у данной синтаксемы появляется под воздействием ее внутренней формы, а именно значения слова *судьба*.

В вопросительном предложении синтаксема *не судьба* имеет императивное значение — с помощью данной синтаксемы говорящий просит другого субъекта выполнить некоторое действие, при этом выражая сильное недовольство, из-за того что субъект не выполнил это действие раньше и без назидания:

(27) А дверь за собой закрыть **не судьба**?

Синтаксема *не помеха*, напротив, обозначает, что субъект сможет выполнить то или иное действие, несмотря на наличие препятствий к его совершению (другими словами, что ‘некоторое обстоятельство не сможет стать препятствием к выполнению действия для субъекта’):

(28) Степан вынул из-под сиденья свою монтировку и решительно направился к двери. Замок ему был **не помеха**. [НКРЯ]

Интересно, что в некоторых контекстах синтаксема *не помеха* может иметь значение ‘что-то не сможет причинить вред субъекту’:

(29) Облигация векселю **не помеха**. У этих инструментов разные задачи. [НКРЯ]

Значение данного контекста можно конкретизировать следующим образом: ‘облигации не смогут помешать распространению векселя, а следовательно, не смогут причинить ему вред’.

Употребление в предложении

После подробного описания семантики исследуемых синтаксем коротко остановимся на их функционировании в предложении. Как и все фразеологизированные синтаксемы, они употребляются в предложении исключительно в рамках конструкций (например, *кто¹ кому/для кого² не указ*). Важно, что в конструкции всех синтаксем с деонтической модальностью входит компонент *кому*:

(20) **Не место** *ей* среди этих людей. [НКРЯ]

(30) **Не дело** *новому вице-президенту банка² углы снимать¹*. [НКРЯ]

(28) Замок¹ *ему²* был **не помеха**. [НКРЯ]

Данный компонент мы называем *адресат назидания*, так как он обозначает лицо, по отношению к которому оценивается действие и выносятся предписание.

Как мы уже отмечали выше, некоторые синтаксемы способны функционировать в качестве модальных модификаторов:

(31) **Не грех** бы этот опыт взять на вооружение и нашим парням. [НКРЯ]

(32) **Не время** счёты сводить, не так их сводят. [НКРЯ]

В таком случае синтаксемы употребляются в безличных предложениях. Отметим, что для модально-оценочных синтаксисов вполне характерно употребление и в двусоставных предложениях.

Интересно, что предложения с модально-оценочными синтаксисами не допускают модальных модификаций (например, употребления с глаголом *оказаться*). Вероятно, это связано с тем, что то или иное действие всегда можно или нельзя выполнить.

Выводы

Таким образом, модально-оценочные синтаксисы обладают довольно сложным значением за счет того, что их семантическая структура

состоит как минимум из двух основных компонентов: 1) оценка действия и ситуации; 2) вынесение предписания, совершать или не совершать данное действие, или оценивание возможности/невозможности совершения действия или ситуации. Различение значений одной синтаксемы в основном осуществляется за счет разных конструкций, внутри которых синтаксисы функционируют в предложениях, а в случае с синтаксисом *не судьба* даже с помощью разных типов высказывания.

Подробное описание значения данных синтаксисов позволяет успешно семантизировать их в иностранной аудитории и составить систему заданий и упражнений для иностранных учащихся.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
3. Величко А. В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры. СПб. : Златоуст, 2016. 188 с.
4. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М. : УРСС, 2017. 656 с.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 540 с.
6. Иомдин Л. Л. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям ('Диалог' 2003). Протвино, 2003. С. 216–222.
7. Иомдин Л. Л. Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой раз // SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii, ročník 84. 2015. № 3. С. 291–306.
8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
9. Рахилина Е. В. (отв. редактор). Лингвистика конструкций. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.
10. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М. : Наука, 1981. 269 с.
11. Тимошенко И. В. Омонимия форм-идиом современного русского языка // Рациональное и эмоциональное в русском языке. 2012. С. 502–506.
12. Тимошенко И. В. Функции форм-идиом в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2010. № 3. С. 105–110.

References

1. Arutyunova ND. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt = The Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow; 1988. 341 p. (In Russ.).
2. Baranov AN, Dobrovolsky DO. Aspekty teorii frazeologii = Aspects of Phraseology Theory. Moscow, Znak; 2008. 656 p. (In Russ.).
3. Velichko AV. Kogda est' o chem pogovorit', ili Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury = When You Have Something to Talk About, or Sentences with Phraseologized Structures. St.-Petersburg; 2016. 188 p. (In Russ.).
4. Vsevolodova MV. Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment fundamental'noj prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli jazyka = Theory of Functional-communicative Syntax: Fragment of the Fundamental Applied (Pedagogical) Language Model. Moscow; 2017. 656 p. (In Russ.).
5. Zolotova GA, Onipenko NK, Sidorova MJu. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative Grammar of the Russian Language. Moscow; 2004. 540 p. (In Russ.).

6. Iomdin LL. Big problems of microsyntax. In: Trudy mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj lingvistike i intellektual'nym tehnologijam ('Dialog' 2003) = Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Technologies ('Dialogue' 2003). Protvino; 2003. Pp. 216–222. (In Russ.).
7. Iomdin LL. Microsyntactic constructions formed by the Russian lexeme 'raz'. *SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii, ročník*. 2015;(3):291-306. (In Russ.).
8. Plungyan VA. Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: grammatičeskie znachenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira = Introduction into Grammar Semantics: Grammatic Meanings and Grammatical Systems of World's Languages. Moscow; 2011. 672 p. (In Russ.).
9. Rakhilina EV. (ed.) Lingvistika konstrukcij = Constructions Linguistics. Moscow; 2010. 584 p. (In Russ.).
10. Telia VN. Tipy jazykovyh znachenij. Svjazannoe znachenie slova v jazyke = Types of Language Meaning. Related Meaning of a Word in Language. Moscow; 1981. 269 p. (In Russ.).
11. Timoshenko IV. Homonymy of forms-idioms in the modern Russian language. In: Racional'noe i jemocional'noe v rusckom jazyke = Rational and emotional in the Russian language. Moscow; 2012. Pp. 502–506 (In Russ.).
12. Timoshenko IV. Functions of Idiom Forms in Modern Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: russkaja filologija = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2010;(3):105-110. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Каприелова — аспирант кафедры русского языка.

Information about the author

V. V. Kapriellova — PhD student, philological faculty, Department of the Russian Language.

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 08.03.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'33

АНАЛИЗ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВИРОВАННЫХ ВВОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (на материале немецкого языка)

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений (на материале немецкого языка). Исходной является установившаяся в лингвистике точка зрения, что синтез основного и вводного предложений представляет единую сложную конструкцию, в которой вводное предложение связано семантически и грамматически с основным предложением как организующим центром. Мотивированное вводное предложение определяется как добавочное высказывание, которое в своем возникновении и позиции обусловлено содержанием определенного семантического комплекса основного звена. Выделяются и анализируются пояснительно-атрибутивные, пояснительно-дополняющие, пояснительно-уточняющие, пояснительно-обосновывающие и пояснительно-ограничительные мотивированные вводные предложения. Обосновывается своеобразие семантико-синтаксических отношений между компонентами конструкции, заключающееся в исключении вводного звена из объективных логико-синтаксических отношений членов основного предложения и его трансформации в категорию дополнительного высказывания, характеризующегося специфической грамматической формой и спецификой внутренней формы смысловых отношений.

Ключевые слова: мотивированное вводное предложение, семантико-синтаксические особенности, вводное звено, поясняемая субстанция, единая сложная конструкция

Для цитирования: Каргина Е. М. Анализ семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 71–79.

Original article

ANALYSIS OF SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF MOTIVATED INTRODUCTORY SENTENCES (based on German language material)

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, kargina-elena@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the semantic and syntactic features of motivated introductory sentences (based on the material of the German language). The initial point is the point of view established in linguistics that the synthesis of the main and introductory sentences represents a unified complex construction in which the introductory sentence is connected semantically and grammatically with the main sentence as an organizing center. A motivated introductory sentence is defined as an additional statement, which in its origin and position is conditioned by the content of a certain semantic complex of the main link. Explanatory-attributive, explanatory-complementary, explanatory-clarifying, explanatory-substantiating and explanatory-restrictive motivated introductory sentences are identified and analyzed. The author substantiates the peculiarity of semantic-syntactic relations between the components of the construction, which consists in exclusion of introductory link from the objective logical-syntactic relations of the members of the main sentence and its transformation into a category of additional utterance, characterized by a specific grammatical form and specifics of the internal form of semantic relations.

Keywords: motivated introductory sentence, semantic and syntactic features, introductory link, explained substance, unified complex construction

For citation: Kargina E.M. Analysis of semantic and syntactic features of motivated introductory sentences (based on German language material). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):71-79. (In Russ.).

Введение

Анализу семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений уделяется значительное место в лингвистической и методической литературе, что находит отражение в работах таких лингвистов, как Р. Н. Аутина [4], В. В. Дружинина [12], Р. М. Романова [20], Д. С. Самоварова [21], А. Э. Стунгене [23], Е. Н. Топтыгина [24], Л. Г. Хатишвили [25] и др.

При решении данной проблемы рассматриваются следующие концепты: «вводные высказывания» (Е. Н. Горбачева [10]), «вводные компоненты предложения» (М. А. Авласевич [1]), «вводные конструкции» (В. С. Давыдова [11]), «вставные конструкции» (А. И. Аникин [3]), «вставные предложения» (И. А. Кирюхин [14]), «вставочные конструкции» (Т. Р. Котляр [16]), «вводное предложение» (Р. Н. Аутина [4]), «вводность» (И. А. Бабакова [5]), «вводные слова» (В. И. Бухарин [6]), «вводные элементы и вставки» (Д. В. Малявин [17]), «вводящие конструкции» (Г. Ваверкова [7]), «включенные предложения» (И. Ю. Гедминайте [9]). При этом сопоставление «вводных» и «вставных» предложений (элементов, единиц, конструкций, компонентов) представлено в исследованиях Ю. А. Головенко, Д. В. Малявина, Р. М. Романовой, Е. П. Седун, А. И. Студневой, А. Э. Стунгене, В. В. Тихомирова и др.

Принимая во внимание конкретизацию анализируемого понятия «вводные предложения» определением «мотивированные», следует подчеркнуть, что исследование аспекта языковой категории модальности также актуально и представлено Д. И. Ганич, О. А. Донсковой, Г. А. Золотовой, Г. В. Колшанским, Н. П. Прокопович.

В исследовании вводных предложений в немецком языке следует исходить из уже установившейся в лингвистике точки зрения, что синтез основного и вводного предложений представляет единую сложную конструкцию. Основное предложение является организующим центром, с которым вводное предложение связано семантически и грамматически. Внутреннюю грамматическую связь между основным и вводным предложениями исследователи называют присоединительной [19; 22].

Сложная конструкция с вводным звеном представляет собой двухслойное целое, в котором иноплановость вводного звена отражает свое-

образии семантико-синтаксических отношений, существующих между компонентами конструкции. Вводное звено выпадает из объективных логико-синтаксических отношений членов основного предложения и является категорией дополнительного высказывания, характеризующегося специфической грамматической формой — особым интонационным рисунком — либо специфической внутренней формы смысловых отношений. Из рабочего определения сложной конструкции следует, что данный подход к вводным предложениям является недифференцированным, то есть объединяющим их в единую родовую категорию с определенными признаками, без традиционного деления на вставные и вводные предложения.

Данная статья посвящена описанию характера отношений между так называемыми мотивированными вводными предложениями и основным высказыванием как частями единой сложной конструкции.

Мотивированное вводное предложение является таким добавочным высказыванием, которое в своем возникновении и позиции обусловлено содержанием определенного семантического комплекса основного звена: оно стоит после отдельного слова (или словосочетания), части предложения (характеризующегося предикативным отношением) или всего основного предложения, с которым мотивированное вводное предложение связано дополнительно-пояснительными отношениями. Это означает, что к семантическому комплексу, нашедшему свое полное смысловое и формальное выражение в основном звене, присоединяется дополнительная мысль, которая имеет своим назначением пояснить в том или ином плане этот семантический комплекс, углубляя или развивая его содержание. Семантический комплекс, в связи с которым или по поводу которого создается подобное добавочное высказывание, можно было бы назвать поясняемой субстанцией.

Решающим в вопросе о связи вводного предложения с основным является, следовательно, план содержания: специфика связи заключается не в закономерном сочетании определенных разрядов и форм слов поясняемой субстанции с определенными разрядами и формами слов вводного звена, а в потребности выразить дополнительные признаки, характеристики и отношения по пово-

ду или в связи с внутренним содержанием поясняемой субстанции и в отвлечении от ее лексико-грамматических особенностей.

Дополнительно-пояснительные отношения не представляются, таким образом, однородными, и дополнительное пояснение как обобщенное грамматическое значение, свойственное мотивированным вводным предложениям, абстрагируется от более частных значений. Вводные предложения, возникающие как выражение дополнительных признаков, характеристик и отношений по поводу содержания самой поясняемой субстанции, связаны с последними отношениями глубокой атрибутивности. Это означает, что мотивированное вводное предложение соотносится с понятием, представленным в поясняемой субстанции, вскрывая какую-либо из сторон этого понятия или определяя его с точки зрения субъективного отношения к нему. При этом вводные предложения, возникающие в связи с содержанием поясняемой субстанции, в силу отдаленности ассоциаций элементы атрибутивности утрачивают.

Семантико-синтаксические разновидности мотивированных вводных предложений и особенности их материального воплощения

Прежде чем рассмотреть семантико-синтаксические разновидности мотивированных вводных предложений и особенности их материального воплощения, следует отметить, что факт отвлеченности вводного звена от лексико-грамматических особенностей поясняемой субстанции объясняет разнообразие структурных типов мотивированных вводных предложений, употребляемых для выражения одного и того же подвида семантико-синтаксических отношений, с одной стороны, и снимает необходимость при классификации мотивированных вводных предложений исходить из понимания поясняемой субстанции как отдельного слова (словосочетания), части предложения или всего предложения целиком, с другой стороны.

Пояснительно-атрибутивные предложения. Эта группа мотивированных предложений возникает как выражение дополнительного признака к поясняемой субстанции. Их структурные модели разнообразны.

Модель определительного придаточного предложения служит для выражения дополнительного признака к какой-либо предметной субстанции, например: 1) Gleich in der Eröffnungsszene —

auf die Schiller in seinen Dramen großen Wert legt — tritt in dem Streit zwischen Müller und seiner Frau der Gegensatz zutage... (Thea Schnittke, Vorwort zu «Kabale und Liebe»).

Знак тире, который некоторые исследователи называют «выразительным смысловым знаком» [15], свидетельствует о специфике смысловой связи данного вводного предложения с основным: произнесенное с интонацией вводности (здесь можно предположить «более низкий тон, более быстрый темп произношения, слабое ударение всей вводной группы» [8. С. 153]), вводное предложение выражает дополнительный признак к слову Eröffnungsszene. Можно говорить об употреблении в качестве вводных предложений определительных придаточных предложений в тех случаях, когда признак обнаруживает меньшую связь с предметным понятием и придаточное имеет свое особое коммуникативное содержание, то есть относительно свободные придаточные определительные предложения.

В плане выражения дополнительного признака модели определительного придаточного предложения может быть синонимична модель самостоятельного предложения. Вероятность атрибутивной характеристики заключена как в форме, так и в содержании вводного звена: самостоятельное предложение может быть легко преобразовано в форму определительного придаточного при незначительной трансформации некоторых его структурных элементов.

Пояснительно-дополняющие предложения. Назначение данных вводных предложений состоит в выражении дополнительных отношений к поясняемой субстанции. Отражая общую тенденцию мотивированных вводных предложений — пояснять определенный семантический комплекс основного высказывания, пояснительно-дополняющие предложения подразделяются, тем не менее, на две подгруппы в зависимости от того, возникают ли дополнительные отношения по поводу внутреннего содержания поясняемой субстанции или лишь в связи с ее содержанием.

I. Пояснительно-дополняющие предложения первой подгруппы возникают по поводу содержания поясняемой субстанции и имеют значение сопутствия этому содержанию. Глубокая атрибутивная связь вводного звена с основным выражается формально воспроизведением поясняемой субстанции во вводном звене в том или ином виде.

Наблюдения над материалом показывают, что если воспроизведенным компонентом является

существительное, то отношение атрибутивности находит свое выражение в соотносительности объема понятий, заключенных в поясняемой субстанции и в воспроизведенном компоненте. Последние могут содержать разный объем понятий; между ними могут быть отношения:

1) конкретного и общего, например: *Die Summe selbst beträgt bis zur Stunde nicht mehr als etwa siebentausend Taler — ich rechne noch nach den Talern, — von denen ich zwölftausend Taler in fünfprozentigen Papieren... deponiert habe...* (Th. Fontane, *Die Poggenpuhls*). Существительное *Taler* в основном звене употреблено в конкретном предметном значении, в то время как во вводном звене оно отвлеченно обозначает соответствующее понятие в самом общем смысле;

2) неопределенного и определенного (связанного с обобщением и выделением), например: *Für eine Schneiderin — und niemand zweifelte, dass ToINETTE jetzt im Begriff war, mit der Schneiderin zu konferieren — für die Schneiderin wird sie wieder zwei bis drei Stunden haben* (L. Feuchtwanger, *Die Füchse im Weinberg*). В данном случае неопределенный артикль при существительном *Schneiderin* в основном звене выступает в обобщающей функции, в то время как определенный артикль при этом же существительном во вводном звене выполняет выделяющую функцию.

II. Особое место занимают вводные предложения, выражающие дополнительные отношения, которые возникают в связи с содержанием поясняемой субстанции.

Вводное звено может иметь значение следствия по отношению к действию основного высказывания, например: *...und Effi schritt in Unruhe durch beide Zimmer und dann wieder in die Küche, wo sie mit Roswitha sprach: von dem Efeu drüben an der Christuskirche, ... von dem Portier, der den Gashahn wieder so schlecht zugeschraubt habe (sie würden doch noch nächstens in die Luft fliegen)...* (Th. Fontane, *Effi Briest*).

Добавочные высказывания, содержащиеся во вводных предложениях данного типа, лишены формальных и смысловых элементов глубокой атрибутивности: отношение между основным и вводным звеном строится не на отнесенности понятия, заключенного в поясняемой субстанции, к понятию, заключенному во вводном предложении. Вводное звено дополняет добавочными высказываниями основное звено, развивая его содержание в каком-либо направлении.

Пояснительно-уточняющие предложения. Дополнительно-пояснительные отношения пред-

ставлены в этом виде мотивированных вводных предложений как пояснительное уточнение. Это означает, что данные вводные предложения возникают по поводу содержания поясняемой субстанции как выражение дополнительной характеристики к ней:

1. Уточнение предметной соотносительности. Имена собственные, клички, специфические выражения, близкие к названиям, могут находить свое уточнение через модели вводных предложений, вводимых анафорическим *so* или союзом *wie*. Последние передают содержание поясняемой субстанции в суммарном виде, например: *Den einen gaben wir Elmiren (so nannte man die älteste Tochter des Polterers)...* (J. W. Goethe, *Wilhelm Meisters Lehrjahre*); *Alle Mitglieder der Familie übertrugen ihre Pietät gegen den «Hochkircher» — wie der Hochkirch-Major zur Unterscheidung von vielen anderen Majors der Familie genannt wurde — auch auf die bildliche Darstellung seiner ruhmreichen Aktion...* (Th. Fontane, *Die Poggenpuhls*); *Wir, die Bourgeoisie, der dritte Stand, wie wir bis jetzt genannt worden sind, wir wollen...* (Th. Mann, *Buddenbrooks*). В каждом из приведенных примеров соответственно имя собственное, кличка, специфическое выражение, употребленные в основном звене, уточняются через соотносительность их с другим понятием во вводном звене: *die älteste Tochter*, *der Hochkirch-Major*, *wir*. Характерным структурным показателем данных вводных предложений наделяются слова определенного характера — глагол *nennen*, реже глагол *heißen*.

II. Уточнение общих понятий, которые измеряются с какой-либо внешней стороны. Для уточнения временного понятия служит указанный структурный тип вводного предложения, вводимый анафорическими *das* или *es*, например: *Er hatte seinerzeit — das war jetzt siebenunddreißig Jahre her — ein sehr junges, sehr schönes Mädchen geheiratet* (L. Feuchtwanger, *Die Füchse im Weinberg*). В данном примере временное наречие местоименного характера *seinerzeit* находит свое уточнение через соотношение его с временным понятием, заключенным во вводном звене.

III. Уточнение какого-либо признака, что имеет место при характеристике предметных понятий. Приведем пример: *Der übrige Raum — zweihundert bis zweihundertfünfzig Menschen möchten noch Platz finden — gehörte dem niedrigen Adel und dem Volk* (L. Feuchtwanger, *Die Füchse im Weinberg*). В данном случае через содержание вводного звена вскрывается и уточняется признак предметного понятия *der übrige Raum*. Знаками пояснитель-

ного уточнения могут быть z.B. (zum Beispiel), d.h. (das heißt) и др.

Таким образом, пояснительно-уточняющие предложения содержат характеристические дополнительные сведения.

Пояснительно-ограничительные предложения. Критерием для выделения пояснительно-ограничительных предложений является тот специфический характер атрибутивного отношения, который существует между данными вводными предложениями и поясняемой субстанцией. Вводное звено возникает по поводу содержания какого-либо предметного понятия основного звена (реже поясняемой субстанцией может быть содержание всего основного звена) и содержит оговорку, которая так или иначе ограничивает содержание поясняемой субстанции. В связи с общим назначением данных вводных предложений часто используются модели придаточных ограничительных и условных предложений с повторением или без повторения в них компонента, содержание которого должно подвергнуться тому или иному ограничению, например: *Deine Blicke — wenn sie Liebe lächeln — könnten Leben durch den Marmor fächeln* (Fr. Schiller, *Entzückung an Laura*). В данном примере условное по форме предложение ограничивает, поясняя, содержание субстантивного члена *Blicke*.

Пояснительно-ограничительные вводные предложения часто сливаются в своем значении с пояснительно-дополняющими вводными предложениями, например: *Agnes, deren etwas käseweißes Gesicht bei dem Vortrag all dieser Namen — nur den polnischen Regimentsnamen brachte sie nicht recht zustande — ganz rot geworden war, legte das Blatt aus der Hand...* (Th. Fontane, *Die Poggenpuhls*). Здесь наличие ограничения можно усмотреть в противопоставлении понятий *all dieser Namen — nur den polnischen Regimentsnamen*.

Пояснительно-обосновывающие предложения. Данные вводные предложения возникают по поводу содержания поясняемой субстанции и обосновывают ее употребление. Своеобразие пояснительно-обосновывающих вводных предложений заключается в том, что дополнительно-пояснительные отношения имеют своим основанием одну из форм логической зависимости — причинную. В существующей между основным и вводным звеном причинной зависимости, формально выраженной (союз *denn*, частицы *ja*, *doch* и т. д.) или подразумеваемой, причина представлена не как обстоятельство, «необходимо вызывающее определенное следствие...», а как самостоя-

тельная мысль, лишь слабо, косвенно связанная с предыдущим и прибавленная для пояснения, обоснования предшествующего высказывания» [18. С. 76]. Приведем примеры: *Lachen muss ich über die Engländer, die diesen ihren zweiten Dichter (denn nach Shakespeare gebührt Byron die Palme) jämmerlich spießbürgerlich beurteilen...* (H. Heine, *Die Stadt Lucca*), где вводное звено с выраженной формой причинной зависимости изъясняет определительное словосочетание основного звена, вскрывая, что вторым поэтом после Шекспира автор считает Байрона.

Результаты и обсуждение

Выделение мотивированных вводных предложений является попыткой связать семантико-синтаксическую функцию этих предложений с их позиционным своеобразием [13]: факт глубокой атрибутивной связи мотивированного вводного предложения с поясняемой субстанцией обуславливает его постпозицию по отношению к последней.

В плане функциональных и позиционных особенностей мотивированных вводных предложений интерес представляют предложения, возникающие по поводу содержания поясняемой субстанции как выражение дополнительных отношений субъективного характера. Высказанные после формального и смыслового завершения поясняемой субстанции, данные вводные предложения представляют собой «привески» к ее содержанию, привески, которые призваны определять заключенное в поясняемой субстанции понятие с точки зрения модального или эмоционального отношения к нему. Приведем пример: *...endlich erblick' ich's — von Bock merkt's — von Bock darauf zu — reißt es mir aus den Händen — ich bitte Sie!...* (Fr. Schiller, *Kabale und Liebe*). Здесь говорящий своеобразно резюмирует сказанное им самим, определяя его характер через эмоциональное высказывание в форме чисто восклицательного предложения *ich bitte Sie*.

Языковой материал свидетельствует о крайне редком употреблении подобных «привесков» модального характера. По своей структуре это предложения, вводимые союзом *wie* или наречием *so*, а также предложения типа *sagte er; wie* и *so*, являясь средством связи с основным звеном, воплощают в себе в суммарном виде содержание поясняемой субстанции, а слова модального характера, употребляемые в этих предложениях, являются ядром пояснительно-дополняющего сообщения, например: *Sie fuhren sofort, wie ihm schien,*

in Wirklichkeit erst nach einer Viertelstunde, in einen Hof in einer Gasse von Oppenheim (A. Seghers, Das siebte Kreuz). В последнем примере сообщение модального характера ориентировано на слово *sofort* и имеет своей задачей определить понятие, заключенное в этом слове с точки зрения чьего-либо субъективного взгляда на него.

В косвенной и несобственно-прямой речи соотнесенность данных вводных предложений с понятием, представленным в основном звене, заключается в указании, кому принадлежат слова основного высказывания, например: *Damit war diese Sache erledigt, und Franklin kam auf sein Projekt zu sprechen, William Temple als Sekretär einzustellen. Die Last der Geschäfte werde immer schwerer, erklärte er und wies auf den mit Papieren überdeckten Schreibtisch. Wenn man schon jemand anstellte, protestierte Arthur Lee, dann doch einen erfahrenen, geschulten Beamten...* (L. Feuchtwanger, *Die Füchse im Weinberg*).

В употреблении подобного вводного звена выражаются потребности широкого контекста. В приведенном отрывке выявляются сразу несколько причин, побуждающих к постпозиции вводного звена: первое предложение из этого отрывка содержит указание на то, кому должны принадлежать слова последующей за этим предложением косвенной речи. Дублируя это указание, вводное звено в рамках сложной конструкции (2-е предложение) вводит дополнительные сведения, поясняющие, при каких обстоятельствах было произнесено основное высказывание. В рамках всего отрывка эта причина переплетается со второй причиной: поскольку в дальнейшем изложении на первое место выдвигается разговор действующих лиц, переданный в форме косвенной речи, постольку пояснение, кому принадлежит то или иное высказывание, отходит на второй план и вводное звено выступает в постпозиции.

Заключение

Таким образом, произведя анализ семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений (на материале немецкого языка), можно сделать следующие выводы:

1. В качестве исходной при решении обозначенной проблемы следует принять установившуюся в лингвистике точку зрения, что синтез основного и вводного предложений представляет единую сложную конструкцию, в которой вводное

предложение связано семантически и грамматически с основным предложением как организующим центром. Исходя из данной предпосылки, мотивированное вводное предложение определяется нами как добавочное высказывание, которое в своем возникновении и позиции обусловлено содержанием определенного семантического комплекса основного звена.

2. Решающим в вопросе о связи вводного предложения с основным является план содержания: специфика связи заключается не в закономерном сочетании определенных разрядов и форм слов поясняемой субстанции с определенными разрядами и формами слов вводного звена, а в потребности выразить дополнительные признаки, характеристики и отношения по поводу или в связи с внутренним содержанием поясняемой субстанции и в отвлечении от ее лексико-грамматических особенностей.

3. Вводные предложения, возникающие как выражение дополнительных признаков, характеристик и отношений по поводу содержания самой поясняемой субстанции, связаны с последней отношениями глубокой атрибутивности, то есть мотивированное вводное предложение соотносится с понятием, представленным в поясняемой субстанции, вскрывая какую-либо из сторон этого понятия или определяя его с точки зрения субъективного отношения к нему.

4. Факт отвлеченности вводного звена от лексико-грамматических особенностей поясняемой субстанции объясняет разнообразие структурных типов мотивированных вводных предложений, употребляемых для выражения одного и того же подвида семантико-синтаксических отношений, с одной стороны, и снимает необходимость при классификации мотивированных вводных предложений исходить из понимания поясняемой субстанции как отдельного слова (словосочетания), части предложения или всего предложения целиком, с другой стороны.

5. Основываясь на своеобразии семантико-синтаксических отношений между компонентами анализируемой конструкции, заключающемся в специфической грамматической форме и специфике внутренней формы смысловых отношений, можно выделить следующие виды мотивированных вводных предложений: пояснительно-атрибутивные, пояснительно-дополняющие, пояснительно-уточняющие, пояснительно-обосновывающие и пояснительно-ограничительные.

Список источников

1. Авласевич М. А. Вводные компоненты предложения в белорусском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970. 19 с.
2. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
3. Аникин А. И. Вставные конструкции как компонент предложения // Ученые записки. Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. М., 1967. Т. 197, вып. 13. С. 247–258.
4. Аутина Р. Н. Синтаксическая характеристика вводного предложения в его взаимоотношении с основным предложением в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 26 с.
5. Бабакова И. А. Явление вводности в русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1955. 16 с.
6. Бухарин В. И. Вводные слова в аспекте актуального членения // Вопросы языкознания. 1984. Вып. 31. С. 101–105.
7. Ваверкова Г. Вводящие конструкции с глагольным словом в научном стиле русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982. 21 с.
8. Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1949. 168 с.
9. Гедминайте И. Ю. Особенности включенных предложений в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 22 с.
10. Горбачева Е. Н. Вводные высказывания в структуре текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.
11. Давыдова В. С. Структурно-семантическая характеристика вводных конструкций каузативного типа (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982. 23 с.
12. Дружинина В. В. Вводные предложения и их функционирование в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 25 с.
13. Каргина Е. М. Функциональный принцип в методике обучения иностранным языкам // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование. 2016. № 1 (2). С. 84–89.
14. Кирюхин И. А. К понятию о вставных предложениях // Вестник Харьковского университета. Серия филологическая. 1965. Вып. 2. № 12. С. 50–54.
15. Кодухов В. И. Функция тире в языке повести А. М. Горького «Мать» // Русский язык в школе. 1948. № 3. С. 32–35.
16. Котляр Т. Р. Вставочные конструкции в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962. 27 с.
17. Малявин Д. В. Вводные элементы и вставки в составе предложения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Запорожье, 1963. 18 с.
18. Патиш С. М. Причинный союз denn в немецком языке // Вопросы синтаксиса немецкого языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1959. 137 с.
19. Ризель Э. Г. Смысловые и стилистические функции парентетической связи // Филологические науки. 1962. № 4. С. 80–81.
20. Романова Р. М. Методика вводных и вставных предложений в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 20 с.
21. Самоварова Д. С. Развитие вводного предложения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 17 с.
22. Седун Е. П. Сложные конструкции с пояснительно-вводными предложениями в современном русском языке // Филологические науки. 1959. № 1. С. 111–113.
23. Стунгене А. Э. Проблема вводного и вставного элемента в потоке речи (на материале английской лингвистической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 21 с.
24. Топтыгина Е. Н. Вводное предложение как средство выражения субъективности // Филологические науки. 2011. № 1. С. 82–90.
25. Хатиашвили Л. Г. Вводные предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1953. 26 с.

References

1. Avlasevich MA. Vvodnye komponenty predlozhenija v belorusskom literaturnom jazyke = Introductory components of a sentence in the Belarusian literary language. Abstract of thesis. Minsk; 1970. 19 p. (In Russ.).
2. Admoni VG. Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka = Introduction to the syntax of modern German. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah = Foreign Language Literature Publishing House; 1955. 392 p. (In Russ.).
3. Anikin AI. Vstavnye konstrukcii kak komponent predlozhenija = Insert constructions as a sentence component. Uchenye zapiski. Moskovskij oblastnoj pedagogicheskij institut im. N. K. Krupskoj = Scientific notes. Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya. Moscow; 1967. Vol. 197, iss. 13. Pp. 247–258. (In Russ.).
4. Autina RN. Sintaksicheskaja charakteristika vvodnogo predlozhenija v ego vzaimootnoshenii s osnovnym predlozheniem v sovremennom nemeckom jazyke = Syntactic characteristics of the introductory sentence in its relationship with the main sentence in modern German. Abstract of thesis. Moscow; 1973. 26 p. (In Russ.).
5. Babakova IA. Javlenie vvodnosti v russkom literaturnom jazyke = The phenomenon of introduction in the Russian literary language. Abstract of thesis. Har'kov; 1955. 16 p. (In Russ.).
6. Buharin VI. Vvodnye slova v aspekte aktual'nogo chlenenija = Introductory words in the aspect of actual division. *Voprosy jazykoznanija = Issues of linguistics*. 1984;(31):101-105. (In Russ.).
7. Vaverkova G. Vvodjashhie konstrukcii s glagol'nym slovom v nauchnom stile russkogo literaturnogo jazyka = Introducing constructions with a verb word in the scientific style of the Russian literary language. Abstract of thesis. Voronezh; 1982. 21 p. (In Russ.).
8. Gvozdev AN. O fonologicheskikh sredstvakh russkogo jazyka = About phonological means of the Russian language. Moscow; Leningrad, APN RSFSR; 1949. 168 p. (In Russ.).
9. Gedminajte IJu. Osobennosti vkljuchennyh predlozhenij v sovremennom anglijskom jazyke = Features of included sentences in modern English. Abstract of thesis. Moscow; 1987. 22 p. (In Russ.).
10. Gorbacheva EN. Vvodnye vyskazyvanija v strukture teksta = Introductory statements in the text structure. Abstract of thesis. Moscow; 2003. 154 p. (In Russ.).
11. Davydova BC. Strukturno-semanticheskaja charakteristika vvodnyh konstrukcij kauzativnogo tipa (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka) = Structural and semantic characteristics of introductory constructions of causative type (based on the material of the modern German language). Abstract of thesis. Kiev; 1982. 23 p. (In Russ.).
12. Druzhinina VV. Vvodnye predlozhenija i ih funkcionirovanie v sovremennom nemeckom jazyke = Introductory sentences and their functioning in modern German. Abstract of thesis. Leningrad; 1970. 25 p. (In Russ.).
13. Kargina EM. Funkcional'ny'j princip v metodike obucheniya inostranny'm yazy'kam = Functional principle in the methodology of teaching foreign languages. *Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie = PGUAS Bulletin: construction, science and education*. 2016;(1):84-89. (In Russ.).
14. Kirjuhin IA. K ponjatiju o vstavnyh predlozhenijah = To the concept of insertion sentences. *Vestnik Har'kovskogo universiteta. Serija filologicheskaja = Bulletin of Kharkov University. Philological series*. 1965;(2(12)):50-54. (In Russ.).
15. Koduhov VI. Funkcija tire v jazyke povesti A. M. Gor'kogo «Mat'» = Dash function in the language of the novel by A. M. Gorky «Mother». *Russkij jazyk v shkole = Russian language at school*. 1948;(3):32-35. (In Russ.).
16. Kotljars TR. Vstavochnye konstrukcii v sovremennom anglijskom jazyke = Insertion constructions in modern English. Abstract of thesis. Moscow; 1962. 27 p. (In Russ.).
17. Maljavin DV. Vvodnye jelementy i vstavki v sostave predlozhenija v sovremennom anglijskom jazyke = Introductory elements and inserts as part of a sentence in modern English. Abstract of thesis. Zaporozh'e; 1963. 18 p. (In Russ.).
18. Patish SM. Prichinnyj sojuz denn v nemeckom jazyke = Causal conjunction denn in German. In: *Voprosy sintaksisa nemeckogo jazyka = German syntax issues*. Leningrad, LGU; 1959. 137 p. (In Russ.).
19. Rizel' JeG. Smyslovyje i stilisticheskie funkcii parenteticheskoi svjazi = Semantic and stylistic functions of parentetic connection. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1962;(4):80-81. (In Russ.).
20. Romanova PM. Metodika vvodnyh i vstavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke = Metho-

dology of introductory and insertion sentences in modern Russian. Abstract of thesis. Leningrad; 1971. 20 p. (In Russ.).

21. Samovarova DS. Razvitie vvodnogo predlozhenija v anglijskom jazyke = Development of an introductory sentence in English. Abstract of thesis. Moscow; 1954. 17 p. (In Russ.).

22. Sedun EP. Slozhnye konstrukcii s pojasnitel'no-vvodnymi predlozhenijami v sovremennom rusском jazyke = Complex constructions with explanatory introductory sentences in modern Russian. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1959;(1):111-113. (In Russ.).

23. Stungene AJe. Problema vvodnogo i vstavnogo jelementa v potoke rechi (na materiale anglijskoj lingvističeskoj prozy) = The problem of the introductory and insertion element in the flow of speech (based on the material of English linguistic prose). Abstract of thesis. Moscow; 1974. 21 p. (In Russ.).

24. Toptygina EN. Vvodnoe predlozhenie kak sredstvo vyrazhenija sub#ektivnosti = Introductory sentence as a means of expressing subjectivity. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 2011;(1):82-90. (In Russ.).

25. Hatiashvili LG. Vvodnye predlozhenija v sovremennom rusском jazyke = Introductory sentences in modern Russian. Abstract of thesis. Tbilisi; 1953. 26 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

E. M. Kargina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-23

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА АВСТРИИ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Яна Владимировна Лазарева

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, lazareva_ya@bsu.edu.ru

Аннотация. Анализируется лингвокультурная специфика территориального варианта немецкого языка Австрии, возникшего в ходе контактного взаимодействия литературного немецкого языка, адаптирующегося к нормам австрийской лингвокультуры. Автор характеризует ареал распространения и сферы функционирования территориального варианта немецкого языка Австрии, систематизирует причины возникновения анализируемого территориального варианта, рассматривает специфику возникновения австрицизмов. Территориальный вариант немецкого языка Австрии подлежит анализу на грамматическом и лексическом уровнях. В результате трансформаций литературного немецкого языка, функционирующего на территории Австрии, для его подсистем (грамматической и лексической) характерно наличие уникалий, свойственных исключительно для австрийской лингвокультуры. В ранг наиболее продуктивных лексических трансформаций входит изменение значения единиц литературного немецкого языка; к наиболее частотным грамматическим трансформациям относятся изменения в словообразовании. Немецкий язык, функционирующий на территории Австрии, подвержен гибридизации вследствие интерференционных процессов со стороны местных лингвокультур.

Ключевые слова: контактная лингвистика, лингвокультурология, территориальный вариант немецкого языка Австрии, литературный немецкий язык, интерференция, грамматическая трансформация, лексическая трансформация, австрицизмы

Для цитирования: Лазарева Я. В. Территориальный вариант немецкого языка Австрии: грамматические и лексические трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 80–89.

Original article

AUSTRIAN GERMAN: GRAMMATICAL AND LEXICAL TRANSFORMATIONS

Jana V. Lazareva

National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russia, lazareva_ya@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with the linguistic and cultural specifics of the territorial variant of the German language of Austria. Austrian German was the language which arose during the contact interaction of the literary German language, adapting to the norms of local Austrian linguistic cultures. The author characterizes the area of distribution and the sphere of functioning of the German language in Austria, systematizes the causes of the analyzed territorial variant, analyzes the specific features of Austricisms. The territorial version of the German language of Austria is subjected to analysis at the grammatical and lexical levels. As a result of the transformations of the literary German language functioning on the territory of Austria, its subsystems (grammatical and lexical) are characterized by the presence of unique features peculiar features exclusively typical to the Austrian linguistic culture. The most productive lexical transformations include changes in the meaning of literary German units; the most frequent grammatical transformations are changes in word formation groups. The German language functioning on the territory of Austria is the hybrid due to interference processes influenced by local linguistic cultures.

Keywords: contact linguistics, linguoculturology, territorial variant of the German language of Austria, literary German, interference, grammatical transformation, lexical transformation, Austricisms

For citation: Lazareva YaV. Austrian german: grammatical and lexical transformations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):80-89. (In Russ.).

Введение

Вопросы контактного взаимодействия и появления многочисленных территориальных вариантов в современном обществе входят в ранг наиболее актуальных проблематик в области исследований лингвокультурологии, лингвострановедения, этнолингвистики [1. С. 23].

Целью исследования является выявление специфики территориального варианта немецкого языка Австрии (в дальнейшей части работы именуемого ТВНЯА), возникшего под влиянием нормы — литературного немецкого языка, адаптирующегося к реалиям австрийских лингвокультур, с позиции лингвокультурологии. При таком подходе анализу подвергаются особенности языкового строя ТВНЯА на лексическом и грамматическом уровнях, учитывая влияние местных языков и культур.

В отечественном языкознании в ходе изучения объекта нашего исследования применяется ряд терминов: австрийский национальный вариант немецкого языка, австрийский вариант немецкого языка, немецкий язык Австрии [4; 6].

В нашем исследовании мы используем термин ТВНЯА, акцентируя внимание на локальном функционировании рассматриваемого территориального варианта [2]. Немецкий язык на территории Австрии обладает официальным статусом, имеет свою норму, зафиксированную в словарях.

Актуальность исследования определяется стремительным распространением немецкого языка в мире в результате интеграционных процессов и необходимостью тщательного анализа специфики территориальных вариантов немецкого языка в ходе контактного взаимодействия в связи с недостаточной разработкой теоретических и практических исследований в данной сфере (например, по сравнению с английским языком и серией его национальных вариантов, применяемых на территории стран Европы, Азии и Африки).

Теоретической базой работы являются труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингвокультурологии (Телия, 1996; Домашев, 2017; Marken, 2010; Schwaigler, 2010); этнолингвистики (Домашев, 2017; Чукшис, 2021; Straub, 2003); теории национальной вариативности немецкого языка (Ebner, 2010; Gillis, 1998, Kastler, 2013; Leerkamp, 2003). Авторский

вклад в изучение тематики вопроса определяется проведением сопоставительного анализа грамматических и лексических особенностей ТВНЯА и литературного немецкого языка, вынужденного адаптироваться к реалиям австрийской лингвокультуры в ходе контактного взаимодействия.

Методы и материалы исследования

В ходе исследования применялись общенаучные и лингвистические методы. В ранг общенаучных методов входят анализ и аналогия; к группе частных или лингвистических методов принадлежат описательный метод, позволяющий изучить отдельные единицы и понятия языковой системы, структурный метод, способный выявить не только отдельные языковые единицы, но также и провести анализ их структурных взаимоотношений. Также в работе были применены контекстуальный метод, метод обобщения и интерпретации языкового материала. Исследование проводилось на материале современного австрийского немецкого языка с привлечением обширного языкового материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Сфера распространения и влияния ТВНЯА выходит за пределы только австрийского государства: ТВНЯА применялся в Баварии, всей Южной Германии и Швейцарии. На современном этапе развития немецкого языка выделяется серия общих свойств в языках Старой Баварии и Австрии, аналогичные языковые признаки можно найти между ТВНЯА и Швейцарией, Юго-Западной Германией и Форарльбергом, а также между ТВНЯА и языком Южной Германии и Швейцарии [9. С. 112]. Таким образом, можно смело заявлять о том, что строгое языковое разграничение между Австрией и Германией почти невозможно, что подчеркивается в исследованиях отечественного лингвиста В. А. Чукшиса, отмечающего, что «языковые особенности австрийского варианта немецкого языка по отношению к территории их применения не совпадают с государственными границами» [3. С. 131].

В результате контактного взаимодействия литературного немецкого языка и местных лингвокультур на территории Австрии возникла серия территориальных вариантов:

1) варианты, возникающие из диалектов:

– баварский: *Sterz, zwicken, Austrag, Zuwaage, Nudelwalker, Schmankerl, selchen, auflassen, auswalken, fieseln, anpatzen, zuzeln*;

– алеманнский: *Aehne, Beiz, Riebel, Kilbi, Znuene, Flaedle, Eierschwaemmle, Dreissigste, Schnorre, Schuebling, Maisaess, Nuggi*;

– венский: *Schmäh, Bim, Lurch, Hacken, Haberer, hackeln*;

2) варианты, возникающие в связи с закономерным развитием совместно верхненемецкого пространства (южногерманского, австрийского, швейцарского): *Orange, Sulz, Einser, Kutteln, läuten, nützen, Masche, Leintuch, Föhre, Schlegel, Zuber, Hafner, Zins, Wagner, Stecken* [4].

Необходимо отметить, что ТВНЯА не развивался в унисон с общегерманским нормативным языком. Таким образом, для анализируемого территориального варианта немецкого языка характерно не столько функционирование неологизмов, сколько сохранение старых вариантов лексем, которые исчезли в Германии, но сохранились в нормативном языке в Австрии [17], например:

ТВНЯА — *Jenner, Jänner*; литературный немецкий язык — *Januar* [18];

ТВНЯА — *Pennal*; литературный немецкий язык — *Mäppchen, Federbörse* [6];

ТВНЯА — образование перфекта с вспомогательным глаголом *sein* с глаголами *liegen, stehen, sitzen*; литературный немецкий язык — образование перфекта со вспомогательным глаголом *haben* с глаголами *liegen, stehen, sitzen* [10. С. 45].

На состояние ТВНЯА оказали влияние латинский, итальянский, английский языки. Так как Италия и Австрия имели тесные культурные и экономические связи до XVIII в., в этот период итальянские заимствования составляли подавляющее большинство среди всех заимствований. Примеры см. в табл. 1.

1. *Der 15-Jährige half zuerst daheim mit, wurde Träger ..., dann Baraber, Schwerarbeiter, in Karrip.* — Пятнадцатилетний юноша вначале помогает по дому, становится носильщиком..., затем чернорабочим в австрийской коммуне Карпун [8. С. 98].

2. *Unsere Bassena aus Aluminiumguss im Vintage-Stil ist dem originalen Wiener Wandbrunnen nachempfunden. Die Bassena besteht aus dem Becken, dem Geruchverschluss und der Maske (Abdeckung für Abfluss).* — Наши умывальники из алюминиевого лития в стиле винтаж, созданные в духе образцов прошлого, являются оригинальным венским пристенным фонтаном. Умываль-

ник состоит из раковины, сифона, маски (защитного покрытия для стока воды) [12. С. 131].

3. *In Sachen Organisations-vereinfachung und Überblick setzt H. auf das ... internetbasierende Beschaffungssystem, das von aktuellen Preislisten über die Bestellung bis zur Faktura alle Vorgänge elektronisch abwickelt.* — В вопросах по поводу унификации и общего представления организации, ориентирующейся на систему интернет-снабжения, актуальный прайс-лист на заказ до счетов-фактур обрабатывается в электронном виде [6. С. 29].

4. *Die Suppe würzig abschmecken und die Farfeln in der Suppe mit viel Schnittlauch bestreut serviert.* — Снимите пробу супа, по вкусу можете добавить специи, посыпьте клёчки зеленым луком и подавайте на стол [8. С. 131].

5. *So viel Fisolen konnte aber nicht einmal er essen.* — Но столько фасоли он не смог съесть [12. С. 206].

6. *Das Fleisch faschieren oder beim Fleischhauer faschieren lassen.* — Мясо следует измельчить или пропустить через мясорубку [3. С. 131].

7. *Dieser antwortete, er sei zwischen dem April 1962 und dem Oktober 1963 als Manipulant in der Revision beschäftigt gewesen.* — Он ответил, что, начиная с апреля 1962 г. по октябрь 1963 г., работал в инспекции канцелярским служащим [13. С. 341].

Заемствованные лексические единицы из итальянского языка в XVIII–XIX вв. употребляются также и в современном ТВНЯА, при этом для некоторых лексем свойственна гибридизация заимствованных единиц из итальянского языка и словообразовательных элементов, типичных для литературного немецкого языка, в рамках одной единицы [7]. Примеры см. в табл. 2.

1. *Die Entscheidungen wurden mit einfacher Mehrheit getroffen, wobei bei Stimmgleichheit der Vorsitzende dirimieren konnte.* — Решение принималось большинством голосов, в случае равного количества председатель имеет решающий голос [8. С. 209].

2. *Der Anbieter soll die Allgemeinen Geschäftsbedingungen verständlich formuliert und leicht zugänglich auf der Homepage bereitstellen. Halten Sie diese ebenfalls stets evident.* — Провайдеру следует коммерческие условия ясно сформулировать и обеспечить круглосуточный доступ к главной странице [12. С. 98].

3. *Österreichische Immobilienfond sind die Top-Invertoren im Bereich Realität in Rumänien.* — Австрийские фонды недвижимости являются

Таблица 1
Table 1

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Akonto, das; -s, -s und Akonten (ital.) (auch schweiz.)</i>	<i>Anzahlung</i>	предварительный взнос, задаток
2	<i>Baraber, der; -s, - (ital.) (ugs., auch bayr.)</i>	<i>schwer arbeitender Hilfsarbeiter</i>	рабочий, труженик
3	<i>Bassena, die; -, s (franz., ital.) (bes. Wien)</i>	<i>Waschbecken Wasserbecken im Flur eines alten Wohnhaus, von dem mehrere Wohnparteien das Wasser holen</i>	умывальник
4	<i>Bollete, die; -, n (ital.) (Behördenspr., veraltet)</i>	<i>Zollerklärung</i>	таможенная декларация
5	<i>Faktura, die; -, Fakturen (lat.)</i>	<i>Rechnung</i>	счет, отчет
6	<i>Farfeln, Farfeln, die /Plural/:</i>	<i>Suppeneinlage in Form von kleinen erbsengroßen Nockerln</i>	заправка для супа
7	<i>Fierant, der; -en,-en (ital.)</i>	<i>Markthändler</i>	торговец на рынке
8	<i>Fisole, die; -, -n. (griech. - ital.)</i>	<i>grüne Bohnen</i>	зеленозёрная фасоль
9	<i>Melanzani, die /Plural/ (ital.)</i>	<i>Auberginen</i>	баклажаны
10	<i>Fadesse, die; (franz.)</i>	<i>Langeweile</i>	скука
11	<i>faschieren</i>	<i>durch den Fleischwolf drehen</i>	пропустить через мясорубку (сделать фарш)
12	<i>Frappe, Frappee, das (franz.) (auch schweiz.)</i>	<i>eisgekühltes Mixgetränk aus Milch und zerkleinerten Früchten</i>	молочный коктейль
13	<i>Manipulant, der; -en, -en (lat.) (Behördenspr., veraltet)</i>	<i>Amtshelfer</i>	(мелкий) канцелярский служащий
14	<i>Parte(zettel), der</i>	<i>Todesanzeige</i>	некролог
15	<i>retour (franz.) (auch schweiz., in D veraltend)</i>	<i>zurück</i>	обратно, ответная реакция на какое-либо действие
16	<i>reversieren</i>	<i>das Fahrzeug wenden</i>	развернуться, повернуть транспортное средство
17	<i>Trafik, die; -, -en (ital.-franz.)</i>	<i>Tabakladen</i>	табачный киоск

Таблица 2
Table 2

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>dirimieren (lat.)</i>	<i>bei Stimmgleichheit entscheiden</i>	разрешить, решаться
2	<i>Evident</i>	<i>übersichtlich, evident halten</i>	очевидно, наглядно
3	<i>inskribieren (lat.)</i>	<i>einschreiben</i>	записать
4	<i>Kooperator, der; -s, -oren (lat.) (auch bayr.)</i>	<i>Kaplan</i>	священник
5	<i>Kriminal, das; -s, -e (veraltet, noch ugs. oder scherzh.)</i>	<i>Zuchthaus</i>	каторжная тюрьма
6	<i>lukrieren (lat.)</i>	<i>bezahlt bekommen</i>	получить прибыль
7	<i>perlustrieren (lat.)</i>	<i>durchsuchen</i>	проверить, осмотреть
8	<i>Radialstrasse, die</i>	<i>von der Stadtmitte zum Stadtrand führende Durchzugsstraße</i>	улица, ведущая из центра города на окраину
9	<i>Realitäten, die /Plural/</i>	<i>Immobilien</i>	недвижимость
10	<i>refundieren (lat.) (veraltet auch in D)</i>	<i>zurückvergüten</i>	возместить

лучшими инверторами в сфере недвижимости Румынии [11. С. 16].

Заемствования из английского языка в ТВНЯА входят в ранг непродуктивных, в большей степени они употребляются в такой сфере, как спорт, а именно для такого вида спорта, как футбол [14] (табл. 3).

1. *Der Ball war im Out.* — Мяч был вне игры [8. С. 341].

2. *Er tritt immer noch alle Standardsituationen, es gibt keinen Corner, der nicht von ihm ausgeführt wird.* — Он все ещё является эталоном в мире футбола. Нет ни одного угла на поле, с которого ему не удалось бы выполнить удар [12. С. 248].

В лексический состав ТВНЯА также входят заимствования из группы славянских языков:

1. Заимствования из словенского языка: *Klapotetz* — хлопушка, вертушка, *Glitsch* — блеск, *Pranter* — шутник. Эти заимствованные лексические единицы употребляются в федеральных землях Каринтии (Kärnten) или Штирии (Steiermark); другие заимствования, такие как *Keusche* — чистый, непорочный, *Potitze* — мучное блюдо с орехами, маком, *Jause* — послеобеденный кофе, стали частью нормативной лексики ТВНЯА [5; 10].

2. Заимствования из чешского и словацкого языков:

На современном этапе развития ТВНЯА влияние чешского и словацкого языков является минимальным, тем не менее в нем сохранились такие заимствования, как *Brimsen* — тормоз, *preпятствие*, *Haluschka* — галушка, *Kaluppe* — дом, *изба*, *xata*, *Kolatsche* — круглая дрожжевая булочка, *Kren* — хрен, *Skubanki* — клецки из картофельной муки, *посыпанные маком и сахаром* [15].

3. Заимствования из венгерского языка:

Несмотря на регулярную миграцию населения из Венгрии в Вену, языковое влияние венгерского языка не является продуктивным явлением, что можно объяснить экономической и территориаль-

ной самостоятельностью Венгрии. В перечень заимствованных лексем из венгерского языка входят следующие лексемы: *Fogosch* — судак (*Zander*), *Maschikseite* — задняя часть (*Kehr-, Rückseite*), *Mulatschtag* — шумный праздник (*ausgelassenes Fest*), *Schinakel* — лодка, шлюпка (*Boot*), *Gate* (*hose*) — трусы, кальсоны (*Unterhose*) [16].

Анализируя специфику лексического состава ТВНЯА, мы изучали особенности фразеологизмов, которые употребляются австрийцами как в формальной, так и в неформальной коммуникации:

Например, в рамках формального типа общения мы выявили следующие фразеологизмы: *in Evidenz halen* — держать в курсе дела, *im letzten Abdruck* — в последний момент, *anno Schnee* — с давних времен; в неформальной коммуникации употребляются следующие фразеологизмы: *in Karenz gehen* — пойти в декретный отпуск, *in die Haken gehen* — идти на работу, *sich über die Häuser hauen* — убежать, *etwas ist für den Hugo* — зря, *zum Handkuss kommen* — доплачивать, *die Patschen anziehen /aufstellen/ strecken* — умереть, *auf die Seife steigen* — попасть в неприятное положение, *in Verwendung stehen* — быть использованным, *sich ziehen wie ein Strudelteig* — опираться, *keinen Tau von etwas haben* — не иметь никакого представления, *die Überfuhr* новостей — потерять шанс [13].

К наиболее продуктивному способу словообразования в ТВНЯА относится словосложение, к наименее продуктивному — суффиксация. Для словосложения в ТВНЯА характерно добавление кластера -s преимущественно после согласных -g, -k, -ch (табл. 4).

1. *Vorhin hatte die junge Ärztin mit dem Spitalsarzt geredet.* — До этого молодая доктор разговаривала с врачом больницы [8. С. 121].

2. *Unter andrem liegt hier Fabrikbesitzer Viktor Hämmerle begraben.* — Среди всех других здесь

Таблица 3

Table 3

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Ballesterer, der;-s,-e: (franz.) (ugs., salopp, bes. ostösterr.)</i>	<i>Fußballspieler</i>	футболист
2	<i>Out, das; -[s], -[s]</i>	<i>Raum außerhalb des Spielfelds, (in D) das Aus</i>	аут (положение, когда мяч вышел из игры)
3	<i>Corner, der;-s, - [k...] (engl.) (auch schweiz.)</i>	<i>Eckstoß beim Fußball</i>	угловой удар (футбол)
4	<i>Keeper, der (engl.) (Sport, auch schweiz., zunehmend auch in D)</i>	<i>Tormann</i>	вратарь

Таблица 4

Table 4

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Abbruchts-: österr. Form, (in D) Abbruch-: Abbruchbescheid</i>	<i>Abbruchbescheid</i>	уведомление о сносе
2	<i>Spitals-: österr. Form, (in D) Spital-: Spitalsarzt, der; -es, Spitalsärzte Spitalsärztin, die, -nen; Spitalsaufenthalt, der; -es, -e.</i>	<i>Spitalarzt</i>	врач в госпитале, госпитализация
3	<i>Fabriks-, die Zus. werden österr. mit -s- gebildet, (in D) Fabrik-: Fabriksbesitzer, der; -s,-.</i>	<i>Fabrikbesitzer</i>	владелец фабрики
4	<i>Gelenks-: medizinische Zus. mit Gelenk werden österr. mit Fugen-s gebildet, (in D) Gelenk-Gelenksentzündung, die; -, en.</i>	<i>Gelenkentzündung</i>	воспаление сустава
5	<i>Gepäcks-: österr. Form, (in D meist) Gepäck-Gepäcksträger, der; -(e)s, -.</i>	<i>Gepäckträger</i>	носильщик
6	<i>Zugs-: österr. Form mit Fugen-s in allen Zus. aus dem Bereich Eisenbahn, (in D) Zug-: Zugsabfahrt, die; -, en.</i>	<i>Zugabfahrt</i>	отправление поезда
7	<i>Rinds-: die Zus. mit Rind werden österr. (und südd., schweiz.) immer mit -s- gebildet, in D mit -er: Rindsfleisch, das; -es, -.</i>	<i>Rinderfleisch</i>	говядина

захоронен владелец фабрики Виктор Хаммерле [12. С. 176].

Характерной особенностью для такого типа словообразования, как словосложение, в ТВНЯА

является опущение соединительного элемента [10] (табл. 5).

1. *Keine Streitereien mehr mit den Lieferanten über die Stärke des verwendeten Papiers für die*

Таблица 5

Table 5

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Advent-: österr. Form, (in D) mit Fugen -s: Adventkerze, die; -, -n.</i>	<i>Adventskerze</i>	рождественская свеча
2	<i>Maschin-: österr. Form, (in D) mit Fugen -e: Maschinschreiben, das; -s, -.</i>	<i>Maschineschreiben</i>	печатать на машинке
3	<i>Trag-: österr. Form, (in D) mit Fugen -e: Tragtasche, die; -, -n.</i>	<i>Tragetasche</i>	сумка, холщовый мешок
4	<i>Offert-: österr. Form, (in D) mit Fugen -e: Offertabgabe, die; -, -n.</i>	<i>Offertenabgabe</i>	подача предложения
5	<i>Tag-: österr. Form, (in D) mit Fugen -e: Tagblatt, das; -(e)s, Blätter.</i>	<i>Tageblatt</i>	ежедневная газета
6	<i>Sonn-: österr. Form, (in D) mit Fugen -en: Sonnseite, die; -, -n.</i>	<i>Sonnenseite</i>	солнечная сторона
7	<i>Schatt-: österr. Form, (in D) mit Fugen -en: Schattseite</i>	<i>Schattenseite</i>	тенистая сторона
8	<i>strapaz-, Strapaz-: österr. Form, (in D) strapazier-, Strapazier-strapazfähig</i>	<i>strapazierfähig</i>	прочный, ноский

Tragtaschen. — Больше никаких споров с поставщиками по поводу прочности использованной бумаги относительно холщовых мешков [6. С. 76].

2. *Das Material ist extrem leicht, elastisch und strapazfähig*. — Этот материал сверхлегкий, эластичный и ноский [12. С. 98].

Для суффиксации в ТВНЯА характерным является добавление к лексеме литературного немецкого языка суффикса *ial*, например *Ferial*, *Gremial* [4].

В ранг уникалий ТВНЯА входит образование глаголов при помощи добавления суффикса *-ieren*, в то время как для литературного немецкого языка свойственно применение суффикса *-en* [9] (табл. 6).

1. *Die Frage ist, ob er sich an den Trägerorganisationen regressieren konnte*. — Вопрос заключается в том, сможет ли он получить компенсацию от курирующих компаний [10. С. 41].

2. *Da die Bankprüfung künftig komplett zur Notenbank ressortiert*. — Банковский аудит в ближайшее будущее будет полностью передан центральному банку [11. С. 18].

Переход слова из одного лексико-семантического класса в другой в нашем исследовании представляет собой непродуктивное явление. Например, для ТВНЯА свойственна субстантивация числительных с помощью суффикса *-er* [7] (табл. 7):

In der letzten Mathe-Schulaufgabe hatte ich einen Vierer. — За последнее задание по математике он получил четверку (означает двойку в российской системе образования) [6. С. 109].

В ходе нашего исследования мы также проанализировали специфику такого явления, как *австрицизмы*. Выявлены наиболее и наименее продуктивные сферы их применения в повседневной жизни австрийцев. В ранг наиболее продуктивных сфер функционирования *австрицизмов* входят группы *кулинария* и *продукты питания, общественная жизнь: профессии, процесс работы*; группа *школьное образование* является менее продуктивной.

Примеры:

1) *кулинария* и *продукты питания* (табл. 8):

1. *Von diesem Erdäpfelgulasch werden Ihre Lieben begeistert sein. Hier ein super Rezept für ein gelungenes Gericht*. — Ваши близкие будут в восторге от этого картофельного рагу. Вот рецепт для отличного приготовления данного блюда [8. С. 49].

2. *Das ist so ein... Soufflee, das besteht... fast nur aus Eiklar und Zucker*. — Данное суфле приготовлено из белка и сахара [12. С. 197];

2) *общественная жизнь: профессии, процесс работы* (табл. 9)

1. *Der nachfolgende Punkt „Bericht über die Einschau in die Gebarung der Gemeinde Altach“ sorgte für Turbulenzen in der Gemeindestube*. — Следующий пункт доклада — вопрос «О проверке финансового комитета коммуны в Альтах (в федеративной земле Форарльберг)» стал причиной оживления в зале [12. С. 79].

2. *Dazu teilt das Rathaus mit, alle Organmandate seien generell per Erlagschein einzuzahlen*. — Мэ-

Таблица 6

Table 6

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>praktizieren</i>	<i>im Rahmen einer Ausbildung ein Praktikum machen</i>	проходить стажировку
2	<i>regresieren, sich (lat.)</i>	<i>Ersatzanspruch stellen</i>	подать регрессный иск на (обратное требование возмещение убытков)
3	<i>ressortieren</i>	<i>einem Ressort zugeordnet sein</i>	быть назначенным для работы в отделе
4	<i>editieren</i>	<i>Edieren</i>	выпускать

Таблица 7

Table 7

№	ТВНЯА	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>In D sind die Zahlen immer weiblich und haben den Artikel die: die Eins, die Zwei. In Österr. und Südd. dagegen die Zahlen männlich und haben den Artikel der: der Einser, der Zweier.</i>	<i>die Eins, die Zwei</i>	единица (высшая оценка в школе), двойка (хорошо)
2	<i>der Zwanziger</i>	<i>die Zwanzig</i>	двадцатка

Таблица 8

Table 8

№	ТВНЯЯ	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Erdapfel, der; -s, Erdäpfel (in versch. südd. und schweiz. Gebieten dialektal, in Österr. standardsprachl.)</i>	<i>Kartoffel</i>	картофель
2	<i>Montur, die (franz.) (auch südd., schweiz., veraltet oder scherz. Abwertend auch in D) Erdäpfel in der Montur</i>	<i>Pellkartoffeln</i>	картофель в мундире
3	<i>Eiklar, das (regional auch in D)</i>	<i>weißer Teil im Ei</i>	яичный белок

Таблица 9

Table 9

№	ТВНЯЯ	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Dienstnehmer, der</i>	<i>Arbeitsnehmer</i>	работник
2	<i>Einschau, die (Behördenspr.)</i>	<i>Kontrolle, Überprüfung</i>	проверка
3	<i>Erlagschein, der</i>	<i>Zahlkarte</i>	платежная карта
4	<i>Firmenbuch, das</i>	<i>Handelsregister</i>	торговый реестр

Таблица 10

Table 10

№	ТВНЯЯ	Литературный немецкий язык	Перевод
1	<i>Pflichtgegenstand, der</i>	<i>Pflichtfach</i>	обязательный предмет
2	<i>Pflichtschule, die</i>	<i>Volks-undHauptschule</i>	общеобразовательная школа
3	<i>Schulerhalter, der</i>	<i>Schulträger</i>	учреждение, обязанное содержать школу
4	<i>Matura, die; -. (lat.)</i>	<i>Abitur</i>	аттестат

рия сообщает, что все административные взимания, как правило, оплачиваются платёжной картой [8. С. 119].

3. *Die GmbH ist mit 111 505 im Firmenbuch eingetragen Unternehmen die wichtigste Gesellschaftsform in Österreich.* — ГмбХ является главной формой правления индивидуального предприятия с регистрационным номером 111 505, действующей по законам Австрии [8. С. 297];

3) школьное образование (табл. 10):

1. „*Geschichte und Politische Bildung*“ — ein neuer **Pflichtgegenstand** in der AHS. — История и Политическое образование являются новыми обязательными предметами в полной образовательной средней школе [8. С. 98]

2. *Der Fonds der Wiener Kaufmannschaft ist... größter privater Schulerhalter neben der katholischen Kirche in Österreich.* — Денежный фонд венских предпринимателей — огромная частная организация, обязанная содержать школы, со-

вместно с австрийской католической церковью [12. С. 178].

3. *Stärker forcieren wolle man auch die Lehre mit Matura.* — Сегодня усиливаются меры для улучшения образования учащихся, целью этого мероприятия является успешная сдача экзамена на получение аттестата зрелости [8. С. 209].

Анализируя состояние современной языковой ситуации в Австрии, необходимо отметить, что в последние десятилетия наблюдаются определенные изменения. Наряду с местными диалектами, которые продолжают играть заметную роль в совокупной структуре ТВНЯЯ, активно развиваются также и региолекты, которые приобретают более высокий функциональный статус.

Заключение

Таким образом, немецкий язык, функционирующий на территории Австрии, понимается нами как ТВНЯЯ, для которого характерен набор

уникалий на грамматическом и лексическом уровнях. Лексический строй ТВНЯА в наибольшей степени подвержен изменениям со стороны местных лингвокультур.

Актуальным проявлением национального самосознания австрийцев в современном обществе является успешное отстаивание на переговорах о вступлении в Европейское сообщество права на употребление *австрицизмов* в официальной коммуникации в Европейском союзе. Таким решением Австрия, с одной стороны, почти без ограничений обеспечивает себе равные коммуни-

кативные возможности со всеми другими немецкоязычными регионами, с другой стороны, четко выражает свою национальную самостоятельность в речевом отношении. Среди австрийцев распространено утверждение «*Österreicher und Deutsche haben eine gemeinsame, aber nicht dieselbe Sprache*» — австрийцы и немцы имеют общий, но не одинаковый язык. Данное выражение как нельзя лучше отражает стремление австрийцев к национальной идентификации посредством своего языка.

Список источников

1. Волошина Т. Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 472 с.
2. Волошина Т. Г. Переключение языкового кода как лингвокультурный феномен (на примере территориального варианта английского языка Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). С. 145–153.
3. Волошина Т. Г., Радович М. А. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Т. 41, № 1. С. 127–137.
4. Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М. : Высшая школа, 1967. 180 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
6. Чукшис В. А. Особенности функционирования диалектов в австрийском национальном варианте современного немецкого языка : монография. Орехово-Зуево : Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. 145 с.
7. Baghana J., Voloshina T. G., Novakova K. S. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism // XLinguae. European scientific journal. 2019. Vol. 12, № 3. P. 240–248.
8. Ebner J., Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch. Mannheim : Dudenverlag, 2010. 477 p. (In German).
9. Gillis S. Studies in the acquisition of number and diminutive marking. Antwerp Papers in Linguistics, 1998. 253 p.
10. Kastler S. Phraseologismen in der TV-Serie «Kottan ermittelt» Inspektor gibt's kan!: Wien : Deutsche Philologie, 2013. 89 p.
11. Leerkamp J.-H. Die österreichische Varietät der deutschen Sprache. Essen : Universität GH, 2003. 29 p.
12. Marken Brill L., Techmer M. Großes Übungsbuch Deutsch Wortschatz. Ismaning : Hueber Verlag, 2010. 400 p.
13. Moosmuller S., Schmid C., Brandst J. Standard Austrian German // International Phonetic Association. 2015. № 45 (3). P. 339–348.
14. Moser H. Das Radio Tirol Wörterbuch der Tiroler Mundarten. Innsbruck-Wien : Haymon Taschenbuch, 2013. 335 p.
15. Reiter M. Sprechen Sie Tirolerisch? Wien : Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 96 p.
16. Schwaigler A., Mundart P. Leogang. Leoganger Bergbau-Museumsverein, 2010. 497 p.
17. Straub W. Sprechen Sie Salzburgerisch? Wien : Verlag Carl Ueberreuter, 2003. 96 p.
18. Voloshina T. G., Koch K. I., Rodina L. I., Ostapova L. Y., Bocharova E. A. Interference peculiarities in the period of Globalisation // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política. 2019. № VI. Artículo no.: 148.

References

1. Voloshina TG. Lingvokulturologičeskaja kreolizatsia angliiskogo jazika Nigerii = Linguistic and cultural types of creolization of English in Nigeria. Thesis. Belgorod, Belgorod State University. 2021. 472 p. (In Russ.).
2. Voloshina TG. Pereklučenie jazikovogo koda kak lingvokulturni component (na primere territorialnogo varianta angliiskogo jazika Indii) = Switching of the language code as a linguocultural phenomenon (on the example of the territorial version of the English language of India). *Vestnik Teliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(1(459):145-153. (In Russ.).
3. Voloshina TG, Radovit MA. Lingvokulturilogičeskie aspekti v hode kontaktnogo vzaimodeistvia = Linguoculturological aspects in the course of contact interaction. *Voprosi šurnalistiki, pedagogiki, jazikoznania = Questions of journalism, pedagogy and linguistics*. 2022;41(1):127-137. (In Russ.).
4. Domashnev AI. Otčerk sovremennogo nemetskogo jazika v Avstrii = An essay on the modern German language in Austria. Moscow, Viššaja škola; 1967. 180 p. (In Russ.).
5. Teliā VN. Russkaja frazeologija. Semantičeski, pragmatičeski i lingvokulturologičeski aspekti = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, Iaziki russkoi kulturi; 1996. 288 p. (In Russ.).
6. Čukšiš VA. Osobennosti funkcionirovanija dilaektov v sovremennom natsionalnom variante nemetskogo jazika: monografija = Features of the functioning of dialects in the Austrian national version of the modern German language: monograph. Orehovo-Zujevo, Redakcionnoje izdatelstvo otdel GGTU; 2018. 145 p. (In Russ.).
7. Baghana J, Voloshina TG, Novakova KS. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism. *XLinguae. European scientific journal*. 2019;12(3):240-248.
8. Ebner J, Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch. Mannheim, Dudenverlag; 2010. 477 p. (In German).
9. Gillis S. Studies in the acquisition of number and diminutive marking. Antwerp Papers in Linguistics, 1998. 253 p.
10. Kastler S. Phraseologismen in der TV-Serie "Kottan ermittelt" Inspektor gibt's kan!: Wien, Deutsche Philologie; 2013. 89 p. (In German).
11. Leerkamp J-H. Die österreichische Varietät der deutschen Sprache. Essen, Universität GH; 2003. 29 p. (In German).
12. Marken Brill L, Techmer M. Großes Übungsbuch Deutsch Wortschatz. Ismaning, Hueber Verlag; 2010. 400 p. (In German).
13. Moosmuller S, Schmid C, Brandst J. Standard Austrian German. *International Phonetic Association*. 2015;45(3):339-348.
14. Moser H. Das Radio Tirol Wörterbuch der Tiroler Mundarten. Innsbruck-Wien, Haymon Taschenbuch; 2013. 335 p. (In German).
15. Reiter M. Sprechen Sie Tirolerisch? Wien, Verlag Carl Ueberreuter; 2004. 96 p. (In German).
16. Schwaigler A, Mundart P. Leogang. Leoganger Bergbau-Museumsverein; 2010. 497 p. (In German).
17. Straub W. Sprechen Sie Salzburgerisch? Wien, Verlag Carl Ueberreuter; 2003. 96 p. (In German).
18. Voloshina TG, Koch KI, Rodina LI, Ostapova LY, Bocharova EA. Interference peculiarities in the period of Globalisation. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política*. 2019;(VI(148)).

Информация об авторе

Я. В. Лазарева — ассистент кафедры второго иностранного языка.

Information about the author

Ya. V. Lazareva — assistant of the Department of the second foreign language.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1:81'373

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ РЕЧЕВОГО АКТА В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII–XVIII ВВ.

Регина Рустамовна Раджапова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, regina.queen7707@mail.ru,
ORCID 0009-0007-8895-7008

Аннотация. Осуществляется комплексный анализ фразеологических единиц (ФЕ), главным компонентом которых являются процессуальные и перформативные глаголы, указывающие на определенные действия как процесс. Данные единицы рассматриваются на материале памятников деловой письменности русского языка XVII–XVIII вв. Автор обосновывает категориальные признаки и своеобразные особенности употребления, а также описывает иллокутивно-перлокутивную функцию объектов исследования: лексикализованные сочетания, фраземы и устойчивые фразы. Предпринимаемая попытка сопоставительного анализа позволяет увидеть в них специфические черты и обнаружить особенности их применения в деловом языке, несмотря на то, что они представляют собой обиходно-разговорные речевые единицы. Дается точка зрения о том, что некоторые примеры, охваченные лексикализацией, следует именовать процессуальными ФЕ. Своеобразие внутренней формы и образной основы способствуют этим единицам речи приобрести идиоматичность, фразеологичность и, самое главное, лексическую неделимость. В итоге всё выражение приобретает устойчивость в составе компонентов и обобщенный смысл, фразеологическую семантику, которая объясняется характером внутренней формы, наличием дополнительных оттенков и экспрессивно-оценочной окраски. С точки зрения коммуникативно-прагматического содержания высказываний, проанализированные ФЕ явно передают определенные типы речевого акта. Автор обращает внимание на типы зависимости, которые наблюдаются между компонентами единиц: лексическая, парадигматическая, синтагматическая и семантическая. Адресант употребляет устойчивые фразы как по традиционным правилам (введение в речь, сообщение), так и по механизмам сознания, продуцирующим мышление: суждение, умозаключение, волеизъявление. Автор делает вывод о том, что, во-первых, тематическая составляющая данной коммуникативной ситуации — официально-деловое обращение челобитчика, который явно имеет мотив и стремление к достижению результата сообщения; во-вторых, исследуемые тексты грамоток и челобитных — это телеграммы и дружеские письма, следовательно, исследуемые единицы речи применены в текстах, чтобы осуществить цель обращения челобитчика, а также цель общения и адресанта, и адресата.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологичность, лексикализация, фразема, устойчивая фраза, процессуальность, прагматика, лингвопрагматика, иллокуция, перлокуция

Для цитирования: Раджапова Р. Р. Фразеологические единицы как экспликатеры речевого акта в текстах русской деловой письменности XVII–XVIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 90–98.

Original article

PHRASEOLOGICAL UNITS AS EXPLICATORS OF A SPEECH ACT IN THE TEXTS OF RUSSIAN BUSINESS WRITING OF THE 17th–18th CENTURIES

Regina R. Radjapova

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, regina.queen7707@mail.ru, ORCID 0009-0007-8895-7008

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of phraseological units (PU), the main component of which are procedural and performative verbs, indicating certain actions as a process. These units are considered on the basis of the monuments of business writing of the Russian language of the 17th–18th centuries. The author substan-

tiates categorical features and peculiar features of use and describes the illocutionary-perlocutionary function of the objects of study: lexicalized combinations, phrasemes and set phrases. The attempt of a comparative analysis allows us to see specific features in them and to discover the peculiarities of their use in the business language, even though they are everyday colloquial speech units. The point of view is given that some examples covered by lexicalization should be called procedural phraseological units. The originality of the internal form and figurative basis contribute to these units of speech to acquire idiomatic, phraseological, and most importantly, lexical indivisibility. As a result, the whole expression acquires stability in the composition of the components and a generalized meaning, phraseological semantics, which, due to the nature of the internal form, the presence of additional shades and expressive-evaluative coloring. From the point of view of the communicative-pragmatic content of statements, the analyzed phraseological units clearly convey certain types of speech act. The types of dependence observed between the components of units are lexical, paradigmatic, syntagmatic and semantic. The sender uses fixed phrases both according to traditional rules (introduction to speech, message), and according to the mechanisms of consciousness that produce thinking: judgment, conclusion, expression of will. The author concludes that, firstly, the thematic component of this communicative situation is the official business appeal of the petitioner, who clearly has a motive and desire to achieve the result of the message; secondly, the studied texts of letters and petitions are telegrams and friendly letters, therefore, the studied units of speech are used in texts in order to fulfill the goal of the petitioner's appeal, as well as the goal of communication of both the addresser and the addressee.

Keywords: phraseological unit (PU), phraseology, lexicalization, phraseme, set phrase, processuality, pragmatics, linguopragmatics, illocution, perlocution

For citation: Radjapova RR. Phraseological units as explicators of a speech act in the texts of Russian business writing of the 17th–18th centuries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):90-98. (In Russ.).

Введение

Человек как личность и специалист на протяжении жизни может вести деятельность в традиционной и социально значимой сфере, а также в области бытовых отношений и общения. Соответственно применяет в той или иной среде деятельности подходящий, отвечающий целям коммуникации языковой знак. Он активизируется в определенном семантическом значении в зависимости от целей и задач общения, содержания и речевой ситуации. Для реализации этого языкового знака в первую очередь потребуются компоненты типовой ситуации речи (субъект речи, речевое действие, адресат и содержание речи), а также элементы денотативной и прагматической ситуаций речи. Таким образом, каждая речевая ситуация может иметь свой определенный набор лексикализованных словосочетаний, устойчивых фраз и выражений.

Прагматическая категория, для которой важны реализация и процесс протекания самого речевого акта, рассматривает использование вышеуказанных единиц речи для обозначения перформативных высказываний. Любые речевые формулы вытекают в речи как следствие отношения говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. Данные единицы воспроизводятся как готовые выражения в случае, если возникает определенная ситуация в момент речи.

Довольно интересно представлены в текстах

деловых документов XVII–XVIII вв. обиходно-разговорные речевые единицы, которые были употреблены в силу ситуации речи и как следствие протекания самого речевого акта между адресантом и адресатом. Сама картина ведения и протекания диалога заявителя и адресата представляет собой аргументативный дискурс. В этом процессе сторонники использовали лексикализованные сочетания, фраземы и устойчивые фразы (далее УФ). Их главным компонентом являются перформативные глаголы, указывающие на определенные действия. Структурно-прагматическая особенность указанных языковых средств — выражать ассертивы, директивы, комиссивы, декларативы и экспрессивы в речи и этим воздействовать на адресата. Согласно Р. Блакару, «Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [3. С. 92].

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена проведением лингвопрагматического исследования лексикализованных сочетаний, фразем и УФ. На наш взгляд, сопоставительный анализ позволит увидеть в них специфические черты и обнаружить особенности их применения в деловом языке, несмотря на то, что они представляют собой обиходно-разговорные речевые единицы.

Наша цель, во-первых, разобраться в самой природе указанных выше объектов исследования, почему же то или иное сочетание относится к одному из указанных видов; во-вторых, выявить

причину того, что нельзя объединить эти формулы под общим названием «фразеологическая единица»; в-третьих, рассмотреть иллокутивную и перлокутивную функции, а также стилистические особенности этих единиц речи в текстах.

Материалом для нашего исследования послужили данные грамоток, актов юридических, московской деловой письменности XVII–XVIII вв., в частности, челобитные.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней будет осуществлено комплексное изучение фразеологических единиц, имеющих в структуре своего значения общую категориальную сему «процессуальность» и которые функционировали в текстах русской деловой письменности XVII–XVIII вв.

Методы исследования. Задачи, поставленные в работе, предполагают использование комплекса различных методов и подходов лингвистического исследования: синхронно-диахронный метод, описательный метод, метод наложения (аппликации), метод компонентного анализа, метод функционально-параметрического описания семантики фразеологизма, лингвострановедческий и лингвопрагматический подходы, метод выборки фразеологических единиц, методы классификации и систематизации, направленные на выделение различных групп и объединение в них фразеологизмов на основе сходных признаков и др.

Результаты исследования

Первым объектом нашего исследования являются лексикализованные сочетания, стержневыми компонентами которых выступает глагол (*жить правдою, держать в приказе, (не) вестись в такую напасть*). По сути, эти единицы могут представлять собой и процессуальные фразеологизмы. Наша задача — выявить структурный признак данных языковых знаков и определить, каким же образом следует их именовать.

Еще в прошлом столетии в трудах академика В. В. Виноградова по фразеологии в основу определения ФЕ положен структурный признак языка — устойчивость, воспроизведение в речи сочетаний слов как готовых единиц, и дано тщательное описание признаков фразеологической устойчивости. Со структурно-семантической точки зрения, основной признак фразеологичности — в невыводимости значения сочетаний слов из значений слов, их составляющих, в критерии так называемой идиоматичности. Этой точки зрения придерживался Б. А. Ларин и считал, что предметом фразеологии должны быть слово-

сочетания, характеризующиеся «семантическим обновлением», которое он усматривал в идиомах и метафорических сочетаниях. Н. М. Александров и В. Л. Архангельский стремились объединить признаки лексико-семантической устойчивости и идиоматичности для определения ФЕ. А в сочетаниях с фразеологически связанными значениями слов они усматривали наличие идиоматичности.

По мнению А. А. Реформатского, все лексикализованные сочетания идиоматичны. Это мнение не разделяет Е. А. Иванникова, утверждая, что «при лексикализации глагольное словосочетание теряет способность расчлененно обозначать единое понятие, но не становится лексически неделимым» [4. С. 78]. Это распространенное в фразеологической литературе мнение нуждается в пересмотре.

В рассмотренных далее оборотах нет конкретизации в обозначении действия оттого, что глагольный компонент почти потерял свое вещественное значение:

– *(не) навести на себя гнев* — «какими-то действиями и поступками вызвать недовольство или возмущение с чьей-либо стороны»:

Не наведи на себя гнѣву, отпускаи с Москвы казну крымскую тотчас [7. С. 32];

– *принести свою вину* — «осознать свои ошибки и выразить сожаление о совершенном проступке»:

К гсдрю вину свою | принес да и дшу б свою тѣмь | очистил скасал про то [7. С. 275];

– *положиться на совесть* — «твердый призыв надеяться и доверять кому-либо; о порядочном и добросовестном человеке»:

Вы можете на маю совесть полажитца;

– *(не) вестись в такую напасть* — «о том, что какие-то действия или поступки приводят к неприятностям, бедам»:

Что вы ме|ня не ведете в такую напасть;

– *взять на себя (живота его)* — «брать на себя ответственность; быть ответственным за кого-то»:

Ево ложную скаску укаБал великий| гсдрь всят животы ево | на себя великого гсдря [8. С. 38, 46, 99];

– *подать руку помощи* — «помочь кому-либо, поддержать кого-то в трудную минуту»:

Млсрдием своим подаи безпомо|чьному руку помощи и при[па]метуи гсдрь обо мнѣ | гсдрю кнзю Михаилу Юревичю что мнѣ перемѣна;

– *быть незабвенным* — «остаться в вечной и славной памяти; быть всегда почтенным»:

В молитвахъ вашихъ свтыхъ азъ грѣшныи не забвенъ | быти желаю [5. С. 13, 166];

— *жить правдою* — «вести деятельную жизнь в полном согласии слова и дела; быть честным и порядочным человеком»:

И жить во всемъ правдою [1. С. 305].

Мы разделяем мнение Е. А. Иванниковой о том, что в подобных конструкциях вспомогательное значение глагола стало обычным, закрепленным общественной практикой, и понимание этих оборотов не составляет никаких затруднений. Следует учитывать, что в указанных примерах сам смысл становится ясным только при сочетании глагола со словом, которое семантически и грамматически связывается с ним. А связанные с глаголом слова указывают на его переносное значение и выступают в качестве названия существенного признака понятия, выраженного всем фразеологизмом в целом. Эти слова не конкретизируют понятия, выраженного глаголом, а конструируют вместе с глаголом новое понятие, в котором логическое и образное слито воедино. Это можно проследить и в следующих оборотах:

— *держатъ несуменную веру* — «доверять незабвенно, неизгладимо, полностью кому-либо»:

Милостью то зделалас и ты свѣтъ мои держи к нему | несуменную веру;

— *снять крест с себя* — «освободить себя от ответственности за какое-то деяние; отказаться от выполнения определенного обязательства в силу возникших обстоятельств»:

Первое де велѣли ему снят крсть | с себя [7. С. 20, 258];

— *пустить кровь* — «1. Устар. Вылечиться от недуга кровопусканием из вены (это метод лечения в прошлом: знахари выпускали кровь из вены больных); 2. Наказать за какие-то деяния, сильно избив кого-то»:

На прошедшей недели я очень занемогъ, такъ что вчарась | принужденъ былъ себе кровь пустить [8. С. 89];

— *держатъ в приказе* — «в полном подчинении: иметь неограниченную власть над кем-либо»:

Меня держатъ в приказе | и того ж числа лучилъ перед нимъ члвкъ [5. С. 176].

В перечисленных примерах стержневое слово теряет свою лексическую отдельность, растворяясь в словосочетании, но сохраняя при этом синтаксические связи: ведь без них немислимо никакое сочетание слов — ни свободное, ни фразеологическое. Опорное и зависимое слово цельно выражают определенное значение, так как

полностью связываются и по смыслу и грамматически. Если будем придерживаться этого мнения, то нашей точке зрения соответствует мнение Ю. Р. Гепнера о том, что «сохранение словом его лексической отдельности создает для него возможность распространиться до свободного словосочетания или стать компонентом фразеологизма, в котором лексическое значение слова тускнеет, перестает сам по себе, без связи с другим словом, выражать смысл» [3. С. 63].

Следует отметить, что действительно, в приведенных примерах всё же непрменной особенностью остается идиоматичность и фразеологичность. Следовательно, их можно именовать процессуальными фразеологизмами. Это суждение в первую очередь определяется тем, что в рассмотренных примерах один компонент употребляется в переносном значении или немного теряет свое вещественное значение: *держатъ в приказе, снять крест с себя, держатъ несуменную веру, пустить кровь*. Эту особенность добавочного значения как результат наличия в словосочетаниях слов с непрямым значением можно сводить и к тропам, и в итоге утверждать, что они представляют собой метафорические сочетания. Однако любое слово может быть средством образности, но только в определенном контексте. Фразеологизмы же — это образные средства *sui generis*. В лингвопрагматическом аспекте приведенные ФЕ в текстах вводились в речь с целью выразить их отношение говорящего к происходящему или из-за происходящего обстоятельства.

Сущность фразеологичности данных оборотов заключается в лексической неделимости, которая возникла в результате переосмысления сочетаний слов в результате наличия в составе сочетания слов, иначе не употребляемых в языке: *жить правдою, подать руку помощи, быть незабвенным, положить на совесть, (не) навестить на себя гнев, принести свою вину, (не) вестись в такую напасть, взять на себя (живота его)*. Как мы видим, сочетания из глагола плюс инфинитив делают понятия расчлененными, органически соединяющими логическое с образным.

Следующий этап нашего исследования представляет особый интерес — это прагматический анализ коммуникации «челобитчик — государь», в которой речевой акт протекает таксономически организовано, то есть производится адресантом с определенной целью. В данном случае в первую очередь необходимо установить характер и степень модифицирования челобитчиком

перфомативных высказываний с точки зрения его отношения к действительности. И соответственно, важной особенностью этого коммуникативного стиля являются использованные фраземы, стержневыми компонентами которых выступает глагол. Как показывает анализ, эти единицы воспроизводились в речи с учетом того, что было определенное коммуникативное намерение говорящего в момент речи.

Иллокутивная составляющая нижеприведенных речевых произведений представляет собой глаголы, которые явно передают определенные типы речевого (иллокутивного) акта:

1. Фраземы, выражающие констатацию какого-то факта:

– (не) положить гнев (сменить/положить гнев на милость) — «рассердиться на кого-либо; перестать сердиться»:

sa все твое к себѣ млсрдие много челом | бью і вперед гсдрь а что рыба моеи присылки | не годна и тебѣ б в том гсдрь гнѣву не положит чаял | ся;

– жить при милости — «быть под покровительством кого-то; испытывать великодушное отношение к себе»:

Гри|горья нашего Богдановича Синовева в ну|жде моеі что живет при млсти Івана Іва|новича бутурлина о чем у меня писано к нему | і послана [5. С. 10, 76];

– (не) учинить насильства — «о фактическом (не) совершении акта насилия»:

Их с того острова не сбили, никакого насильства не учинили;

– дать на оброк — «предоставить что-либо на безвозмездное временное пользование»:

А посадкой де данной староста Митька Тихоновъ далъ имъ Непокшаномъ тотъ остіговъ на оброкъ и отъ монастыря вотчину отвелъ безъ сыску [1. С. 76];

– вступить в бедность — «дать понять кому-л. о своем плохом состоянии». В предложении данный оборот в значении «присоединяться к кому-либо, поддерживать кого-либо в чем-нибудь» может быть заменен современным вариантом фразеологизма *братъ чью-либо сторону*:

Штоб пожаловал млсть свою над ними бедными удивил | вступилъ въ их бедность и разорене от поклепного и на|прасного иску их освободил [7. С. 42].

2. Фраземы, отражающие интенциональное состояние говорящего:

– (не) учинить меня; ведомо учинить — «просьба поставить в известность другого, сообщить ему что-либо, известить о чем-либо»:

Что | дошла добра пожалуи не учини меня вскор|мленика своево забыта прикажи гсдрь ко мнѣ отписать о своемъ многолѣтнемъ здорovie | и о бабушкине спасенномъ блгопрѣбывани | какъ тебѣ гсдря моево.

Что | означитца о чем наперед сего к тебѣ писал | и ты гсдрь пожалуи ко мнѣ млсть свою подаи | и ко мнѣ прикажи въдомо учинить;

– учинить (дарить, сотворить) милость — «просьба помочь, поддержать в трудную минуту»:

Будем и я у тебя гсдря приятеля млсти про|шу учини надо мною совершенную млсть пожалуи | вблехчися к Москве не самешкав [5. С. 40];

– вконец не погибнуть; скитаться меж двор — «просьба не быть равнодушным к бедственному (плачевному) положению кого-то»:

А мнѣ бы в том вконец не погинути и голодную смертию не | умереть црь гсдрь смилуися пожалуи;

Велите гсдри их сослатъ | чтоб мнѣ бѣднои вконец не расоритца і межъ дворъ | не скитатца цри гсдри смилуитесь пожалуите [7. С. 63, 70, 114];

– к делу взять — «1. Просьба обратить внимание; приобщить какой-то факт к действительности; 2. Учитывая что-либо, пускать в ход действий»:

И списокъ съ записи к дѣлу взять [1. С. 80];

3. Фраземы, отражающие интенсивность проявления прокламации высказывания:

– дать на поруки — «объявление решения о том, что выполнение какой-либо деятельности будет осуществляться под чьим-либо надзором»:

Гсдрь пожаловал велѣл члка их дат на по|руку и датъ сроку до Николина осеннего | ннешнаго РѣЕ г году.

Мы согласны с мнением о том, что устойчивость, лексическая неделимость, традиционность употребления — характерная черта ФЕ. Однако она носит относительный характер. Разделяя участь слов и конструкций, фразеологизмы изменяются в процессе употребления семантически и структурно. Между членами вышеприведенных фразем различается лексическая, парадигматическая, синтагматическая и семантическая зависимость.

Примерами лексической зависимости являются «вступить в бедность; скитаться меж двор; жить при милости» — интердепенденция компонентов данных единиц обусловлена семантикой глаголов «вступить; скитаться; жить», которая раскрывает и внутреннюю фор-

му. И именно «символьное прочтение» осуществляется благодаря тому, что их компоненты связываются и сочетаются только в данной комплекции, и, следовательно, они лексически связаны.

Парадигматическая обусловленность единиц «ведомо учинить; вконец не погибнуть» определяется тем, что значение каждого из компонентов подчинено единству общего образного значения всего фразеологического выражения в целом: глагол свободно несет номинативную функцию, и значение оборота понимается в буквальном смысле.

Между компонентами фразем «дать на оборок; дать на поруки; взять к делу» наблюдается синтагматическая зависимость. Глагол управляет зависимым словом и требует его постановки в словоизменительной форме: дать/взять + предлог + существительное, из которой вытекает единство смыслового содержания оборота в целом.

Целостное значение единиц «(не) положить гнев; учинить (дарить, сотворить) милость; учинить насильство» вытекает из значений ее опорных слов «гнев; милость; насильство», которые в сочетании с глагольными компонентами имеют и лексическое единство, и семантическую слитность.

В ходе анализа источников нашего исследования нами было найдено немало устойчивых выражений, которые обладают смысловой и интонационной законченностью. Точнее говоря, речь идет о фразеологических оборотах, имеющих структуру предложения: *Бог по сердцу положит, кормиться Христовым именем; во всём положить упование своё*. Л. П. Якубинский называл их «сложными синтаксическими шаблонами» и «целыми шаблонными фразами» [8. С. 23]. При этом он одним из первых попытался противопоставить синтаксические фразеологические единицы предложениям свободной синтаксической структуры. Именно Д. Н. Шмелёв сформулировал общее определение синтаксической фразеологии как «связанного синтаксиса» и назвал такие ФЕ «результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер» [11. С. 327]. Н. М. Шанский предложил называть такие ФЕ «фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению» [10. С. 58], В. Л. Архангельский — «устойчивые фразы» [2. С. 30], В. Н. Телия — «фразеосхемы» [9. С. 677–678].

Исследования данных ученых позволили нам сформулировать определение и выбор наименования таких ФЕ «устойчивыми фразами». Результаты нашего анализа позволяют нам практически убедиться в том, что они имеют качественно определенное устойчивое значение и повторяются в определенной ситуации и известном контексте речи, где реализуют, нередко с ограничениями, потенциально присущие им формы времени, модальности и лица, соотнося с точки зрения говорящего свое значение с действительностью и получая ту или иную интонацию сообщения.

В проанализированных источниках использовано немало количество УФ, имеющих в составе религионимы: *Бог, Христос, монастырское смирение* и др. Они служили особым видом обращения и заявления в грамотках и челобитных, в которых содержались религиозные и нравоучительные оттенки значения. Заявитель использовал в речи такого рода УФ с целью выразить свое отношение к выражаемой собственной мысли в документе. Следовательно, эти УФ несут в себе также информированную окраску мыслительного процесса личности, исходящего в случае каких-либо проявлений и пережитых эмоций: чувств, воли, мышления, воображения.

Исследуемые тексты грамоток и челобитных имеют особенность жанра телеграмм, дружеских писем и поздравительных открыток. И именно применение в данных текстах УФ обусловлено потребностями общения обеих сторон: 1) потребность решить текущие дела; 2) проинформировать о своем отношении либо положении по поводу какого-то вопроса; 3) поддержать контакт и дружеские отношения с адресатом. Еще одной важной чертой данных УФ является передача адресантом различных форм мышления:

1. «Суждение»: *Бог посетил нас такой печалью; кормиться Христовым именем; смирать монастырским смирением; сохранит/соблюдет десница вышняго Бога (Божья):*

Есть въ еетале немалая печаль что бгъ нас посетилъ | такую печалью [8. С. 52].

Приговорили смирать монастырскимъ смирениемъ. А въ томъ имъ не норовить;

Кормился Христовым именем;

И ссудную запись на себя доброволно даю [1. С. 121, 167, 219, 228];

Млстивои мои гсдръ Алеѣтъи Ѳеодорович здравие твое | да соблюдет десница вышняго бга и с сожителни|цею своею на веки.

Моих гсдреи сохранит десница бжия на лета многа [5. С. 31].

2. «Умозаключение»: *жить в послушании и в покорении; жить по своему приговору; быть во всём послушным и покорным, и безответно; Бог по сердцу положит; на милость уповать Бога (создателя):*

И намъ его Василья и постричи. А жити ему въ послушании и въ покорении и всякие монастырские службы проходити безответно;

По своему приговору жити.

И стѣнныхъ покосовъ впрѣдъ мнѣ Ивану не продать и не заложить, и ни въ какие крѣпости не укрѣпить. Быть во всемъ послушну и покорну и безответну [1. С. 166, 229];

Пожалуи гсдръ умилися в токое нужное и голодное въ|ремя одолжи милостию своею хлѣбомъ | рожью и ввсомъ чемъ тебя гсдря | бгъ по серцу положить смилуися гсдръ | Емельянъ Игнатъевич пожалуи;

На Валуках апрѣля по два десять | вторыи днь дал бгъ здоровы уповаем на млсть вс|щедраго бга да буди вамъ вѣдамо пожаловаль | млсть свою;

Дал бгъ живы да воли бжи а | врет на милость ево же сосѣдате|ля уповаем да прошу у тебя Пе|тръ Яковлевичъ твоего здорове про|менил блженная память дедушка гас|ударева жалованья у Торопецком у|езде.

3. «Волеизъявление»: *постричь вольно и покоить его в монастыре; во всём положить упование своё; явить отеческую свою милость; быть покровным десницею вышняго Бога:*

И буде онъ Иванъ изволить въ дому Пречистыя Богородицы жить, или постричься волно и покоить его въ монастырь;

Розорение дом пус|ть розстроился толко гсдръ во всем положи упование свое | на содѣтеля своего Христа какъ что ему свѣту годе;

Алеѣгем в Помесном приказе росписано | имянно а ннѣ я прошу вишего к себѣ отеческаго милосердия дабы вша | ко мнѣ была незаплатная млсть;

Явите ко мнѣ | отеческую свою млсть чтоб та челобитная не уничтожи|лас.

Гсдрю моему млстивому ко мнѣ кнсю | Василью Васильевичю искатель | млсти твоеи Петрушка Головин челом | бьет здравствуи гсдръ мои на многи|е лѣта и буди покровен десни|цею вышняго бга пожалуи гсдръ | прикажи ко мнѣ писат о своем много|лѣтном здоровие [5. С. 14, 31, 42, 46, 134].

В целом в рассмотренных УФ представлен, во-первых, способ концептуализации действительности — представление христиан о един-

ственном творце Вселенной; во-вторых, передана информация об отношении заявителя к номинируемому объекту (адресату, собеседнику). И как нам показывает анализ УФ, всё это обусловлено потребностями общения и челобитчика и ответчика.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные ФЕ в результате однотипности неоднократно повторяемых ситуаций, употреблялись носителями языка как стандартизированные речевые обороты. Подавляющее их большинство отличается высокой коммуникативной актуальностью. Почти все они принадлежат устной речи, поэтому дело будущего — создать фразеологический словарь, где при этих ФЕ будет указано их функционально-стилистическое содержание.

Заключение

Подобный теоретический анализ научной литературы по соответствующей теме показывает, что проблема выявления и определения основных признаков лексикализованных сочетаний, фразем и УФ рассматривалась достаточно широко. В то же время целый ряд конкретных вопросов, связанных с их существенными категориями остается мало разработанным. К этим вопросам можно прежде всего отнести принципы фразеологизации различных речевых формул, которые могут употребляться в определенной ситуации в контексте. В нашем случае остается важным разграничение словосочетаний, поддающихся процессу лексикализации и сочетаний, имеющих признак фразеологичности. Как было сказано выше, проанализированные примеры единиц, охваченные лексикализацией, следует именовать процессуальными ФЕ. Лексическая неделимость — их основной признак, а их главный компонент — перформативные глаголы, указывающие на определенные действия.

Практически отсутствуют исследования по дифференциальным признакам процессуальных фразеологизмов, фразем и УФ, а также по характерным особенностям их употребления в языке деловых бумаг и документов определенного периода. Следовательно, важно отметить, что данное исследование — необходимый шаг лингвопрагматического анализа данных единиц речи в текстах грамоток и челобитных периода XVII–XVIII вв., а также изучения диахронических процессов формирования русской фразеологии.

Список источников

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. 511 с.
2. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д., 1964.
3. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
4. Гепнер Ю. Р. Об основных признаках ФЕ и о типах их видоизменения // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 57–69.
5. Грамотки XVII — начала XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1969. 415 с.
6. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 70–83.
7. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / под ред. С. И. Коткова, А. С. Орешникова, И. С. Филиппова. М. : Наука, 1968. 338 с.
8. Памятники московской деловой письменности XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1981. 317 с.
9. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674–684.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.
11. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
12. Якубинский, Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

References

1. Akty yuridicheskie, ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva, izdannye Arkheograficheskoyu Komissieyu = Legal acts, or a collection of ancient record keeping forms issued by the Archaeographic Commission, Sankt-Peterburg; 1838. 511 p. (In Russ.).
2. Arhangel'skij VL. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke. Osnovy teorii ustojchivyh fraz i problemy obshhej frazeologii = Set phrases in modern Russian. Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology. Rostov-on-Don; 1964. (In Russ.).
3. Blakar R. Language as an instrument of social power. In: Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya = Language and modeling of social interaction. Moscow; 1987. Pp. 88–125. (In Russ.).
4. Gepner YuR. On the main features of phraseological units and on the types of their modification. In: *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy pod redakciej A. M. Babkina = Problems of phraseology. Research and Materials*, ed. A. M. Babkina. Moscow-Leningrad, Nauka; 1964. Pp. 57–69. (In Russ.).
5. Gramotki XVII — nachala XVIII vv. = Diplomas of the 17th-early 18th centurie. Ed. by SI Kotkov, Moscow, Nauka; 1969. 415 p. (In Russ.).
6. Ivannikova EA. On the main feature of phraseological units. In: *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy pod redakciej A. M. Babkina = Problems of phraseology. Research and Materials*. Ed. by AM Babkina. Moscow; Leningrad, Nauka; 1964. Pp. 70–83. (In Russ.).
7. Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka. = Moscow business and household writing of the 17th century. Ed. by SI Kotkov, AS Oreshnikov, IS Filippov. Moscow, Nauka; 1968. 338 p. (In Russ.).
8. Pamyatniki moskovskoi delovoi pis'mennosti XVIII v. = Monuments of Moscow business literature of the 18th century. Ed. by SI Kotkov. Moscow, Nauka; 1981. 317 p. (In Russ.).
9. Teliya VN. Factor of culture and reproducibility of phraseological units — signs-microtexts. In: *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura = Hidden meanings. Word. Text. Culture*. Moscow, 2004. Pp. 674–684. (In Russ.).
10. Shanskij NM. Frazeologiya sovremennogo russkogo jazyka = Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1963. (In Russ.).
11. Shmelev DN. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika = Modern Russian language. Vocabulary. Moscow, 1977. (In Russ.).
12. Yakubinskij LP. On dialogic speech. In: *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funkcionirovanie = Selected works: Language and its functioning*. Moscow, 1986. Pp. 17–58. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Р. Раджапова — преподаватель кафедры современного русского языка.

Information about the author

R. R. Radjapova — Lecturer, Department of Modern Russian Language.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 808.41

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ВРАЧ-ХИРУРГ»

Светлана Андреевна Ростовцева¹, Анна Вячеславовна Таскаева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, rostovs79@mail.ru

²Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, taskaeva_anna@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург». Выделены основные этапы развития и становления лексемы «хирург» в русском языке, выявлены языковые репрезентации лингвокультурного типажа «врач-хирург», объективированные в русском языковом сознании. В результате обнаружено, что лексема «хирург» реализует функцию наименования профессии и используется носителями современного русского языка вместе со словами синонимического ряда «врач — доктор — специалист — профессионал». Номинация «хирург» по частоте употребления уступает синонимичным лексемам «доктор» и «врач». Доказано, что в семантике данных языковых единиц присутствует оценочный компонент.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, врач, хирург, понятийная составляющая, языковая картина мира

Для цитирования: Ростовцева С. А., Таскаева А. В. Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «врач-хирург» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 99–107.

Original article

CONCEPTUAL COMPONENT OF LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE “DOCTOR-SURGEON”

Svetlana A. Rostovtseva¹, Anna V. Taskaeva²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, rostovs79@mail.ru

²South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, taskaeva_anna@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the conceptual component of linguistic and cultural type «doctor-surgeon». The main stages of development and formation of the lexeme «surgeon» in Russian are singled out, linguistic representations of linguistic and cultural type «surgeon doctor» are identified. As a result, it has been found that the lexeme «surgeon» implements the function of naming a profession and is used by native speakers of the Russian language together with the synonyms «doctor — specialist — professional». The nomination «surgeon» in terms of frequency of use is inferior to the synonym «doctor». It has been proved that there is an evaluative component in the semantics of these linguistic units.

Keywords: linguistic and cultural type, doctor, surgeon, conceptual component, linguistic consciousness

For citation: Rostovtseva SA, Taskaeva AV. Conceptual component of linguistic and cultural type “doctor-surgeon”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):99-107. (In Russ.).

Введение

Профессия «хирург» имеет особое социальное значение. Хирургия, зародившись еще в Древ-

ней Греции и Риме, сегодня продолжает активно развиваться, а врач, занимающийся хирургией, является одним из самых востребованных и ценных специалистов в любом обществе. Сформированный в русском языковом сознании,

лингвокультурный типаж «врач-хирург» обладает стереотипизированными характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях, узнаваемостью, национально-культурными особенностями, значимостью для представителей русской лингвокультуры. Основой для создания лингвокультурного типажа «врач-хирург» могут выступать образы реальных людей либо вымышленные персонажи из литературных и кинопроизведений.

Вслед за О. А. Дмитриевой, под лингвокультурным типажом мы понимаем «особый тип лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации» [5. С. 3]. Понятийное содержание, анализ «важнейших имен концепта в их системных связях» являются основой моделирования лингвокультурных типажей [8. С. 27].

Настоящая работа посвящена исследованию понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) исследовать семантику и функционирование лексемы «хирург» в русском языке в диахроническом и синхроническом аспектах; 2) выявить языковые репрезентации лингвокультурного типажа «врач-хирург», объективированные в русском языковом сознании. В качестве материала первой части исследования использованы данные лексикографических источников русского языка, а также Национальный корпус русского языка. Источником материала второй части исследования послужил сайт <https://prodoctorov.ru>. Методами анализа являются: описательный метод, метод семантического анализа и анализа словарных дефиниций, метод корпусного изучения языковых явлений, элементы статистического анализа.

Исторические предпосылки семантизации лексемы «хирург»

Сведения о проведении хирургического лечения (ампутация, остановка кровотечения, лечение раскаленным железом) восходят к XI в. и упомянуты в «Изборниках Святослава» [14]. Покровителями врачей на Руси принято считать Косму и Дамиана, чудотворцев и бессребреников, получивших от Господа дар исцеления, но не бравших с больных оплаты [12]. В дальнейшем святые

воспринимались скорее как покровители урожая, свадеб и кузнецов.

Первые хирурги (иностранные специалисты) появились при княжеских дворах еще в XVI в., а подготовка врачей-хирургов была начата в 1654 г., когда по указу царя Алексея Михайловича Романова открылись костоправные школы [3. С. 28].

Согласно данным этимологических словарей слово «хирург» восходит к древнегреческому «действующий руками» (греч. *cheir* рука + *ergon* работа, действие) [24. С. 491; 23; 19. С. 340]. В русский язык слово попало либо непосредственно из латинского [19. С. 340], либо через немецкое посредство [24. С. 491]. Изначально в языке существовали две лексемы «хирург» и «цирюльник», имеющие синонимическое значение [22], поскольку обе «профессии (лекаря и брадобрея) долгое время сочетались в одном лице» [9]. Цирюльником назывался «парикмахер, владеющий также элементарными приемами врачевания» [11]. Однако уже с конца XVIII в. «цирюльник» приобретает значение «ремесленник, упражняющийся в брадобрении и кровопускании» [15. С. 632].

Первое упоминание слов, относящихся к группе «хирургический», можно найти в указах Петра I 1723–1724 гг. В этот период начинается расхождение со словом «цирюльник» (на общий источник происхождения указывает Сравнительный этимологический словарь русского языка Н. В. Горяева 1896 г. [2. С. 397]), а слово «хирург» употребляется в современном значении: врач, занимающийся хирургическим лечением.

Этапы становления лексемы «хирург» в русском языке

В рамках диахронического подхода можно выделить три этапа развития лексемы «хирург», при этом особо отметим долексикографический период (до XVIII в.), когда были известны представители медицинской профессии — хирурги, но лексема «хирург» не была закреплена в русском языке. Первый этап — заимствование и первые спорадические упоминания в языке, одновременное функционирование с лексемой «цирюльник» (XVIII в.). Второй этап — конкретизация, сужение семантики, становление современного значения (XIX в.). Третий этап характеризуется активным употреблением лексемы «хирург» в значении врача, применяющего хирургические приемы для лечения. Конкретизация значения лексемы «хирург» связана с историческим кон-

текстом — развитием медицинской науки в целом и хирургии как ее составляющей.

Первый этап становления лексемы «хирург» в русском языке

Первый этап, охватывающий весь XVIII в., характеризуется становлением хирургии как науки: так, по указу Петра I в 1716 и 1719 гг. открыты школы по обучению хирургии в Военном и Адмиралтейском госпиталях; в 1798 г. учреждены медико-хирургические академии в Петербурге и Москве; написаны первые учебники по хирургии (И. Ф. Буш «Руководство по хирургии», 1807 г.) и анатомии (П. А. Загорский, 1801 г.); открыт первый завод по производству медицинских инструментов (1721 г.).

В конце этого же века создается первый толковый и нормативный словарь, ознаменовавший начало русской научной лексикографии, — «Словарь Академии Российской», работа над которым велась Д. И. Фонвизиним, Г. Р. Державиним и др. с 1783 г. на протяжении 11 лет. В VI томе словаря (1794 г.) содержится следующая дефиниция лексемы «хирург»: «Хирург — с. м. лекарь; кто упражняется в хирургии, знает хирургию» [15. С. 534].

Принимая за основу классификацию способов толкования значений слов Д. И. Арбатского [1], можно установить, что определение лексемы «хирург» в Словаре Академии Российской происходит двумя способами: отсылочным как производного слова и синонимическим — с использованием тождественного (или близкого по значению) слова-синонима. При втором способе тождественным словом выступает лексема «лекарь». При этом из синонимичного для XXI в. ряда «врач — доктор — лекарь» [10] выбирается лексема «лекарь», которая в анализируемом словаре отсутствует, однако этимологический словарь [24. С. 464] указывает на происхождение слова от «лекарство». При этом лексемам «врач» и «доктор» посвящены отдельные словарные статьи, в которых врач определяется как «тот, который посредством врачебного искусства сохраняет здоровье и исцеляет болезни»; а лексема «доктор» относится к научной степени («Титло, придаемое получившим степень в науках философических, в науке о праве и науке врачебной») [15. С. 707].

Отсылочный способ предполагает обращение к дефиниции лексемы «хирургия» со значением: «часть врачебной науки, основанная на трупоразъятии, в которой преподаются правила и способы употреблять лекарства к употреблению болезней наружных и другие средства простою

рукою или снабженную приличными к тому орудиями» [15. С. 534]; и к лексеме «хирург», которая трактуется как «врач, занимающийся преимущественно лечением наружных болезней» [16. С. 400]. Так, хирург — это прежде всего тот, кто лечит с помощью лекарства, практикующий в различных науках (паталогоанатомии) и непосредственно занимающийся оперативным вмешательством. Примечательно, что словарь фиксирует использование инструментов, видимо, при проведении операций. Под «наружными болезнями», по всей видимости, понимаются те, которые требуют оперативного вмешательства.

Примерно к этому же времени (1789 г.) относится первое упоминание «хирурга», представленное в Корпусе национального языка. Оно представляет собой отрывок, написанный Д. И. Фонвизиним в журнале путешествия в Ригу, Бальдон и Митаву: «Доктор Герц и хирург В. пускали мне подъязычную кровь».

Второй этап становления лексемы «хирург» в русском языке

Второй этап — XIX в. — характеризуется активным развитием науки хирургии, что связано прежде всего с деятельностью Н. И. Пирогова (1810–1881 гг.) — основателя военно-полевой хирургии и школы анестезии в России. Считается, что внедрение наркоза и анестезии в середине XXI в. стало определенным рубиконом в развитии хирургии и положило начало современному этапу развития этой науки [14. С. 465].

Упоминания о враче-хирурге, представленные в Национальном корпусе, носят спорадический характер. Наиболее часто (8 раз) упоминание встречается в работе Ф. Ф. Беллинсгаузена об экспедициях к Южному и Северному полюсам, в состав которых вошел Н. А. Галкин — врач-хирург. В тексте он назван «медико-хирург» как выпускник Петербургской медико-хирургической академии. К этому времени хирургическая помощь уже воспринимается как общественное благо, поэтому выпускника медико-хирургической академии приглашают стать членом экипажа [19. С. 85].

XIX в. характеризуется открытием научных институтов. В 1800 г. по приказу Павла I была открыта императорская медико-хирургическая академия, которая включала семь кафедр, среди них и кафедру хирургии. Примечательно, что учебная программа, где занятия по хирургии начинались с третьего года обучения (3-й курс — хирургия, 4-й курс — оперативная хирургия), указывает на становление хирургии как отдельной науки,

отличной от анатомии и терапии и требующей серьезной теоретической подготовки [7]. Однако в толковых словарях этого периода нет точного представления об этой науке, она сопряжена с другими и трактуется как способ проведения ампутаций или лечение наружных болезней. Так, в словаре церковно-славянского и русского языка, составитель — Второе Отделение Императорской академии наук, в 1847 г., [16. С. 841], можно найти следующие определения лексемам «хирург» и «хирургия»: «хирург — врач, занимающийся лечением преимущественно наружных болезней» и «хирургия — часть врачебной науки, в которой преподаются правила и способы к лечению наружных болезней». В данном толковании тождественным словом выбирается «врач», которое в дальнейшем будет выступать как основа при определении значения лексемы «хирург». При этом «врач» семантизируется как «лекарь», а «лекарь» как «врач». Таким образом, «врач» и «лекарь» выступают в данном случае как абсолютные синонимы.

В словаре Н. А. Добротворского лексема «хирург» отсутствует, однако хирургия представлена как «наука о том, как отнимать больные и поврежденные члены от человеческого тела (делать операции)» [6. С. 58]. Особо отметим, что именно в этом словаре впервые появляется слово «операция» как деятельность хирурга, хотя сама хирургия сводится прежде всего к проведению ампутаций.

В словаре В. И. Даля [4. С. 1184] хирургия — это «врачеванье наружных болезней, искусство делать операции и подавать ручную помощь больному; ручичиние, ручичинство, рукодействие», а хирург — «врач, занимающийся сею частью». В семантизации использована отсылка к этимологии слова «хирург» — работающий руками.

Подытожим, что второй этап характеризуется становлением понятий «хирург» и «хирургия», появлением лексемы «операция», указывающей на основной вид хирургической помощи, синонимичным употреблением лексем «врач» и «хирург». Складывается и фиксируется основа понятия, которая будет оставаться неизменной в XX в.

Третий этап становления лексемы «хирург» в русском языке

Третий этап охватывает весь XX и начало XXI в. На протяжении XX в. толкование лексемы хирург остается неизменным: «врач, специалист по хирургии» / «в области хирургии» [11;

17; 18]. Во всех вышеперечисленных словарях семантизация осуществляется через тождественное слово «врач». Дефиниция лексемы «врач» обязательно включает «высшее медицинское образование», а в словаре Л. С. Ковтун дополняется «правом лечить больных», а также синонимическим рядом «лекарь» и «доктор» (последнее с пометой в просторечии).

Дефиниция лексемы «хирургия» во всех словарях включает «оперативные методы лечения». В Энциклопедическом медицинском словаре конкретизируется сфера деятельности врача хирурга: «получивший подготовку по методам диагностики и хирургического лечения», а также область применения: «болезни и травмы» [21]. Также важно отметить, что фиксируется более узкая специализация, например, «хирург-онколог», «детский хирург» [11].

Кроме того, настоящий этап характеризуется активным использованием лексемы «хирург», что наглядно демонстрирует статистика, представленная в национальном корпусе языка (рисунки).

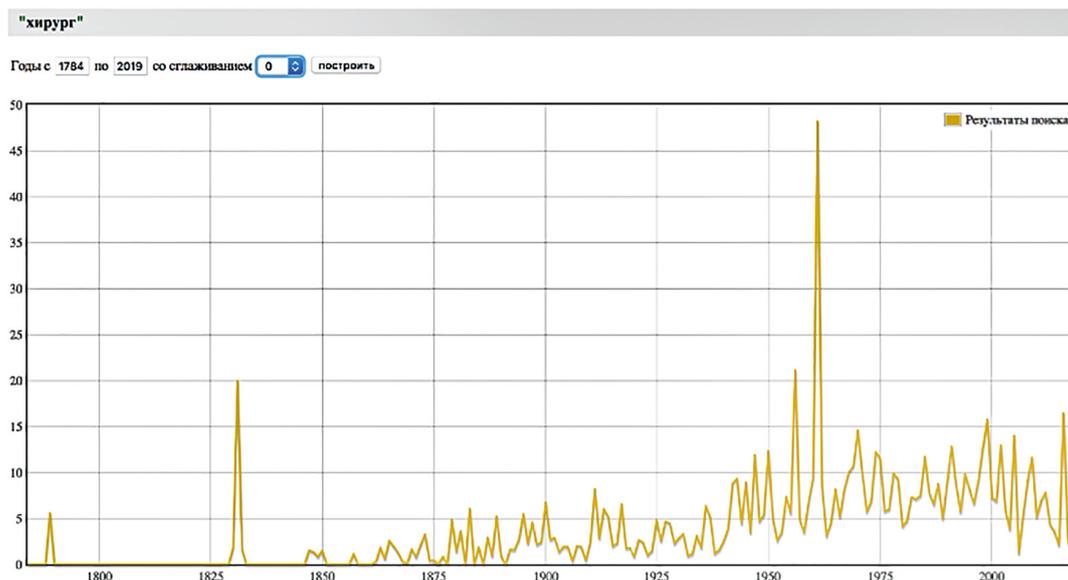
Исследование понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург» на материале отзывов пациентов

С целью выделения языковых репрезентаций, объективирующих образ врача-хирурга на современном этапе, нами были рассмотрены отзывы пациентов и их родственников (сайт <https://prodoctorov.ru>). Всего было проанализировано 340 отзывов, из которых 300 отзывов можно отнести к положительным (191 000 печатных знаков) и 40 отзывов — к отрицательным (31 000 печатных знаков). Нами были рассмотрены три группы специалистов: нейрохирурги, кардиохирурги и группа, обозначенная как «хирурги» и включающая специалистов различных профилей.

В результате анализа отзывов был выделен синонимический ряд «хирург — врач — доктор — специалист — профессионал», причем наиболее часто употребляемыми оказались лексемы «врач» (118 раз) и «доктор» (114 раз), которые реализуют следующие смысловые признаки: деноминативный статус, наименование профессии, выступление в функции обращения, оценочность.

Оценочный компонент в семантике репрезентаций лингвокультурного типажа «врач-хирург»

Приведем несколько примеров коннотативно-оценочного разделения лексем «врач» и «доктор»:

Статистика использования лексемы «хирург» в Национальном корпусе русского языка
 Statistics of the use of the lexeme «surgeon» in the National Corpus of the Russian language

«Хочу выразить искреннюю благодарность А. М. <...> прилетела на консультацию в ... центр. Осмотр длился всего 4 минуты, **врач**, который меня осматривал, не стал слушать ни жалоб, ни истории болезни! <...> Сам **врач** не подошёл ни до операции, ни после. Но при выписке одна женщина рассказала о **враче** А. М. (спасибо ей большое за это). Через неделю боли стали нарастать, даже лёжа боль не отступала! Тогда и решили написать рекомендованному доктору А. М. Несмотря на напряженный график, он нашёл время ответить и проконсультировать по переписке. Мне была сделана операция. **Доктор** перед операцией внимательно выслушал и просмотрел все мои выписки. Через два часа после операции я встала без боли! <...> Хотела выразить восхищение профессионализмом и талантом **доктора!**» (сохранены орфография и пунктуация автора) [13].

В приведенном отзыве лексемы «врач» и «доктор» употреблены по три раза, причем «врач» дважды в отрицательном контексте при описании негативного опыта. Лексемы «врач» и «доктор» употребляются нейтрально при описании незнакомого специалиста: первое упоминание о нейрохирурге А. М. сопровождается лексемой «врач», второе уже с положительным атрибутом «рекомендованный» — «доктор»; далее при описании положительного опыта и выздоровления употребляется только лексема «доктор».

«**Доктор** нам помогла, в отличии от тех **врачей**, у которых мы были» [13].

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, как в рамках одного предложения фиксируется противопоставление «доктор» (положительная коннотация) — «врач» (отрицательная коннотация).

Примерно одну шестую (104 раза) составляет употребление синонима «специалист», используемого при определении значения слова «хирург» в современных толковых словарях. Номинация «специалист» не имеет ярко выраженного оценочного значения и используется как нейтральная. Слово «профессионал» употребляется реже всего (в 39 случаях), как правило, для выражения высокой оценки хирургической деятельности.

Следует отметить, что лексема, включающая корень «хирург», употребляется в проанализированных отзывах 110 раз в 90 отзывах и реализует прежде всего функцию наименования профессии, то есть имеет нейтральный оценочный статус. Как правило, используется в контексте комментария один раз и в дальнейшем заменяется словами из синонимического ряда. Примечательно, что предпочтительно используются гипонимы к слову «хирург», указывающие на специализацию: нейрохирург (33 раза), кардиохирург (31), отоларинголог-хирург, хирург-онколог и др. (12 раз).

Отдельно нами было проанализировано 40 отрицательных отзывов, основная часть которых (31 отзыв) относилась к деятельности нейрохирурга.

В результате анализа нами было выявлено, что в данных отзывах предпочтение отдается лексеме

«врач» (в 57 из 94 случаев). Соотношение слов «хирург» и указывающих на специализацию «нейрохирург» сопоставимо. При этом в соотношении с прочими лексемами синонимического ряда лексемы *нейро-* и *кардиохирург* употребляются значительно реже (всего 7 из 94 во второй группе отрицательных отзывов при сравнении с употреблением в первой группе в 64 из 275). Кроме того, следует отметить, что в трех отзывах (из четырех случаев использования) слово «нейрохирург», хотя и помещенное в контекст отрицательного отзыва, не связано с негативным опытом автора, а в одном случае негативный отзыв вызван несоответствием ожидания результатам лечения, а не действиями или личностью хирурга.

«Оперировался у Ю. Ю. П. на грыжи дисков шейного отдела. Коротко говоря, был и стеноз и т. д. — перечислять не буду. В общем, результатом операции недоволен, не помогло оно, как болели шея, руки, спина, ноги, так и болят до сих пор, а прошло уже больше трёх лет с момента операции и никаких изменений в хорошую сторону. Сам хирург добрый, отзывчивый, однако... Уже больше трёх лет работать не могу никак, постоянные боли в теле мучают <...>»;

*«<...> На просьбу перенаправить меня к неврологу, купировать болевой синдром, порекомендовать, к кому и куда обратиться <...>, услышала от него фразу: «Вы абсолютно здоровы», — и врач просто ушел. Считаю, что если врач не проводит тот тип операций, который был мне необходим, то, как минимум, на мой взгляд, он должен был направить меня к **нейрохирургам**, умеющим оперировать пациентов с моим диагнозом или хотя бы порекомендовать, как действовать дальше. Прооперировал меня позже **нейрохирург** из <...>, и это помогло, так что я была **нейрохирургическим** пациентом!» [13].*

Отметим также гендерную соотнесенность лексемы «хирург». Как и слова из синонимического ряда, лексема «хирург» может использоваться для обозначения мужчины и женщины, однако гендерная принадлежность не значима

при репрезентации медика в речевом акте, где доминирует отсылка к специализации. Показательным является следующий пример:

«Отдельное СПАСИБО от всей души я хочу выразить талантливому и опытному нейрохирургу Ш. Елене Н.!» [13].

Так, можно сделать вывод, что лексемы именной группы «хирург» указывают на специализацию и высокий профессионализм медика, а также могут быть использованы для выражения положительной оценки.

Заключение

Формирование понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург» происходило постепенно и следовало за становлением хирургии как отдельной области медицинской науки. На современном этапе основой понятия «хирург» является представление о специалисте с высшим медицинским образованием, осуществляющим хирургическую деятельность (операции).

В результате эмпирического исследования доказано, что лексема «хирург» активно используется носителями современного русского языка и реализует функцию наименования профессии. Номинация «хирург» по частоте употребления уступает таким словам синонимического ряда, как «доктор» и «врач». В ходе исследования было обнаружено, что в семантике данных языковых единиц присутствует оценочный компонент. Так, на материале отзывов пациентов о работе врачей-хирургов в нескольких случаях зафиксировано противопоставление лексемы «доктор», имеющей положительную коннотацию, и лексемы «врач», зачастую употребляемой с отрицательной оценкой, в то время как лексема «хирург» не содержит оценки называемого им лица. Кроме того, к репрезентациям лингвокультурного типажа «врач-хирург» относятся нейтральная номинация «специалист», не имеющая ярко выраженного оценочного значения, и «профессионал» с положительным оценочным модусом.

Список источников

1. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.
2. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Тип. канц. Главнауч. гр. ч. на Кавказе, 1896. 558 с. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-goryaev/index.html> (дата обращения 30.03.2022).
3. Гостищев В. К. Общая хирургия : учебник. 5-е изд. перераб. доп. М. : Геотар-медиа, 2016. 728 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. М., 1909. URL: <http://www.slovorod.ru/dic-https://www.prlib.ru/item/457657> (дата обращения 19.05.2022).
5. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.
6. Добротворский Н. А. Справочный толковый словарь. М., 1894. 62 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/371062> (дата обращения 30.05.2022).
7. Еременко А. Г. Императорская медико-хирургическая академия. URL: <https://felicina.ru/nauka/imperatorskaja-mediko-hirurgicheskaja-akademija/> (дата обращения 30.05.2022).
8. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 25–61.
9. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфсервис, 2005. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения 30.03.2022).
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004 г. 1488 с. URL: https://ruslang.ru/text_noss2_title (дата обращения 19.05.2022).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения 30.05.2022).
12. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 38. С. 226–250. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2458823.html> (дата обращения 30.05.2022).
13. Продокторов. Сайт отзывов о врачах № 1 в России. URL: <https://prodoctorov.ru> (дата обращения: 01.12.2022)
14. Савельев В. С. Российская хирургия: история, традиции, достижения // Лекции лауреатов Демидовской премии (1993–2004). Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2006. С. 465–473.
15. Словарь Академии Российской. Т. VI. СПб. : Императорская Академия наук, 1794. URL: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom6_1794.pdf (дата обращения 19.05.2021)
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук : т. 1–4. 2-е изд. СПб. : Н. Л. Тиблен, 1867–1868. Т. 4. Изд. ... перепеч. без изменений с 1-го акад. изд. URL: <https://www.prlib.ru/item/366037> (дата обращения 30.03.2022).
17. Словарь современного русского литературного языка. Т. 7 / ред. тома Л. С. Ковтун, В. П. Петушков. М. ; Л. : Наука, 1965. 2125 с.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Совет. энцикл. : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.). URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения 19.05.2022).
19. Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие : в 3 т. Т. 1 (А—Л). Пенза : б. и., 2012. 208 с. URL: <http://penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-penzenskaya-personaliya/1953-galkin-nikolaj-alekseevich-1793-posle-1835> (дата обращения 30.05.2022).
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. II. М. : Русский язык, 1999. 560 с. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-chernykh/index.html> (дата обращения 30.03.2022).
21. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М. : Совет. энцикл., 1982–1984 гг. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=65 (дата обращения 19.05.2022).
22. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. 1-е изд.: 1964–1973; 2-е изд.: 1986–1987 (редактор русского текста М. А. Оборина); 3-е изд.: 1996; 4-е изд.: 2006 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения 30.03.2022).
23. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. 3-е изд., испр. М. : Дрофа, 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения 30.03.2022).
24. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. II. (Н—Я) / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010. 576 с. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/index.html> (дата обращения 30.03.2022).

References

1. Arbatskij DI. Osnovnye sposoby tolkovanija znachenij slov = Basic ways of word meaning interpreting. *Russkij jazyk v shkole = Russian language at school*. 1970;(3):26-31. (In Russ.).
2. Gorjaev NV. Comparative etimological dictionary of the Russian language. Tiflis; 1896. 558 p. Available from: <http://www.slovorod.ru/etym-goryaev/index.html> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).
3. Gostishhev VK. General surgery. Textbook. Moscow; 2016. 728 p. (In Russ.).
4. Dal' VI. Explanatory dictionary of the Great Russian language. Moscow; 1909. Available from: <http://www.slovorod.ru/dic-https://www.prlib.ru/item/457657> (accessed 19.05.2022). (In Russ.).
5. Dmitrieva OA. Linguistic and cultural types of Russia and France of the 19th century. Thesis. Volgograd, 2007. 24 p. (In Russ.).
6. Dobrotvorskij NA. Reference explanatory dictionary. Moscow; 1894. 62 p. Available from: <https://www.prlib.ru/item/371062> (accessed 30.05.2022). (In Russ.).
7. Eremenko AG. Imperial medical and surgery academy. Available from: <https://felicina.ru/nauka/imperatorskaja-mediko-hirurgicheskaja-akademija/> (accessed 30.05.2022). (In Russ.).
8. Karasik VI. Lingvokul'turnyj tipazh «russkij intelligent» = Linguocultural type “Russlij intelligent”. In: *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi = Axiological linguistics: linguocultural types*. Volgograd, Paradigma, 2005. Pp. 25–61. (In Russ.).
9. Krylov GA. Etymological dictionary of the Russian language. St. Peetersburg; 2005. Available from: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).
10. Apresjan JuD. New explanatory dictionary of the Russian language. Moscow; Wien; 2004. 1488 p. Available from: https://ruslang.ru/text_noss2_title (accessed 19.05.2022). (In Russ.).
11. Ozhegov SI, Shvedova NJu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow; 1999. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed 30.05.2022). (In Russ.).
12. Orthodox encyclopedia. Ed. by Patriarch of Moscow and all Rus'. Pp. 226–250. Available from: <https://www.pravenc.ru/text/2458823.html> (accessed 30.05.2022). (In Russ.).
13. ProDoctorov. Site about the doctors № 1 in Russia. Available from: <https://prodoctorov.ru> (accessed: 01.12.2022). (In Russ.).
14. Savel'ev VS. Rossijskaja hirurgija: istorija, tradicii, dostizhenija = Russian surgery. *Lekcii laureatov Demidovskoj premii (1993–2004) = Lectures of lauretes of Demidov award*. Ekaterinburg; 2006. Pp. 465–473. (In Russ.).
15. Dictionary of the Russian Academy. Vol. VI. Saint Petersburg. 1794. Available from: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom6_1794.pdf (accessed 19.05.2021). (In Russ.).
16. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second department of the Academy of Sciences: Vol. 1–4. St. Petersburg, NL Tiblen; 1867–1868. Available from: <https://www.prlib.ru/item/366037> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).
17. Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 7. Ed. by LS Kovtun, VP Petushkov. Moscow, Leningrad; 1965. 2125 p. (In Russ.).
18. Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by DN Ushakov. Moscow; 1935–1940. (Vol. 4). Available from: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (accessed 19.05.2022). (In Russ.).
19. Tjustin AV, Shishkin IS. Penza personalia. Slavny Penzy umnozhevshie = Personalities of Penza. Multiplying the glory of Penza. Penza. 2012 (Vol. 1). 208 p. Available from: <http://penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-penzenskaya-personaliya/1953-galkin-nikolaj-alekseevich-1793-posle-1835> (accessed 30.05.2022). (In Russ.).
20. Chernyh PJa. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Vol. 2. Moscow; 1999. 560 p. Available from: <http://www.slovorod.ru/etym-chernykh/index.html> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).
21. Encyclopedical dictionary of medical terms. Moscow; 1982–1984. Available from: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=65 (accessed 19.05.2022). (In Russ.).
22. Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmer. 2006. Available from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).
23. Etymological online dictionary of the Russian language by NM Shanskogo. Moscow; 2004. Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).

24. Shaposhnikov AK. Etymological dictionary of modern Russian language. Vol. 2. Moscow; 2010. 576 p. Available from: <http://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/index.html> (accessed 30.03.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Ростовцева — старший преподаватель, кафедры восточных и романо-германских языков.

А. В. Таскаева — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных и романо-германских языков ЧелГУ, заведующая кафедрой иностранных языков ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского.

Information about the authors

S. A. Rostovtseva — Senior Lecturer at the Department of Oriental and Romance-Germanic Languages.

A. V. Taskaeva — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Oriental and Romance-Germanic Languages.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 83.3(2Рос-Рус)б

СПЕЦИФИКА ТРАНСФЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ИЗ ЭПОСА В ДРАМУ (на примере пьесы В. Сигарева «Алексей Каренин»)

Мария Сергеевна Лантух¹, Елена Александровна Селютина²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, maralanaaa@gmail.com

² Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, l22502@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ пьесы В. Сигарева как образца трансфера текста из дискурса эпического повествования в дискурс драматического действия. Описываются приемы изменения текста-источника, сопоставляются формально-содержательные особенности текстов Л. Н. Толстого и В. Сигарева, определяется основной принцип трансферных изменений. Исследование показало, что межродовой трансфер осуществляется на уровне событий, композиции, словесного оформления сюжета, а также побочного текста драмы. Драматический текст характеризуется переакцентировкой в идейном комплексе и проблематике. Трансфер предполагает создание целостного текста, подчиненного единству действия. Трансформации повествовательного текста в текст драматургический зависят от смены фокализации, выбора субъекта речи и его отношения к повествуемому миру.

Ключевые слова: межродовой трансфер, эпос, драма, «Алексей Каренин», фабула, сюжет, композиция, нарратор, фокализация, ремарка

Для цитирования: Лантух М. С., Селютина Е. А. Специфика трансфера художественного текста из эпоса в драму (на примере пьесы В. Сигарева «Алексей Каренин») // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 108–116.

Original article

SPECIFICS OF LITERARY TEXT TRANSFER FROM EPIC TO DRAMA (using the example of “Alexei Karenin” by V. Sigarev)

Maria S. Lantukh¹, Elena A. Selyutina²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, maralanaaa@gmail.com

² Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, l22502@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to analyze the play by V. Sigarev as a sample of text transfer from the discourse of epic narrative into the discourse of dramatic action. To achieve the goal the following particular objectives are pursued: to describe the methods of textual source change, to compare the ideological complex of the texts of Leo Tolstoy and V. Sigarev, to define the main principle of transfer changes. In Sigarev’s text one can observe the exclusion of entire plot lines, the inversion of events, the addition of original scenes, the change in the spatial and temporal organisation of some episodes, and the change in the degree of focalisation and the type of narrator as compared to Tolstoy’s novel. The remarks are vividly episodic, metaphorical, contain elements of narrative discourse, and express the narrator’s attitude to the action by means of an abundance of evaluative vocabulary. The speech of the characters is a compilation of the remarks of the characters and the speech of the author of the novel, which indicates a profound change in the language of the text following the discourse of speech. The study showed that the intergenerational transfer takes place on the level of events, composition, verbalization of the plot, as well as on the level of the incidental text of the drama. The dramatic text is characterised by a reaccounting in the ideological complex and problems. Transformation involves the creation of a coherent text subordinated to the unity of action. Transformations of a narrative text into a dramatic text depend on a change in the degree of focalization, the choice of the subject of speech and their attitude towards the narrated world.

Keywords: transfer, epic, drama, “Alexei Karenin”, plot, story, composition, narrator, focalization, remark

For citation: Lantukh MS, Selyutina EA. Specifics of literary text transfer from epic to drama (using the example of “Alexei Karenin” by V. Sigarev). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):108-116. (In Russ.).

Введение

Интерпретация эпического текста для сцены — это проблема, которая находится на стыке интересов исследователей разных профилей: литературоведения, культуроведения, теории сценического искусства, лингвистики. Текст-источник претерпевает значительные изменения, и их характер определяет соотношение текста и оригинала. Проблема анализа и классификации приемов переноса в таких адаптациях, несомненно, актуальна, так как находится в русле общих исследований о переходе текстов из одного рода в другой (что важно в контексте изучения постдраматического периода в сценических искусствах) и транссемиотических переносах в классическом и новейшем искусстве и изящной словесности, позволяет видеть стабильность элементов культуры и востребованность канонических литературных феноменов.

В XX в. текст драмы начинает представляться многими исследователями как тип коммуникации, отличный от естественного диалога. Например, К. Элам в книге «Семиотика театра и драмы» выделяет сообщения «персонаж-персонажу» (character-to-character) и «актер-зрителю» (actor-to-audience; performer-spectator transaction) как два типа вербальной театральной коммуникации [11. С. 39]. Ю. М. Лотман считал, что «сущность игрового поведения в том, чтобы и знать и не знать одновременно, помнить и забывать, что ситуация вымышленная» [5. С. 90]. М. Иссахаров называет сцену «пространством фиктивного высказывания» [13. С. 16]. В 1920-х гг. немецкий режиссер Э. Пискатор вводит в театроведческий обиход термин «эпический театр», система которого была затем в полной мере развита Б. Брехтом. Значительное расширение репертуара театров с помощью эпических драм говорит о гораздо более широких возможностях театра, чем это представлялось сто лет назад, когда «эпичность в театре принималась, но подразумевалась на уровне сюжета, а не на уровне наррации» [1. С. 5]. Кроме того, огромное количество театральных адаптаций, инсценировок эпических текстов представляет собой доказательство развития театра в сторону активного создания межродового типа искусства, начатое, фактически, еще в античности (когда эпические произведения предна-

значались для сценического прочтения в той же мере, что и драматические) и поддерживаемое традицией «драмы для чтения» (Lesedrama, Buchdrama), к жанру которой относятся «Самсон-борец» Мильтона, «Фауст» Гёте и «Разбойники» Шиллера. Таким образом, анализ пьес, построенных на эпической основе, предполагает их изучение как фикционального текста, состоящего не из калки живых диалогов, а из продуманной системы реплик и ремарок, позволяющих совместить языковые различия драматического и эпического рода литературы. Важно отметить, что речь идет не о создании драмы на материале, эпическом по содержанию (напр., докудрама), а о процессе адаптации наррации к другому, театральному, дискурсу.

Основной тезис нашего исследования — языковое оформление текста полностью определяется полнотой воплощения идейного замысла первоначального произведения. Так как межродовой трансфер предполагает «перевод» текста из одной текстовой системы в другую, неизбежно возникают «непереводимые» элементы, для которых необходимо находить аналог на других уровнях текста. Возможность классификации такого сложного процесса мы видим в рассмотрении аспектов лингвистического анализа художественного текста, систематизированных Ж. Женеттом, Б. В. Успенским.

Методы исследования

В научной литературе часто исследуются инсценировки эпических текстов, однако большая часть этих работ относится к области театроведения или литературоведения, так как в них анализируется инсценирование только с позиции идеи произведения-источника, перевода вербальных описаний в образы на сцене. При этом языковое оформление нового текста и его отличие от источника всё еще недостаточно изучены. Кроме того, в исследованиях вторичных текстов наблюдается очевидное смешение понятий инсценировки-текста (Ж. Женетт [12]) и инсценировки-спектакля (В. Хализев [9]), а также инсценировки-адаптации, в которой объектом становится даже не текст, а сюжет (мифы, средневековые мистерии, «Доктор Фаустус» К. Марлоу). На наш взгляд, необходимо разграничивать эти понятия,

отделить также и от самого процесса изменения текста. В нашей работе мы предполагаем подробно рассмотреть этот процесс, поэтому предлагаем термин «интермедиаальный трансфер», который понимаем как воплощение текста одного литературного рода в форме и с помощью средств выразительности другого рода, если при этом соблюдены или «переведены» на язык другого искусства все ключевые для понимания изначальной идеи текстовые аспекты.

В качестве основного метода исследования используется описательно-сопоставительный метод. Также применяются методы обобщения и систематизации теоретических сведений, методы языкового анализа (лексико-семантического, синтаксического), семиотический анализ, метод нарративного анализа текста.

Обсуждение

Часто перевод эпоса в драму осуществляет автор первоисточника. На наш взгляд, такие трансферы можно считать каноническими, максимально полно отражающими авторский замысел в первоначальном тексте. Иной вариант, более частотный в современной литературе, — трансферы эпических текстов, написанные другими авторами. В таких текстах изменения, как правило, выражены сильнее, так как перед драматургом чаще всего стоит задача акцентировать внимание на частной мысли из всего идейного комплекса либо даже совершить переакцентировку, поставив на первый план одну из второстепенных идей первого текста.

На примере пьесы В. Сигарева «Алексей Каренин» рассмотрим приемы трансфера текста из одной художественной системы в другую, а также влияние на речь героев смены регистра высказывания. Пьеса по мотивам романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (пять действий, восемь героев) была создана в 2011 г. и впервые опубликована в литературно-философском журнале «Топос» [7]. Пьеса была поставлена во множестве российских театров: в театре «Русская антреприза» имени Андрея Миронова (Ю. Цуркану), в МХТ им. Чехова (В. Мейкшанс), в Челябинском театре драмы им. Наума Орлова (Е. Маленчев) и др.

Трансформация при инсценировании, несомненно, происходит одновременно в нескольких уровнях текста. В основе нашей классификации мы вслед за структуралистами (Р. Барт, Э. Бенвенист [2]) выделим три основных уровня текста: уровень событий (фабула, диегезис), уровень композиции (сюжет), уровень словесного оформления

сюжета (наррация, фокализация). Все эти уровни комплексно направлены на выражение идеи, которая, однако, существенно отличается от идейного комплекса, заложенного Толстым. В отличие от романа в центр действия выходит мужской образ, судьба одинокого и несчастного мужчины, тяжело переживающего предательство, развод, свою старость и вероломство общества. Следовательно, особое внимание при анализе такого текста необходимо уделить фокализации. Впервые этот термин ввел Ж. Женетт, который определил его как «ограничение поля, то есть выбор нарративной информации по отношению к тому, что обычно называется “всеведение”» [12. С. 49]. Несмотря на то, что сам термин «фокализация» возник из стремления отказаться от термина «точка зрения», определения фокализации так или иначе сохраняют тесную связь со своим терминологическим прототипом. В этом контексте мы считаем особенно важным обратить внимание на дихотомическую теорию Б. Успенского о «точке зрения», в которой он выделяет четыре уровня (план оценки, фразеологии, пространственно-временной характеристики, психологии) и разграничивает взгляд автора и взгляд нарратора [8]. Анализ степени фокализации необходим, так как ее изменение влечет за собой смену представления о воспроизводимой художественной действительности, а значит, создает условия для реорганизации всего строя художественного текста. В нашей работе мы придерживаемся определения термина Ж. Женетта, однако считаем возможным обращаться к системе Б. Успенского при анализе уровней текста.

Уровень событий. Смена угла зрения закономерно ведет за собой изменение фабульной целостности истории. При этом целостность в трансфере должна пониматься не как буквальное сохранение всех эпизодов романа, а как создание театрального единства действия, необходимого пьесе как ее смысловой стержень. В. Г. Белинский писал: «Действие драмы должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов <...> в драме всё должно быть направлено к одной цели, к одному намерению» [3]. Например, в романе Л. Н. Толстого Каренин никак не взаимодействует с Левиным, а значит, во время переживаний о собственной судьбе этот герой никак не мог оказаться в поле зрения Алексея Каренина. Тем не менее в романе образ Левина имеет колоссальное значение не только для идейной целостности романа, но и для понимания образа интересующего Сигарева героя. Три семьи — Ка-

ренина, Облонского и Левина — так или иначе сталкиваются с трудностями, испытывающими их на прочность, однако только Левин оказывается нравственно устойчивым и выдерживает этот натиск. Будучи ни в чем не виновным перед Анной, Каренин стремится сохранить хотя бы обстановку счастья, но из этого ничего не получается, кроме новой лжи. Облонский в этой лжи живет постоянно и даже доволен такой жизнью, где несчастье жены — лишь небольшая семейная неурядица. Левин же находится в постоянном осмыслении себя, своего места в жизни, своего отношения к богу и приходит к выводу о том, что счастье — в «трудоу, чистой, общей и прелестной жизни»¹. Левин в пьесе отсутствует, то есть образ Каренина сопоставляется только с Облонским и Вронским, а идеи Левина никак не явлены в идейном комплексе пьесы, сцены с ним изъяты из фабулы, что логично обусловлено целями постановки. Таким образом, фикциональный мир пьесы, или диегезис, конечно, оказывается гораздо уже, чем диегезис романа, однако такой прием акцентирует внимание зрителя на той части изображаемого мира текста-источника, в которой разворачивается трагедия главного в данном случае персонажа — Алексея Каренина. При этом стоит отметить, что, несмотря на сужение числа персонажей, фабула дополнена оригинальными сценами, в центре которых находится главный герой пьесы. Также важно, что некоторые эпизоды основательно переработаны. Например, сцена встречи Анны с сыном интересна нам с точки зрения фабулы.

Действие сцены перемещено в Казанский собор сразу после окончания Пасхальной службы. Примечательно, что один праздник — день рождения Сережи — изменен на другой, религиозный, причем упоминание о Пасхе в романе происходит единожды в контексте описания жизни Левина в деревне и прихода весны. Вряд ли стоит считать, что эта деталь как-то связывает двух героев, однако символическое значение самого праздника, безусловно, оправдывает его выбор. Как известно, Пасха — это праздник победы жизни над смертью. И. А. Есаулов отмечает, что «пасхальный архетип русской словесности проявляет себя главенством <...> святости как ориентира жизни над «нормой» и другими культурными следствиями» [4]. Сцена Толстого — ка-

¹ Здесь и далее роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» цит. по: Толстой Л. Н. Анна Каренина. URL: avidreaders.ru__anna-karenina.pdf (дата обращения 27.06.2022).

мерная, уютная, она показывает настоящую нежность между матерью и сыном, а к отцу семейства герои испытывают сначала страх, а затем — «чувства отвращения и злобы», которыми была охвачена Анна. В пьесе Сигарева от этих ощущений остаются лишь общая эмотивность — кругом гудящая толпа, и страх появляется уже не перед Карениным, а перед ярчайшей представительницей светского общества того времени — княгиней Лидией Ивановной. Надо заметить, что этот эпизод — редкий момент, когда супруги ведут себя заодно — они боятся осуждения общества, зависимы от него и страдают от его правил. Однако важнее здесь становится возвышение чувств маленького Сережи. Если в романе он встречает мать словами «Я знал, — открывая глаза, сказал он. — Нынче мое рожденье. Я знал, что ты придешь», то в пьесе встрече предшествует разговор с отцом о молитве «Знаешь, о чем я лишнее, не в счет, помолился? Отличное, но секрет! Когда сбудется, скажу. А ты о чем молился?». Таким образом, отец не оказывается «чужим» в этой сцене, он посвящен в чувства сына, однако оказывается неспособным понять его. Вообще, отстраненность и чувство недопонимания преследуют образ Каренина. То же чувство мы ощущаем и в сцене встречи Анны и Алексея на петербургском вокзале, но подробнее этот эпизод будет описан на языковом уровне. Вообще, неизменной не остается ни одна сцена, в каждой находится что-то, что должно быть показано с другой точки зрения, которая принадлежит автору, следующему за персонажем, но не перевоплощающемуся в него (характеристика автора в пространстве по Б. А. Успенскому). Об этом свидетельствуют многократно используемые в ремарках неопределенные местоимения и наречия (кто-то, как-то, куда-то) и формулировки с таким же значением (как будто, кажется). Синхронная авторская позиция во времени (по Успенскому) позволяет создать условия для театральности действия; при этом в романе Толстого фокализация автора очень часто меняется от внутренней к нулевой (по Женетту), что сильно затруднило бы понимание пьесы. Все эти изменения создают особое восприятие художественного мира нового произведения, акцентируя внимание на новом главном герое, объясняя отсутствие многих ключевых эпизодов романа.

Уровень композиции. На уровне композиции происходит трансформация сюжета — порядка расположения эпизодов, описанных фабулой. У Б. В. Томашевского читаем: «Фабулой

называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении... Фабуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» [7]. Композиция же осуществляет единство и целостность художественных творений. Это, утверждает П. В. Палиевский, «дисциплинирующая сила и организатор произведения. Ей поручено следить за тем, чтобы ничто не вырывалось в сторону, в собственный закон, а именно сопрягалось в целое <...> Ее цель — расположить все куски так, чтобы они замыкались в полное выражение идеи» [6. С. 235]. То есть изменения в композиции также обусловлены идеей пьесы: при оформлении сюжета Сигарев ориентируется не столько на роман, сколько на задачу погрузить зрителя в историю мужа Анны, показать искренность и глубину переживаний Алексея, изменить убеждение зрителя к герою, «канцелярской машине», которое остается после прочтения романа. В пьесе очевидно прослеживается идея отстранения В. Б. Шкловского, которая заключается в выводе читателя из «автоматизма восприятия» [10]. Смена фокализации и следующее за этим изменение фабулы и сюжета направлены на достижение именно этого эффекта. Так как из фабулы убрана линия Левина и практически отсутствует линия Облонского, мы ожидаем увидеть первый эпизод с Карениным на вокзале Петербурга, однако пьеса открывается сценой рождения Сережи, в которой Каренин показан не «министерской машиной» — так называет своего мужа Анна — а беззащитным, растерянным человеком. Это существенное отличие от романа, в котором сцена на вокзале отталкивает зрителя от этого героя, — интереснейшая находка Сигарева. Первое впечатление всегда важнее любых других аргументов (сцен), поэтому изменение сильной позиции текста для этого героя, нарушение ожиданий зрителя в первую очередь увидеть знаменитую сцену встречи — всё это работает на руку автору, пьеса которого призвана сломить устоявшийся взгляд на события в «несчастливой семье». Первая сцена пьесы также является ключом к пониманию трагедии семьи Карениных: Алексей сильно и искренне любит свою жену, он испуган до ужаса ее состоянием и не только не думает о ребенке, но и «смотрит на него почти с отвращением», очевидно, не осознавая этого чувства. Такое отношение к Сереже сохранится и в следующих сценах. Примечательно, что образ Алексея начинает рас-

крываться не с помощью речи, а с помощью положения актера на сцене. Идея отстраненности, отчужденности Алексея от его собственной семьи становится очевидна уже в первые минуты (в тексте это выражают ремарки). Во-первых, он чувствует себя некомфортно: «сидит на краешке стула». Во-вторых, гнетущее давление собственного дома выражено в действиях героя: «К. прячется за штору, затыкает уши», «К. заворачивается в штору», его вынимают из «кокона», «К. закрывает глаза руками»¹. Он буквально ограничен в органах чувств, которыми может быть связан со своей семьей — а ведь конфликт еще, кажется, не начат — то есть проблема кроется не только в измене Анны, но и в личности Каренина. На самом деле, завязка конфликта, как и в романе, происходит только в следующей сцене, а в тексте Толстого подготавливается подробным рассказом о других линиях романа — семье Облонского, сватовстве Вронского — и в каждой из этих линий присутствует параллель с судьбой семьи Карениных (измена Степана Аркадьича, соперничество Левина с Вронским). У Сигарева же нет задачи сравнить эти семьи, у него вообще семья — не главное. Алексей рассматривается отдельно ото всех, наедине с теми переживаниями, которые он так и не вынесет на глаза общества. Впоследствии станет понятно, что именно поэтому чужим Каренин себя чувствует не только дома, но и в самом обществе. Это одинокий, несчастный, не понятый и не понявший себя человек, который всю жизнь старался поддерживать впечатление, одобряемое окружающими.

Уровень словесного оформления текста. Трансформируя роман в форму другого рода литературы, Сигарев оставляет воспоминания о прототипе в действиях (главах) пьесы. Так, в главе 8, сразу после отъезда жены с сыном из дома, действие на сцене представляет собой чтение настоящего отрывка из романа. По сути, Сигарев демонстрирует процесс трансформации текста прямо на сцене: глава XV части 7, которую читает Алексей, описывает сцену родов Кити, и всё внимание в этом отрывке уделено восприятию этого события Левиным. Уже в самом начале отрывка мы видим неслучайные параллели с прологом пьесы (сцена рождения Сережи). Так же слово «кончается» из уст доктора звучит предвещанием смерти, так же роженица просит унести

¹ Здесь и далее пьеса В. Сигарева «Алексей Каренин» цит. по: Сигарев В. Алексей Каренин. URL: <https://www.topos.ru/article/7596> (дата обращения 27.06.2022).

сережки, которые ей мешают. Левин так же, как и Каренин в пьесе, уже ненавидит этого ребенка и с рыданиями припадает к руке жены. Сигарев идет дальше простого заимствования сцены и в середине отрывка резко меняет имена «Кити» на «Анна», «Левин» — на «Алексей Александрович». Каренин не осознает себя героем этого романа, он лишь читает жизнь другого, более счастливого семьянина, положившего всю свою жизнь на познание себя и других, во главу угла поставившего счастье своей семьи. Сцена предполагает сопоставление читающего с героем отрывка — Левиным. И различие между ними очевидно во фразе, которая в жизни Левина означала рождение новой жизни: «голос Лизаветы Петровны, шлепавшей дрожащею рукою спину ребенка». Для Каренина же эти слова становятся напоминанием о собственном поступке, который он никак не может себе простить, — он сорвал злость на Сереже, ущипнув его. Повтор этой фразы акцентирует внимание на разрыве между желанием и действительностью для Алексея, на невозможности уже начать жить жизнью праведника Левина, как бы ему это ни хотелось. Эта сцена приводит в жизнь формулу, высказанную Толстым в начале романа — «всё смешалось». С той же целью Сигарев добавляет сцену сна Каренина, в котором он видит на балу Анну и Вронского. Речевое оформление этой сцены является логическим продолжением проводимого всем действием пьесы ощущения «отгороженности», «отчужденности» Алексея от внешнего мира, но в первую очередь от собственной семьи. Сцена начинается с ремарки, в которой противопоставляется состояние общества «все молоды, свежи и прелестны» и состояния самого Каренина «тяжело встает». В ремарке три раза используется слово «близко», но и это слово противопоставляет Каренина и его жену. Лица Анны и Вронского «близко-близко друг от друга», так, как Каренин их разглядел в окне, а он сам «подходит совсем близко», будто близоруко, с трудом может разглядеть их даже с такого расстояния. Диалог строится с помощью несцепленных реплик настолько сюрреалистичным образом, что мы видим, как сон становится кошмаром, навеванным вчерашним разговором с женой. Сигарев даже использует мысль Анны о «выдающихся ушах мужа», которая так и остается невысказанной в романе, но зато преследует Алексея в его снах в пьесе, как будто он догадывается о том, как смотрит на него Анна.

Вообще нелепость состояния и поведения Каренина возрастает от сцены к сцене так, что что-

бы выстроить ожидание зрителя, предсказать его реакцию — сочувствие, которым насыщен образ нарратора. Вся пьеса построена на ощущении неловкости, нелепости, неуместности и ненужности главного героя. В пьесе мы видим не того значительного «государственного мужа», роль которого играет Каренин в обществе, а человека, которого действительно видят в нем окружающие: «Если бы мужья наши не говорили, мы бы видели то, что есть, а Алексей Александрович, по-моему, просто глуп», «Сережа смотрит на Каренина так, словно тот редкостный чудак», «Анна смотрит на него как на дурака». Чем ближе к концу пьесы, тем меньше окружающие заботятся о том, чтобы сохранять внешние приличия при общении с Карениным. Например, его адвокат находит забавным историю обманутого мужа и насмехается над ним («Прелестно. Ровно Тристан и Изольда»), Лидия Ивановна свободно помыкает им и заставляет пройти позорный прием у доктора («Не Самсон! Далеко не Самсон», «Так довольна ли вами жена?», «Вот, допустим, возьмем рога у оленя или быка...»). Все эти язвительные комментарии раз за разом акцентируют внимание героя на двух проблемах-мотивах, обеспечивающих конфликт пьесы: неверности жены и своей старости, причем в своем возрасте он видит причину семейного несчастья. От сцены к сцене он возвращается к этой мысли, поначалу отрицает ее (глава 6 «Я не старый», «Я не так хожу, Сережа...»), борется и сожалеет («Я, Сережа, только в том виноват, что стар и далеко не Самсон»), потом уверяется в ней (глава 22 «Я ж старый совсем, не вижу ничего», «Совершенно не вижу. Совершенно старый»). Спиралевидное возвращение к назойливой мысли на языковом уровне выражается еще и в регулярных лексических повторях, ими буквально пропитана вся пьеса: «Доктор: Кончается. / Каренин: Кончается... Кончается...», «Доктор: Кончено уже. / Каренин: «Кончено... Кончено...») Удвоение слов происходит так часто, что звуковое впечатление, которое возникает при звучании слов со сцены в комплексе с приемами на остальных уровнях, создает раздвоение художественного мира на реальный — мир светского общества, тот, в котором живут Анна и остальные герои, — и тот, в котором находится только Алексей. В романе сказано, что Каренин прожил «искусственную жизнь» [7] и при столкновении с реальностью отстранялся от нее. У Сигарева герой в этот момент становится еще и крайне беззащитным. Все вокруг кричит ему о его несчастьи: и Лидия

Ивановна, и проговорившийся Сережа, и даже отрывок из разговора прохожих дам на улице. Толстой отражает это в конкретных образах преграды: «К. боролся с воображаемою им какою-то стеной», «Он говорил и смотрел на ее смеющиеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью глаза», «Он видел, что глубина ее души <...> была закрыта от него», «он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, возвратившийся домой и находящий дом свой запертым» [курсив наш. — М. Л., Е. С.].

В большинстве эпизодов образ преграды выражается и в речи: либо Алексей, либо Анна не могут докричаться друг до друга через стену, воздвигнутую особенностями характера, обстоятельствами жизни. В таблице приведем часть примеров речевого оформления этой идеи.

Нарушение коммуникации не только между супругами, но и между Алексеем и другими героями создает вокруг главного героя впечатлительную непроницаемую стену, которую долгое время воздвигали он сам и общество вокруг него.

Выводы

Рассмотрев процесс трансфера на четырех уровнях, мы пришли к выводу о системной работе драматурга: изменения на одном уровне непременно влекут за собой изменения на остальных уровнях, в результате чего появляется целостный, законченный текст, подробно раскрывающий одну проблему текста-источника. Стоит отметить, что идейный комплекс пьесы хотя и опирается на идеи, заложенные Толстым, однако обретает новый оригинальный смысл, чего невозможно избежать в условиях появления нового автора. В. Сигарев дает возможность современникам, безусловно, знакомым с романом, изменить фокализацию и взглянуть на проблему адюльтера с точки зрения Алексея Каренина. Тем самым он предлагает свежий взгляд на историю, которая повторяется из века в век, встает на сторону защиты этого униженного человека и просит зрителя проявить чуть больше сочувствия к одинокой страдающей душе.

Глава 1	
КАРЕНИН. Что ж удачной службы. (Анне.) Много ли слез было пролито в Москве при разлуке? АННА. Как Сережа? КАРЕНИН (почти язвительно). Я вижу, что поездка твоя удалась. <...> АННА. Может, он бросился... КАРЕНИН (еще сильнее затыкает уши). Анна! АННА. Или пьян был... А я танцевала... КАРЕНИН. Анна! АННА. Я танцевала с графом... КАРЕНИН. Анна, я не могу это слушать! Пожалуйста!	Тему диалога между супругами прерывает появление Вронского. После этого события вопросы и ответы Анны и Алексея перестают быть логически связаны. В некоторых репликах связь остается только за счет бессмысленного повтора прозвучавшего слова. В этот момент полного коммуникативного разрыва Анна признается в своих чувствах к Вронскому, но Каренин «затыкает уши», он не слышит, не хочет слышать. У Сигарева эффект напряжения усиливается развивающимся мотивом смерти, который был задан уже в прологе с помощью повторов слов из семантического поля слова «смерть».
Глава 2	
ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу указать вам на неприличное сближение вашей жены и графа... Вронского... <...> КАРЕНИН. Чаю, Лидия Ивановна?	В этом эпизоде напряжение обманчиво разряжается почти комичной сценой нарушения тематической целостности серьезного диалога между героями. Как только тема супружеской неверности, понятная коммуникантам, обретает словесное оформление, Каренин прерывает разговор, переводя его в другое русло.

Список источников

1. Барбой Ю. М. Эпическое и драматическое в советской драматургии середины двадцатых — начала тридцатых годов : дис. ... канд. иск.: 17.00.01. Л.: ЛГИТМИК, 1975. 199 с.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. URL: http://philologos.narod.ru/texts/barthes_recits.htm (дата обращения 10.06.2022).
3. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/belinskyl.htm> (дата обращения 08.05.2022).
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2005-04-039-esaulov-i-a-pashalnost-russkoy-slovesnosti-m-krug-2004-560-s> (дата обращения 01.05.2022).

5. Лотман Ю. М. Семиотика сцены // Театр. 1980. № 1. С. 89–99.
6. Палиевский П. В. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Т. 3. М. : ИМЛИ, 1965. 425 с.
7. Томашевский Б. В. Теория литературы. URL: <http://philologos.narod.ru/tomash/tema.htm>(дата обращения 04.05.2022).
8. Успенский Б. А. Поэтика композиции. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm>(дата обращения 21.06.2022).
9. Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 1999. 398 с.
10. Шкловский В. Б. Искусство как приём. URL: https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf (дата обращения 04.05.2022).
11. Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. London : Routledge, 1980. 248 p.
12. Genette G. Narrative discourse: An Essay in Method. Ithaka, New York : Cornell University Press, 1972. URL: https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourse-AnEssayInMethod_djvu.txt (дата обращения 12.03.2022).
13. Issacharoff M. Le spectacle du discours. Paris : José Corti, 1985. 175 p.

References

1. Barbov YuM. Epicheskoe i dramatischeskoe v sovetskoj dramaturgii serediny dvadtsatuh — nachala tridtsatuh godov = Epic and dramatic in Soviet drama in the mid-twenties — early thirties. Leningrad, LGITMIK; 1975. 199 p. (In Russ.).
2. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to the structural analysis of narrative texts. Available from: http://philologos.narod.ru/texts/barthes_recits.htm (accessed 10.06.2022) (In Russ.).
3. Belinskij VG. Razdelenie poezii na rody i vidy = The division of poetry into genera and types. Available from: <http://philologos.narod.ru/classics/belinsky1.htm> (accessed 08.05.2022). (In Russ.).
4. Esaulov IA. Paskhal'nost' russkoj slovesnosti = Paschality of Russian Literature. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/2005-04-039-esaulov-i-a-pashalnost-russkoy-slovesnosti-m-krug-2004-560-s> (accessed 01.05.2022). (In Russ.).
5. Lotman YuM. Semiotika stseny = Semiotics of the scene. *Teatr*. 1980;(1):89-99 (In Russ.).
6. Palievskij PV. Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii = Theory of Literature. Major problems in historical coverage. Moscow, IMLI; 1965. 425 p. (In Russ.).
7. Tomashevskij BV. Teoriya literatury = Literary theory. Available from: <http://philologos.narod.ru/tomash/tema.htm>(accessed 04.05.2022). (In Russ.).
8. Uspenskij BA. Poetika kompozicii = Poetics of composition. Available from: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm> (accessed 21.06.2022). (In Russ.).
9. Halizev VE. Teoriya literatury = Literary theory. Moscow, Vysshaya shkola; 1999. 398 p. (In Russ.).
10. Shklovskij VB. Iskusstvo kak priem = Art as a technique. Available at: https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf (accessed 04.05.2022). (In Russ.).
11. Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. London, Routledge; 1980. 248 p.
12. Genette G. Narrative discourse: An Essay in Method. Ithaka, New York, Cornell University Press; 1972. Available at: https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourse-AnEssayInMethod_djvu.txt (accessed 12.03.2022).
13. Issacharoff M. Le spectacle du discours. Paris, José Corti; 1985. 175 p.

Информация об авторах

М. С. Лантух — магистрант направления подготовки «Прикладная филология».

Е. А. Селютина — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Information about the authors

M. S. Lantukh — Master's student of Applied Philology.

E. A. Selyutina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 18.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 18.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 81'276.6

КОГНИТИВНО-КВАНТИТАТИВНЫЙ МЕТОД ОТБОРА ТЕРМИНОВ ДЛЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на примере терминологии логистики)

Эльвира Анатольевна Сорокина, Ксения Юрьевна Хмельницкая

Московский государственный областной университет, Москва, Россия, anfil@mgou.ru

Аннотация. Целью статьи является разработка и апробация когнитивно-квантитативного метода отбора терминов для лингвокогнитивных исследований отраслевой терминологии. Для отбора терминов используются метод сплошной выборки из отраслевых материалов, метод корпусного анализа с помощью интернет-платформы Sketch Engine. Для сопоставления лексем применяется метод случайной выборки и функции программы MS Excel. В результате исследования доказана обоснованность применения когнитивно-квантитативного метода отбора терминов для лингвокогнитивных исследований отраслевой терминологии. Результаты работы могут быть применены в исследовании терминологий любых областей знаний.

Ключевые слова: термин, лингвокогнитивный анализ, корпус, когнитивно-квантитативный метод, логистика

Для цитирования: Сорокина Э. А., Хмельницкая К. Ю. Когнитивно-квантитативный метод отбора терминов для лингвокогнитивного анализа отраслевой терминологии (на примере терминологии логистики) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 117–125.

Original article

COGNITIVE-QUANTITATIVE METHOD OF TERMS COLLECTION CONDUCTED FOR LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF THE SPECIAL FIELD TERMINOLOGY (on the basis of logistics terminology)

Elvira A. Sorokina, Ksenia Yu. Khmel'nitskaya

Moscow Region State University, Moscow, Russia, anfil@mgou.ru

Abstract. The research was conducted in order to design, test and endorse the cognitive-quantitative method of terms collection conducted for linguocognitive analysis of the special field terminology. Continuous sampling method and corpora analysis were used for terms collection. The random sampling method was used for comparison of collected terms. The cognitive-quantitative method of terms collection was proved successfully. The results could be applied in research of any special field terminology.

Keywords: term, linguocognitive analysis, corpora, cognitive-quantitative method, logistics

For citation: Sorokina EA, Khmel'nitskaya KYu. Cognitive-quantitative method of terms collection conducted for linguocognitive analysis of the special field terminology (on the basis of logistics terminology). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472)):117-125. (In Russ.).

Введение

Согласно мнению ряда ведущих лингвистов, в начале XXI в. в рамках научных работ в области лингвистики терминоведческие исследования выходят на первый план [3; 19]. Терминоведение как

наука находится в процессе работы над оптимизацией методик сбора, классификации и лингвокогнитивного анализа терминологических единиц.

В соответствии с описанной в специальной литературе методикой анализа терминов первым шагом исследования специальной терминологии является сбор терминов [2; 19]. Было выявлено

несколько подходов к отбору терминов для исследований. Э. А. Сорокина и С. В. Гринев-Гриневич, анализируя английскую лексикологическую терминологию, отмечают, что в ряде терминоведческих работ [1; 4; 5] анализ тематических словарей и энциклопедий характеризуется как наиболее легкий способ отбора терминов, однако добавляют, что, согласно их мнению, наиболее эффективным способом отбора терминоведческого материала является анализ учебной литературы, где явно прослеживаются семантические отношения терминов [7. С. 76]. В свою очередь Е. В. Работалова, презентуя возможности использования корпусных технологий в лексикографической работе [6. С. 9], ссылается на мнение немецкого лингвиста Г. Фаас, которая утверждает, что словари для специальных целей должны составляться на основе специализированных корпусов текстов [9].

Описанные тенденции позволяют разработать на их основе синтезированный подход — когнитивно-квантитативный метод отбора терминов.

1. Когнитивно-квантитативный метод отбора терминов

Рассуждая об отборе терминов для словарей, С. Нильсен отмечает, что при подборе лексикографы должны опираться на принцип создания наибольшей информативности для будущего пользователя, так как словари созданы для того, чтобы люди находили в них недостающие данные [10. С. 132]. Этот принцип логично применить и к созданию словарей для терминологических исследований. Необходимо выработать подход, который позволил бы формировать наиболее информативные исходные списки терминов для словарей.

По итогам рассмотрения существующих подходов в данной статье предлагается учитывать следующие факторы:

- 1) когнитивную карту исследуемой отрасли;
- 2) результаты корпусного анализа.

Первый критерий подразумевает включение в перечень исследования всех терминов, предполагаемых слотами, установленными при лингвокогнитивном анализе в качестве компонентов субординатного уровня с учетом как когнитивных, так и гиперо-гипонимических семантических связей. Выдвигается гипотеза, что данный подход позволит избежать выпадения терминов, представляющих важную когнитивную часть исследуемой области, однако могут не попасть в список терминов те, которые будут отобраны

с помощью автоматизированного анализа корпусов.

Второй критерий позволяет рассмотреть терминологическое наполнение с точки зрения формальных лингвистических методов. В данном исследовании используется интернет-платформа Sketch Engine.

2. Применение когнитивно-квантитативного метода при отборе терминов для лингвокогнитивного анализа терминологии логистики

2.1. Когнитивный этап

Рассмотрим возможность применения когнитивно-квантитативного метода отбора терминов на примере лингвокогнитивного анализа логистической терминологии.

В соответствии с представленными выше критериями отбора терминов на первом (когнитивном) этапе исследования на основе диахронического и синхронического анализа термина «логистика», включавшего материалы учебной логистической литературы, лексикографических источников и других отраслевых изданий была составлена когнитивная карта фрейма «логистика» как базового термина логистической области знаний [8. С. 11]. Впоследствии для более детальной подборки слотов и лучшего структурирования субординатного уровня была составлена концептуальная модель фрейма «логистика» (рис. 1), а также концептуальные схемы ряда слотов. В качестве примера в данной статье представлена концептуальная схема слота «транспортировка» (рис. 2).

Далее в соответствии с когнитивно-квантитативным подходом к отбору терминов предлагается формировать перечень на основе качественных характеристик (семантического соответствия лексем слоту) и на основе корпусного анализа.

Внедрение когнитивной части обосновано предположением, что любой лингвокогнитивный анализ и любой отраслевой словарь должен содержать термины, которые по смыслу относятся к выделенным слотам вне зависимости от частотности их употребления. Данная часть предполагает изучение учебной литературы и материалов логистических компаний (сайтов, каталогов) и отбор терминов методом сплошной выборки.

Например, слот «*транспорт*» автоматически предполагает включение в анализ названий типов транспортировки «*road transport, railway transport, air transport, inland water transport, ocean waterways, pipeline transport, spaceflight*».

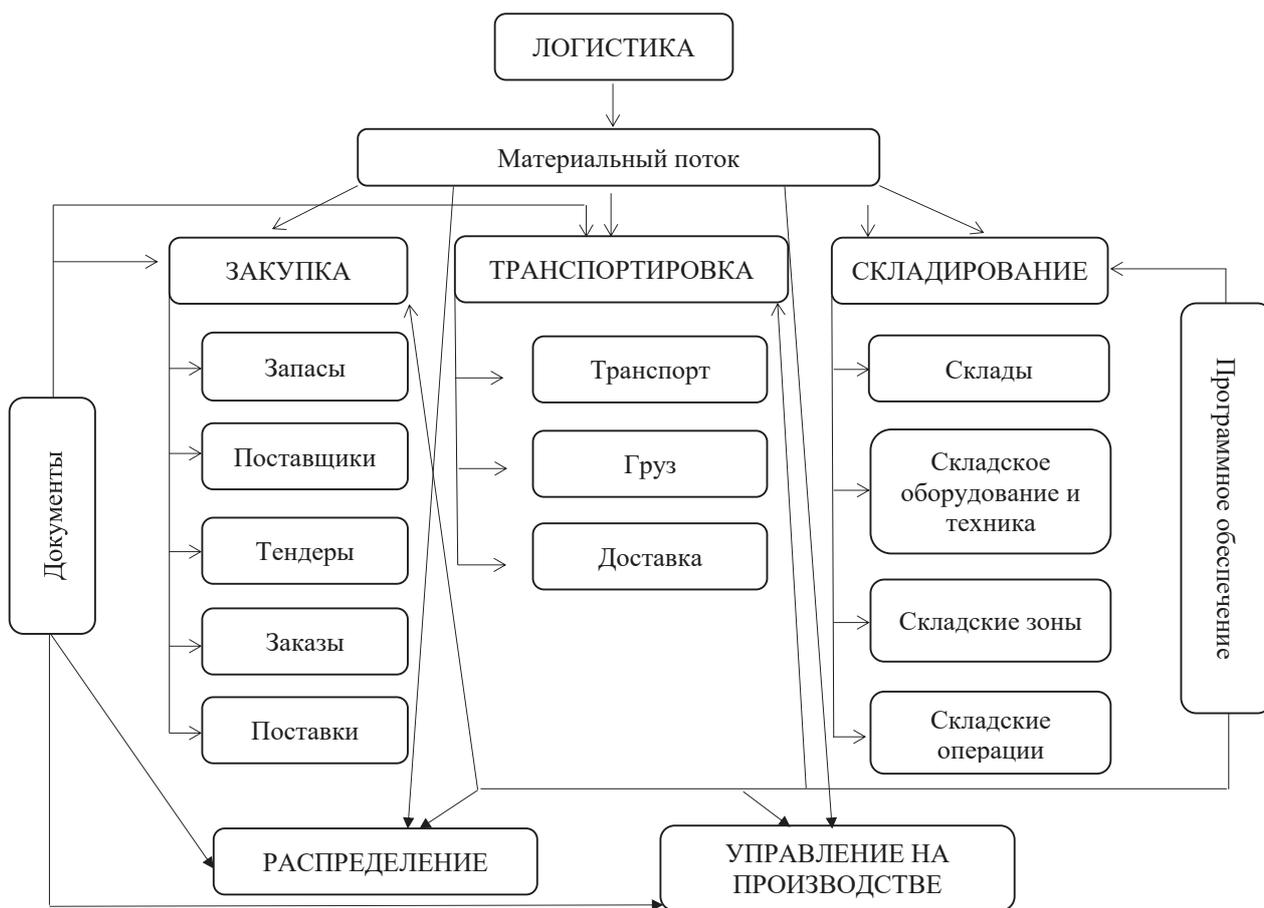

Рис. 1. Концептуальная модель фрейма «логистика»
 Fig. 1. Conceptual model of frame “logistics”

Рис. 2. Концептуальное наполнение слова «транспортировка»
 Fig. 2. Conceptual content of slot “transportation”

Слот «склад» предполагает включение таких лексем, как «warehouse», «inventory», «storage», названий складских операций «physical handling, picking, packing, and dispatching», названий складского оборудования с учетом гиперо-гипонимических связей:

warehouse lifting equipment: overhead lifting products, forklift, hand trucks, service carts, pallet jacks, cranes, bins and containers, dollies and casters, carts and wagons.

По аналогичному алгоритму должны быть заполнены все слоты. После завершения формирования лексического наполнения слотов первый этап отбора терминов может считаться законченным.

2.2. Квантитативный этап

На втором (квантитативном) этапе необходимо провести пополнение отобранного перечня терминами, полученными в результате корпусного анализа. В рамках подготовки статьи была использована платформа Sketch Engine, которая содержит большое количество готовых корпусов и предоставляет возможность создания новых. Для их формирования предусмотрено две опции: автоматический поиск текстов по опорным словам, заданным исследователем, либо загрузка заранее подготовленных файлов в систему.

В текущем материале рассмотрен способ автоматического поиска текстов по опорным словам.

2.2.1. Корпус на основе текстов из сети Интернет

В рамках опции создания корпусов на основе текстов из сети Интернет Sketch Engine предлагает три варианта работы: свободный поиск текстов в соответствии с заданными опорными лексемами («Web search»), которых должно быть не менее трех, или лимитированный поиск по заданным адресам также в соответствии с заданными лексемами («URLs, Website»). С целью апробации наиболее всеобъемлющего с точки зрения охвата анализируемых инструментом текстов варианта было решено задать свободный поиск. Как указано в обучающих материалах на сайте платформы, Sketch Engine отправляет поисковый запрос на подбор содержащих комбинации из трех опорных лексем в поисковую систему Bing. Система Bing подбирает страницы и отправляет их обратно в систему Sketch Engine, которая формирует на их основе корпус.

После завершения формирования корпуса исследователю предоставляется возможность извлечь термины с опорой на референтный (уже со-

державшийся в Sketch Engine) корпус с указанием частотности употребления с помощью функции Term Extraction.

В соответствии с сущностью когнитивно-квантитативного метода и языка, терминология логистической области знаний которого подвергаются анализу в качестве опорных лексем, были указаны компоненты базового и субординатного уровней когнитивной карты фрейма «логистика» на английском языке: «logistics», «delivery», «warehouse», «procurement», «transportation», «supply chain», «material flow». Sketch Engine отобрал страницы, содержащие любые три из указанных лексем и на их основе был сформирован корпус, содержащий 1 020 237 единиц. По завершении формирования с помощью функции автоматического извлечения терминов (Terms Extraction) были сформированы списки из 1 тысячи однокомпонентных терминов (Keywords) и 1 тысячи многокомпонентных (двух-/трех-) терминов (Terms). В процессе извлечения в качестве референтного корпуса был использован стандартный корпус Sketch Engine English Web 2020 (enTenTen20). Sketch Engine позволяет извлечь как более, так и менее 1 тысячи единиц, тем не менее 1 тысяча является стандартным изначально предлагаемым количеством. Для проводимого исследования общий список извлекаемых однокомпонентных и многокомпонентных терминов в количестве 2 тысяч единиц был принят в качестве оптимального.

2.2.2. Анализ терминов, выделенных из корпуса, составленного на основе текстов из сети Интернет

Списки терминов были скачаны с сайта Sketch Engine в формате Excel и подвергнуты анализу с целью формирования конечного набора лексем для лингвокогнитивного терминологического анализа.

Анализ включал несколько аспектов:

- установление наиболее частотных терминов;
- проверку терминологических списков на наличие ошибочно отобранных единиц;
- сличение списков, отобранных когнитивным и квантитативным способами, с целью исключения дублирования терминов и проверки гипотезы о том, что когнитивная часть отбора терминов необходима для исключения отсутствия в лингвокогнитивном анализе терминов, которые являются неотъемлемой когнитивной частью исследуемой области, но могут быть упущены вследствие отсутствия их в результатах квантитативного автоматизированного анализа корпусов;

– удаление ошибочно отобранных единиц и дублированных лексем;

– дополнение списка, отобранного количественным автоматизированным методом, терминами, отобранными на когнитивном этапе в случае их отсутствия в результатах автоматизированного корпусного анализа с целью формирования итогового списка терминов.

В связи с тем, что скачанные их Sketch Engine Excel-файлы содержат колонки с указанием частотности употребления терминологических единиц как в собранном (фокусном) корпусе, так и в референтном корпусе, выявить наиболее часто употребляемые возможно с помощью функции «Сортировка» программы Excel.

Первый вывод после проведения сортировки: рейтинг частотности употребления лексем в собранном корпусе не совпадает с рейтингом частотности в референтном корпусе (табл. 1–3).

Таблица 1

Table 1

Наиболее частотные лексемы в собранном корпусе (первые 20 позиций)
The most frequently used keywords of the focus corpus (top-20 items)

№	Единица	Частота	
		Собранный корпус	Референтный корпус
1	supply	8 288	6 789 582
2	chain	7 374	2 696 683
3	management	5 301	11 299 255
4	warehouse	4 859	710 861
5	cost	4 578	12 646 622
6	process	4 327	17 629 935
7	product	4 048	15 405 501
8	material	3 845	10 151 537
9	procurement	3 838	491 837
10	order	3 805	18 660 714
11	delivery	3 325	3 130 980
12	supplier	3 234	1 438 062
13	transportation	3 171	2 159 610
14	customer	3 120	9 284 534
15	logistic	2 633	438 673
16	inventory	2 377	1 060 259
17	contract	2 259	5 152 921
18	logistics	2 231	179 238
19	transport	1 914	3 130 547
20	flow	1 896	4 648 373

Исходя из результатов, полученных в представленных выше таблицах, совпадения наиболее частотных лексем в собранном и референтном корпусе составляют только 50 %. Исходя из того, что референтный корпус содержит значительно больше данных: 1 020 237 единиц в собранном корпусе и 38 149 437 411 единиц в референтном корпусе, — обнаруженное несовпадение должно быть скорректировано за счет создания итогового списка терминов, содержащего как наиболее частотные позиции собранного корпуса, так и наиболее частотные позиции референтного корпуса, отобранных по принципу первое N -количество позиций без учета совпадающих с первыми позициями собранного корпуса.

Аналогичное наблюдение было сделано и по результатам анализа показателей частотности многокомпонентных терминов. Соответственно

Таблица 2

Table 2

Наиболее частотные однокомпонентные термины в референтном корпусе (первые 20 позиций)
The most frequently used keywords of the reference corpus (top-20 items)

№	Единица	Частота	
		Собранный корпус	Референтный корпус
1	order	3 805	18 660 714
2	process	4 327	17 629 935
3	product	4 048	15 405 501
4	cost	4 578	12 646 622
5	management	5 301	11 299 255
6	material	3 845	10 151 537
7	customer	3 120	9 284 534
8	production	1 570	7 512 412
9	operation	1 300	7 396 066
10	supply	8 288	6 789 582
11	item	1 577	6 657 681
12	requirement	1 411	6 059 862
13	strategy	1 200	5 957 797
14	demand	1 321	5 923 399
15	deliver	979	5 904 557
16	shall	905	5 630 364
17	contract	2 259	5 152 921
18	ship	830	5 126 907
19	flow	1 896	4 648 373
20	stock	1 149	4 337 677

Таблица 3
Table 3Сравнительная таблица наиболее частотных однокомпонентных терминов из собранного и референтного корпусов (первые 20 позиций)
Comparative table of the most frequently used keywords of the focus and the reference corpora (top-20 items)

№	Наиболее частотные лексемы	
	Собранный корпус	Референтный корпус
1	supply	order*
2	chain	process*
3	management	product*
4	warehouse	cost*
5	cost	management*
6	process	material*
7	product	customer*
8	material	production
9	procurement	operation
10	order	supply*
11	delivery	item
12	supplier	requirement
13	transportation	strategy
14	customer	demand
15	logistic	deliver
16	inventory	shall
17	contract	contract*
18	logistics	ship
19	transport	flow*
20	flow	stock

* Совпадающие лексемы.

их итоговый перечень должен быть составлен по тому же принципу.

На втором этапе анализа была проведена проверка на наличие ошибочно отобранных про-

граммой единиц. По результатам изучения списка многокомпонентных терминов абсолютно инородных исследуемой тематике сочетаний обнаружено не было, однако в ходе анализа однокомпонентных лексем были выявлены единицы, нуждающиеся в дополнительном рассмотрении, например: «*kalaskar*», «*prashant*», «*mondelēz*», «*gdot*», «*vda*».

Sketch Engine содержит функцию просмотра конкордансов отобранных лексем, благодаря которой было выяснено следующее:

- «*kalaskar*» / «*prashant*» — имя автора логистических учебных материалов «*Prashant B. Kalaskar*». Его попадание в список единиц из отобранного корпуса (рис. 3) влечет за собой еще более ошибочную подборку в референтном корпусе, где имя собственное «*Sharad Kalaskar*» не имеет отношения к логистической области знаний (рис. 4);
- «*mondelēz*» — одна из лексем, составляющая название компании «*Mondelēz International*» (рис. 5).
- «*gdot*» — название Департамента транспорта Джорджии (рис. 6);
- «*vda*» — название Германской ассоциации автомобильной промышленности (*Verband der Automobilindustrie*) (рис. 7).

Соответственно, *второй вывод*: список однокомпонентных терминов должен быть полностью проанализирован на наличие подобных лексем с целью их удаления из итогового списка.

На третьем этапе с помощью функции ВПР (VLOOKUP) в программе MS Excel была проведена проверка наличия 10 однокомпонентных лексем и 10 двухкомпонентных лексем, отобранных на когнитивном этапе, в списках, полученных на количественном этапе. Из однокомпонентных лексем в списке присутствовало 7/10. Из двухкомпонентных не было ни одной (табл. 4, 5).

Данный результат подтверждает вероятность потери ключевых для когнитивного отображения

. </s><s> Q. Pricing interacts with a supply chain in many ways. </s><s> For instance, transportation rate structures are adjusted by the carrier based on a) Cost To Unload b) The Size Of The Shipment c) Local Currency Rates d) The Logistics Costs Concept Prashant B. **Kalaskar** </s> <s> 206. </s><s> Q. The total logistics cost includes expenses associated with transportation,

Рис. 3. Лексемы «*kalaskar*», «*prashant*» в собранном корпусе
Fig. 3. Items “*kalaskar*”, “*prashant*” in the focus corpus

told one of the alleged killers to destroy any incriminating materials, including weapons, in June 2018. </s><s> In its second supplementary charge sheet in the Narendra Dabholkar murder case, the Central Bureau of Investigation (CBI) alleged that advocate Sanjiv Punalekar accepted that he told Sharad **Kalaskar**, one of the alleged killers, in June 2018 that he should get rid of or destroy any incriminating materials, including weapons. </s><s> The CBI submitted the charge sheet in a Pune court on

Рис. 4. Лексемы «*kalaskar*», «*prashant*» в референтном корпусе
Pic. 4. Items “*kalaskar*”, “*prashant*” in the reference corpus

Returns, Transport incidents and Quarantine 4. Quality Management System 4.1. Establish, document, implement and maintain a quality management system as a means of assuring that **Mondelēz** International products or materials are handled, stored and transported in conformance with specified requirements (agreed in the contract), and continually improve its effectiveness in accordance with the requirements given in this document. This includes compliance with these

Рис. 5. Лексема «mondelēz» в обоих корпусах
Fig. 5. Item “mondelēz” in both corpora

The Georgia Department of Transportation (**GDOT**) builds, maintains and improves the more than 120,000 miles of roads in the state, and it works in concert with other state agencies and the private sector to provide planning and financial support for rail, transit, general aviation and bicycle and pedestrian programs. The

Рис. 6. Лексема «gdot» в обоих корпусах
Fig. 6. Item “gdot” in both corpora

(CCFA), the German Association of the Automotive Industry (**VDA**), and the Society of Motor Manufacturers and Traders (SMMT), joined forces to stress the impact a 'no deal' Brexit would have on one of Europe's most valuable economic assets.

Рис. 7. Лексема «vda» в обоих корпусах
Fig. 7. Item “vda” in both corpora

Таблица 4
Table 4

Сравнительная таблица однокомпонентных терминов, отобранных когнитивным и количественным способами
Comparative table of keywords collected by cognitive and quantitative methods

№	Однокомпонентные термины	
	Отобранные на когнитивном этапе	Отобранные на количественном этапе
1	bin	bin
2	container	container
3	truck	truck
4	invoice	invoice
5	pallette	#Н/Д
6	mezzanine	#Н/Д
7	ship	ship
8	vehicle	#Н/Д
9	supplier	supplier
10	contract	contract

Таблица 5
Table 5

Сравнительная таблица двухкомпонентных терминов, отобранных когнитивным и количественным способом
Comparative table of terms collected by cognitive and quantitative methods

№	Двухкомпонентные термины	
	Отобранные на когнитивном этапе	Отобранные на количественном этапе
1	dock plate	#Н/Д
2	barrier rail	#Н/Д
3	belt conveyor	#Н/Д
4	loading list	#Н/Д
5	bulk box	#Н/Д
6	flow racks	#Н/Д
7	pickup truck	#Н/Д
8	road transport	#Н/Д
9	ocean waterways	#Н/Д
10	service carts	#Н/Д

области знаний лексем, что является обоснованием для продуктивности когнитивной части когнитивно-количественного метода отбора терминов.

Выводы и заключение

Формализованные лингвистические методы позволяют сделать лингвистам большой шаг

вперед в области создания словарей и обработки больших массивов информации. Тем не менее наиболее продуктивным по-прежнему остается сочетание машинного интеллекта с человеческим, что доказывают результаты данного исследования.

Список источников

1. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 73 с.
2. Гринев-Гриневи́ч С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
3. Гринев-Гриневи́ч С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28
4. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2006. 256 с.
5. Марчук Ю. Н. Основы терминографии. М. : ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
6. Работалова Е. В. Корпусные технологии в лексикографии (на примере английской терминологии нефтепереработки) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 8–18. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-8-18
7. Сорокина Э. А., Гринев-Гриневи́ч С. В. Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 74–85. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-74-85
8. Хмельницкая К. Ю. Создание когнитивной карты отраслевого гиперфрейма (на примере гиперфрейма «Логистика») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-6-14
9. Faass G. Lexicography and Corpus Linguistics // The Routledge Handbook of Lexicography / ed. P. A. Fuertes-Olivera. Oxon : Routledge, 2017. P. 123–137. (Routledge Handbooks in Linguistics. Vol. 1).
10. Nielsen S. The Relevance of Lexicographic Functions // Сопоставительная филология и полилингвизм : материалы Международной научной конференции (Казань, 29 сентября — 1 октября 2010 г.) / Казанский (приволжский) федеральный университет. Казань, 2010. С. 132–135.

References

1. Gerd AS. Osnovy nauchno-tekhnicheskoi leksikografii = Fundamentals of Scientific and Technical Lexicography. Leningrad, Leningrad State University Publ.; 1986. 73 p. (In Russ.).
2. Grinev-Grinevich SV. Terminovedenie = Terminology. Moscow, Akademiya Publ.; 2008. 304 p. (In Russ.).
3. Grinev-Grinevich SV, Sorokina EA. Perspective Directions of Terminological Research. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika = Bulletin of Moscow Region State University Series: Linguistics*. 2018;(5):18-28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28. (In Russ.).
4. Leichik VM. Terminovedenie: predmet, metody, struktura = Terminology: subject, methods, structure. Moscow, KomKniga Publ.; 2006. 256 p. (In Russ.).
5. Marchuk YuN. Osnovy terminografii = Basics of terminography. Moscow, Moscow State University Publ.; 1992. 76 p. (In Russ.).
6. Rabotalova EV. Corpus technologies in lexicography (with special reference to oil refining terminology). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(5):8-18. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-8-18 (In Russ.).
7. Sorokina EA, Grinev-Griniewicz SV. Describing the formal structure of a term (based on the English terminology of lexicology). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(5):74-85. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-74-85 (In Russ.).
8. Khmel'nitskaya KYu. The creation of domain hyperframe cognitive map on the basis of logistics hyperframe. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2021;(5):6-14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-5-6-14. (In Russ.).
9. Faass G. Lexicography and Corpus Linguistics. The Routledge Handbook of Lexicography ed. by P. A. Fuertes-Olivera. Oxon, Routledge; 2017. Pp. 123–137. (Routledge Handbooks in Linguistics. Vol. 1).
10. Nielsen S. The Relevance of Lexicographic Functions. *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Kazan', 29 sentyabrya — 1 oktyabrya 2010 g.) = Comparative philology and polylinguism: the International scientific conference materials. Kazanskij (privolzhskij) Federal'nyj universitet. Kazan' = Kazan Federal University, 2010. Pp. 132–135.*

Информация об авторах

Э. А. Сорокина — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии.

К. Ю. Хмельницкая — аспирант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации.

Information about the authors

E. A. Sorokina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication.

K. Yu. Khmel'nitskaya — Post-graduate Student of the English Philology Department, Institute of Linguistics and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

ИСТОРИЯ СВЯЗАННОГО КОРНЯ *МЪК

Екатерина Александровна Сухова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, ekaterina_suhova@list.ru, ORCID 0000-0002-5456-3998

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования лексики со связанным корнем *мък. Цель статьи — выявить комплекс причин, которые в своей совокупности привели к возникновению радикаоида. Базой для исследования послужили данные исторических и этимологических словарей, а также данные Национального корпуса русского языка. В результате исследования выявлены факты деэтимологизации, обоснованы причины, повлекшие за собой семантические сдвиги. В ходе эволюции данной группы лексики произошел распад некогда единого этимологического гнезда на несколько словообразовательных гнезд. Не все единицы этих образований сохранили между собой семантическое единство. Однако некоторые гнезда могут быть объединены по принципу общности значения.

Ключевые слова: связанный корень, радикаоид, этимология, этимологическое гнездо, словообразовательное гнездо, деэтимологизация, историческое словообразование

Для цитирования: Сухова Е. А. История связанного корня *мък // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 126–133.

Original article

THE HISTORY OF THE BOUND RADIX *MЪK

Ekaterina A. Suhova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ekaterina_suhova@list.ru, ORCID 0000-0002-5456-3998

Abstract. This article is devoted to the problem of the formation of vocabulary with the bound radix *mъk. The purpose of the article is to identify a set of reasons that together led to the emergence of a radixoid. The basis for the study was the data of historical and etymological dictionaries, as well as the data of the The National Corpus of the Russian language. As a result of the study, the facts of de-etymologization were revealed, the reasons that led to semantic shifts were substantiated. In the course of the evolution of this group of vocabulary, the collapse of the once unified etymological family of word into several word-formation family of word. Not all units of these formations have preserved semantic unity among themselves. However, some family of word can be combined according to the principle of commonality of meaning.

Keywords: bound radix, radixoid, etymology, etymological family of word, word-formation family of word, de-etymologization, historical word formation

For citation: Suhova EA. The history of the bound radix *mъk. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):126-133. (In Russ.).

Введение

Системно-диахроническое описание этимологических гнезд — одно из актуальных направлений современной лингвистики. Современная тенденция языкознания — объединить всё то, что

может быть объединено, в силу этих причин изучение теории связанных корней получило новый виток развития. Воссоздание истории становления исторических корневых гнезд представлено в работах А. В. Ивановой [4], Н. В. Пятаевой [12]. Авторы реконструируют этимологические гнезда, включая в их состав всю лексику с тем

или иным связанным корнем, в том числе слова, подвергшиеся деэтимологизации. Комплексное рассмотрение истории возникновения радикалоидов на примере глагольной лексики реализовано Е. М. Шептухиной [23]. С точки зрения синхронии изучением связанных корней занимается И. Д. Михайлова [6]. Вместе с тем не все связанные корни изучены, а история становления некоторых рассмотрена только на протяжении определенного периода, в связи с этим возникает необходимость включения в уже созданную картину развития лексики со связанным корнем данных новых исследований, которые позволили бы конкретизировать и дополнить уже существующую теорию радикалоидов.

Понятие связанного корня введено в языкознание в середине XX в. Г. О. Винокуром. Такие корни «всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами» [2. С. 435]. Лексемы с такими корнями можно было бы признать непроемными, но сопоставление однокоренных слов позволяет выделить первичную основу. Диахронический анализ подобных слов и выявление причин, повлекших за собой появление связанного корня, предполагает обращение к истории слова, которая включает в себя этимологический анализ. Рассмотрим важность обращения к истории слова в процессе анализа радикалоидов.

В. В. Виноградов, считая, что границы этимологических толкований слов слишком узки, пишет, что «этимология лишь тогда получает твердый научный фундамент, когда она вливается в историческую лексикологию или историческую семантику» [1. С. 14].

О. Н. Трубачев же, напротив, полагает, что «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [19. С. 65]. Если же специалист по современной лингвистической семантике не интересуется этимологией, считает исследователь, то лингвистическая семантика проиграет.

Подобные разночтения, вероятно, обусловлены тем, что связь этимологии с вопросами лексикологии, как заметил О. Н. Трубачев, очень интимна, «лексикологический и семасиологический аспекты вплетаются в этимологию на каждом шагу, присутствуют при оценке множества ситуаций» [19. С. 34].

Решая свои задачи, этимология также черпает сведения из фонетики, словообразования, морфо-

логии. Историческая лексикология тоже оказывается связанной с вышеперечисленными разделами лингвистики, включая в себя при этом и этимологию.

Итак, восстановление истории слова с целью выявления причин, повлекших за собой возникновение связанного корня, а значит, и изменение фонетического облика слова, и деэтимологизацию, и изменение морфемной структуры, а также словообразовательного статуса предполагает обращение к историческому словообразованию как к лингвистической дисциплине, которая способна установить процессы диахронического характера, ставшие причиной расхождения между реальной производностью и исторической мотивацией.

Вопрос о системном статусе словообразования, по словам Н. Г. Николаева, подлежит пересмотру. Словообразование следует классифицировать как деривационный аспект лексики, а формообразование как деривационный аспект морфологии. Деривация в лексике может идти двумя путями: с присоединением производящих средств и путем переосмысления уже существующей единицы. Решить задачу взаимодействия и взаимообусловленности единиц можно только при историческом подходе к материалу [7].

По словам И. С. Улуханова, в конце 1980-х гг. историческое словообразование оставалось менее разработанным, чем, например, такие разделы науки о языке, как фонетика, морфология, синтаксис. Синхронному словообразованию, напротив, посвящено большое количество конкретных исследований, это стало предпосылкой для выявления более глубоких закономерностей, изучить которые ранее представлялось невозможным. Важными перспективами изучения как исторического, так и синхронного словообразования является исследование его соотношения с другими уровнями языка: синтаксисом, морфологией, лексикой. Ученым были выделены следующие предпосылки для осуществления создания «достаточно полного обобщающего описания конкретного материала, выработки системы единиц и терминов, пригодных для такого описания, определения структуры этого описания» [20. С. 4].

Во-первых, наука располагает большим количеством исследований: это и описание эволюции определенных групп слов, и различные монографические исследования, в которых уделяется внимание теоретическим обобщениям различных закономерностей в области развития словообразовательной системы языка, в том числе работы

по индоевропейскому, праславянскому и старославянскому словообразованию.

Во-вторых, прогресс в области исторической лексикографии, которая теперь располагает обширной картотекой слов, позволит судить о степени частотности и продуктивности мотивированных слов, и сфере их распространения, о типичных контекстах употребления, о степени узальности и окказиональности словообразовательных единиц.

В-третьих, достижения в области синхронного словообразования можно использовать в той или иной мере для описания эволюции словообразовательной системы. При этом общеизвестным является факт, что синхронные словообразовательные отношения не всегда совпадают с реальной исторической мотивацией.

По словам О. Ю. Николенко, семантическое пространство слова постоянно меняется, что ученые объясняют асимметричным дуализмом лингвистического знака: «Возникает это явление вследствие расплывчатости языкового значения слова, являющейся результатом его произвольности» [8. С. 69].

Современные теория и практика структурного языкознания исходят из принципа изоморфизма уровней языка. Применительно к семантике говорят об изоморфизме семантики и словообразования. Понятие изоморфизма как глубокого структурного параллелизма между звуковыми и семантическими комплексами было выдвинуто Е. Куриловичем. Постепенно от положения об изоморфизме отошли все, кому приходится работать со словом. О. Н. Трубачев, рассматривая данную проблему, соглашается с Н. Д. Арутюновой, которая считает, что план выражения и план содержания развиваются автономно: «В плане выражения происходит постоянное дробление означающих и их частичное варьирование; в плане содержания, напротив, протекает объединение означаемых, и их слияние в одном новом значении» [19. С. 68]. В связи с этим О. Н. Трубачев ставит «вопрос о наличии в отношениях семантики и словообразования своеобразной междууровневой компенсации, т. е. явления, скорее противоположного изоморфизму» [19. С. 68]. «Старая функция может закрепляться за новой формой, а новая функция — за старой формой, что делает понятной потенциальную противоположность словообразовательной и семантической деривации» [19. С. 131].

Методы и материалы

Работа выполнена в рамках системно-диахронического описания сложных лексических систем.

В процессе исследования использованы лингвистические методы этимологического, словообразовательного, морфемного и морфологического анализа, историко-сравнительный метод, а также метод описания, обобщения и интерпретации языкового материала.

Исследование проведено на материале толковых и этимологических словарей разных периодов и данных Национального корпуса русского языка.

Результаты

В данной работе рассмотрена эволюция глагола *мыкати*, ставшего базой для образования префиксальных дериватов, многие из которых пережили деэтимологизацию, и выявлены причины формирования лексики со связанным корнем. Обращение к различным историческим дисциплинам — фонетике, словообразованию, морфемике, лексике, этимологии и синтаксису — позволило выявить комплекс причин, повлекших разрушение древних семантических связей и зарождение новых, которые в своей совокупности обусловили формирование лексики со связанным корнем, распределив дериваты, ранее находившиеся в одном словообразовательном гнезде (*мыкаться*, *мчаться*, *замкнуть*, *замок*, *перемычка*, *примкнуть*, *отомкнуть*, *сомкнуть*), по разным гнездам.

Глагол *мыкать*, согласно данным словаря М. Фасмера, считается родственным литовскому *mukti* — ‘освобождаться, убежать, ускользнуть’, латышскому *mukt* — ‘смахнуть, соскользнуть, удрать’, а также древнеиндийскому *munkati* — ‘освобождает, выпускает’ [21. С. 631]. В этимологическом словаре славянских языков приводятся те же самые параллели [25. С. 203]. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Императорской академией наук, фиксирует два значения слова *мыкать*: ‘чесать лен или куделю, очищать мочки’, ‘о лошадях: быстро и беспорядочно мчать что-либо’ — признавая, таким образом, *мыкать* и *мчать* однокоренными глаголами [15. С. 335]. Н. М. Шанский тоже считает *мыкати* и *мчати* родственными глаголами: «*Мчать*. Общеслав. суф. производное от той же основы, что и *замкнуть*, *мыкаться*. Исходное *тъкѣти > *мчать* после изменения *к* > *ч*, *ѣ* после *ч* > *а* и утраты слабого редуцированного *ъ* и конечного безударного *и*. Исходное значение —

‘двигать, перемещать’, затем — ‘делать это очень быстро’» [26]. Исследователь указывает родственные слова: *замкнуть, мочка, мочалка* [24. С. 375]. А. Г. Преображенский, рассматривая этимологию данного корня, приводит ряд одно-коренных слов: *замкнуть, примкнуть, сомкнуть, отомкнуть, смычок, замок, отмычка, горемыка, помыкать, умыкать, промчаться* [11. С. 540–541]. Г. П. Цыганенко выделяет сему движения у обоих глаголов: *мчать* — ‘стремительно перемещать кого- или что-либо’; *мыкаться* — ‘беспорядочно двигаться из стороны в сторону; скитаться, испытывая нужду’ [22. С. 245].

Обращение к Словарю русского языка XI–XVII вв. позволяет сделать вывод, что глагол *мыкати* в данный исторический период имеет следующие значения: ‘бросать, кидать, метать’: «Люди начаша мыкати изъ домовъ своихъ ко езеру въ суды...»; ‘тащить за собой, волочить, бросая из стороны в сторону’: «Привязанъ бы<сть> къ дивымъ конемъ по непроходимомъ мѣстомъ мычемъ в годъ зимы» [13. С. 329. Вып. 9]. Кроме приведенных значений, отмечается использование лексемы в составе фразеологической единицы *горе мыкати* — ‘терпеть лишения, испытывать невзгоды’: «Положилась на то, что горе свое мыкать и лѣтовать на Тюмени» [13. С. 329. Вып. 9]. Возвратный дериват *мыкаться* имеет значения ‘быстро, беспорядочно распространяться, передвигаться’; ‘скитаться, испытывать неудобства, лишения’. Среди рассматриваемых глаголов самым этимологически близким к первоначальному значению оказывается глагол *мчати* со значениями ‘быстро везти’, ‘быстро двигаться’: «И восхити мя Гавриль... и мѣча мя и постави мя предъ лицемъ Господнимъ» [13. С. 326. Вып. 9]. Глагол *мчать* в данный исторический

период уже не обнаруживает семантической связи с глаголом *мыкати* и имеет значения, совпадающие с современными. Однако наличие семантически близкого глагола *промькнути ся* — ‘промчаться, распространиться, разнестись’ позволяет возводить данные слова к одному историческому корню.

Семантические различия между этими глаголами, видимо, уже закладываются в праславянский период, когда слово *мчати* пережило фонетические изменения, а именно: переход количественных различий в качественные (этим объясняется чередование *ъ/ы*) и первую палатализацию, итогом которой стало возникновение чередования *к/ч*.

Таким образом, уже в период с XI по XVII в. мы наблюдаем разрыв семантических связей между рассмотренными глаголами. К XVIII в. глагол *мыкать* сохраняет свои конкретные значения, а абстрактное по-прежнему отмечается как фразеологическое: «Горе мыкаю на чужой сторонѣ» [14]. В словаре В. И. Даля отмечается диалектное значение ‘чесать лен или пеньку’ и фразеологическое значение; такие же значения фиксируются в словаре Д. Н. Ушакова.

Обратимся к приставочным дериватам и выявим соотношение их семантики с производящим. Глаголы *замкнуть, отомкнуть, примкнуть, перемкнуть, разомкнуть, сомкнуть* в исследуемый исторический период имеют значения, схожие с современными, а значит, мы наблюдаем разрыв семантических связей между производными и производящим *мыкати*. Они пережили деэтимологизацию, но не подверглись опрощению, тогда как их именные дериваты *смычок, горемычка, замок* испытали на себе процесс слияния приставки и корня [16].

Динамика семантики глагола *мыкать* (XI–XXI вв.)

Исторический период	Значение
XI–XVII вв.	1. Бросать, кидать, метать. 2. Тащить за собой, волочить. 3. <i>Горе мыкати</i> — <i>терпеть лишения</i> [13]
XVIII в.	1. Двигать. 2. Чесать лен. 3. Небрежно носить одежду. 4. <i>Постоянно бродить, скитаться</i> [14]
XIX в.	1. Чесать лен. 2. <i>Бедовать</i> [3]
XX в.	1. Чесать (лен, пеньку), щипать (шерсть, хлопок). 2. <i>Горе мыкать (разг.)</i> — <i>терпеть нужду, подвергаться невзгодам</i> [10]
XXI в.	1. <i>Горе мыкать (устар. и прост.)</i> — <i>подвергаться жизненным невзгодам</i> [18]

Данные лексемы сохраняют семантическое единство, однако вследствие разрыва связей с беспрефиксным производящим они оказались в разных словообразовательных гнездах, что противоречит самому понятию словообразовательного гнезда как совокупности однокоренных слов, упорядоченных согласно словообразовательной мотивации [17].

Ряд исследователей считают, что подобные разрозненные СГ нужно объединить в единства. Такое видение словообразовательных гнезд было отражено в словаре И. А. Ширшова, который попытался объединить то, что может быть объединено по семантическому и словообразовательному признаку, и создал комплексный словарь гнездового толково-словообразовательного типа [5].

В результате деэтимологизации корень в данных префиксальных образованиях становится связанным, несмотря на то что исходное производящее продолжает функционировать в языке. Утрата словом *мыкати* конкретных значений окончательно размывает связи между производящим и производными.

Траектория изменений, испытанных данной группой лексики, может выглядеть так: фонетические изменения (количественно-качественные превращения, первая палатализация, падения редуцированных) — разрыв семантических связей между *мыкати* и его производными — утрата глаголом *мыкати* всех конкретных значений.

Анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет сделать вывод, что на протяжении 1784–2018 гг. из 166 употреблений слова *мыкать* самым частотным является употребление слова в значении ‘подвергаться жизненным невзгодам’. Такое значение имеют 138 лексем, при этом 115 функционируют в составе фразеологической единицы *горе мыкать*: «*Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости — уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны*», а в 22 вместо слова *горе* употребляются его синонимы, в том числе контекстные: *мыкать долю, бессонные ночи, одиночество, лихо, грусть-тоску, век, жизнь, житьишко, старость, дни, скуку, удаль*: «*Таким образом жил я в Петербурге и мыкал свое горе*» [9].

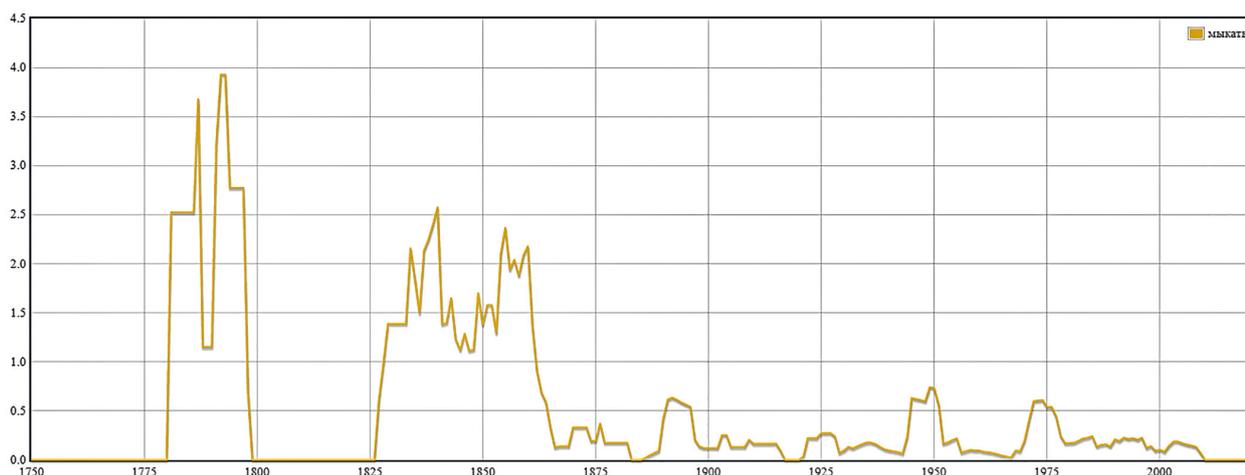
Итак, значение ‘подвергаться жизненным невзгодам’, выражаемое фразеологическим оборотом *мыкать горе*, оказывается самым жизнеспособным и постепенно вытесняет все другие значения. При этом происходят стилистические изменения: фразеологизм из разряда нейтральных сначала переходит в разряд разговорных,

а потом становится устаревшим и просторечным. Разговорную окраску приобретает и сложное слово общего рода *горемыка*, образованное на базе этого фразеологического оборота: ‘тот, кого постоянно преследуют несчастья, лишения, неудачи и т. п.; неудачник’.

Второй по частотности (17 употреблений) является лексема со значением ‘вынуждать кого-либо скитаться, подвергать невзгодам, лишениям’. В таких выражениях переходный глагол *мыкать* выступает как каузатив, для которого ведущей семой является сема воздействия: *мыкать ее по чисту полю, она и пошла его мыкать, водворот мыкал мое сердце, мыкают его сквозь тридевять чудес, она мыкала им по всей России, мыкать старые кости, мыкая по своей прихоти, меня мыкали-судили, премудрость мыкает их по свету, пошли мыкать его туда и сюда, долго мыкали его по свету, меня жизнь так мыкала, мыкает их по горам, мыкать свою музу, черти его по буграм мыкают, удаль мыкали, этих мыкали пять дней, жизнь его так мыкала, мыкали нас по всему Парижу пешком*: «*В общем, жизнь его так мыкала, что он просто перестал сопротивляться судьбе, плыл по течению и только в самой глубине души ожидал — вот-вот с ним случится что-то хорошее*» [9]. Первое употребление данного глагола-каузатива зафиксировано, согласно данным Национального корпуса языка, в 1794 г., а последнее — в 1979 г. Таким образом, значение воздействия было постепенно утрачено глаголом. Однако оно отмечается в префиксальном деривате *помыкать* — ‘причесать’ и его дериватах (помыкание, помыкательство).

Еще одно значение лексемы *мыкать*, зафиксированное в корпусе, — ‘чесать (лен, пеньку), щипать (шерсть, хлопок)’: *мочки мыкать; принялась мыкать лен; мыкали, чесали, связывали в лычки; мыкать кудель* [9]. Последнее употребление слова в данном значении зафиксировано в 1993 г. Угасание связано с изменением жизненных реалий.

Сфера функционирования глагола *мыкати* преимущественно художественная, что говорит о том, что данный фразеологизм используется как выразительное средство. Всплеск употребительности лексемы приходится на 1780–1800 гг. и на 1830–1865 гг., затем употребительность падает и колеблется незначительно. Этот процесс связан с угасанием конкретных значений и изменением стилистической окраски слова в значении ‘подвергаться жизненным невзгодам’.

Частность употребления слова мыкать; 1784–2018 гг.

Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 05.04.2022

The particularity of the use of the word *muck*; 1784–2018.

National Corpus of the Russian language (ruscorpora.ru), as of 05.04.2022

Заключение

Таким образом, у глагола *мыкать* сохранилось лишь фразеологическое значение, а все конкретные были утрачены. Значение ‘убегать’ с течением времени приобрело абстрактный характер, сему движения можно вычленишь лишь в постфиксальном образовании *мыкаться*, которое ста-

ло многозначным словом. Префиксальные глагольные дериваты пережили деэтимологизацию, не подвергшись опрощению (*замкнуть, отомкнуть, примкнуть, перемкнуть, разомкнуть, сомкнуть, помыкать*). Так сформировались самостоятельные словообразовательные гнезда с корнем-радиксоидом.

Список источников

1. Виноградов В. В. История слов. М., 1999. 1138 с.
2. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 435.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 28.03.2022).
4. Иванова А. В. Гнездо с вершиной -каз- как системно-структурное образование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 15 с.
5. Маршева Л. И. Толковый словообразовательный словарь русского языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: Филология. 2007. Вып. 3 (9). С. 167–169.
6. Михайлова И. Д. Радиксоид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 22–28.
7. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. М. : Либроком, 2010. 184 с.
8. Николенко О. Ю. О взаимодействии морфемного и семантического словообразования // Мир культуры, науки, образования. 2010. № 4 (23). С. 69–73.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-quote.html> (дата обращения 28.03.2022).
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1961. 900 с.
11. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. Т. 1. М. : Тип. Г. Лиссонера и Д. Совко, 1910–1914.
12. Пятаева Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em и *ber ‘брать, взять’ в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1995. 19 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975 –.

14. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1–19. Л., СПб. : Наука, 1984–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения 20.03.2022).
15. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. Т. 2. СПб. : Тип. Император. Академии наук, 1847. 471 с.
16. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М. : Астрель : АСТ, 2007. 700 с.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. М. : Русский язык, 1990.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.
19. Трубочев О. Н. Слово. История. Культура: труды по этимологии : в 2 т. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2004. 798 с.
20. Улуханов И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию : сборник научных докладов (Звенигород, 1989 г.) / отв. ред. И. С. Улуханов. РАН. Ин-т рус. яз. М., 1994. 200 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М. ; СПб. : Азбука, 1996.
22. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев : Радянська школа, 1989. 511 с.
23. Шептухина Е. М. Эволюция глаголов со связанными основами в общенародном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 51 с.
24. Этимологический словарь русского языка : вып. 10 / под ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. 400 с.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский фонд. Вып. 20 / под ред. О. Н. Трубочева. М. : Наука, 1994. 255 с.
26. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/m/мчать> (дата обращения 20.03.2022).

References

1. Vinogradov VV. Istorija slov = The history of words. Moscow; 1999. 1138 p. (In Russ.).
2. Vinokur GO. Zametki po russkomu slovoobrazovaniju = Notes on Russian word formation. In: Izbrannye raboty po russkomu jazyku = Selected works on the Russian language. Moscow; 1959. P. 435. (In Russ.).
3. Dal VI. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka = Dictionary of the living Great Russian language. Available from: URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (accessed 28.03.2022). (In Russ.).
4. Ivanova AV. Gnezdo s vershinoj -kaz- kak sistemno-strukturnoe obrazovanie = A nest with a top -kaz- as a system-structural formation. Abstract of thesis. Moscow; 1999. 15 p.
5. Marsheva LI. Explanatory word-formation dictionary of the Russian language. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Philology Series.* 2007;(3(9)):167-169. (In Russ.).
6. Mikhailova ID. Radixoid as the top of the word-formation nest. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologicheskoe obrazovanie" = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Seriya "Filologicheskoe obrazovanie"*. 2014;1(12):22-28. (In Russ.).
7. Nikolaev GA. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problem = Russian historical word formation: theoretical problems. Moscow, Librocom; 2010. 184 p. (In Russ.).
8. Nikolenko OYu. On the interaction of morphemic and semantic word formation. *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya = The world of culture, science, education.* 2010;(4(23)):69-73. (In Russ.).
9. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka = The National Corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-quote.html> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
10. Ozhegov SI. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow; 1961. 900 p. (In Russ.).
11. Preobrazhensky AG. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language. In 3 vol. Vol. 1. Moscow, Printing house of G. Lissoner and D. Sovko; 1910–1914. (In Russ.).
12. Pyataeva NV. Istorija sinonimichnyh jetimologicheskikh gnezd *em i *ber 'brat', vzjat'' v russkom jazyke = History of synonymous etymological nests *em and *ber 'to take, to take' in Russian. Abstract of thesis. Ufa, 1995. 19 p. (In Russ.).

13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka; 1975 –. (In Russ.).
14. Sorokin YuS (ed. in ch.). Slovar russkogo jazyka XVIII v. = Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Iss. 1–19. Leningrad, St. Petersburg, Nauka; 1984–2011. Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (accessed 20.03.2022). (In Russ.).
15. Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago jazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk = Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 vol. Vol 2. Saint Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1847. 471 p. (In Russ.).
16. Tikhonov AN. Morfemno-ortograficheskij slovar' = Morphemic and orthographic dictionary. Moscow, Astrel, AST; 2007. 700 p. (In Russ.).
17. Tikhonov AN. Slovoobrazovatel'nyj slovar' = Word-formation dictionary. In 2 vol. Moscow, Russian Language; 1990. (In Russ.).
18. Shvedova NY (ed.). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the etymology of words. Moscow, Azbukovnik; 2008. 1175 p. (In Russ.).
19. Trubachev ON. Slovo. Istoriya. Kul'tura: trudy po etimologii. = Slovo. History. Culture: works on etymology. In 2 vol. Vol 1. Moscow, Languages of Slavic culture; 2004. 798 p. (In Russ.).
20. Ulukhanov IS. Sostoyanie i perspektivy izucheniya istoricheskogo slovoobrazovaniya russkogo jazyka = The state and prospects of studying the historical word formation of the Russian language. In: Issledovanie istoricheskogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnyh dokladov = Research on historical word formation: collection of scientific reports (Zvenigorod, 1989). Moscow; 1994. 200 p. (In Russ.).
21. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Russian Etymological Dictionary. In 4 vol. Vol. 2. Moscow, Saint Petersburg, Azbuka; 1996. (In Russ.).
22. Tsyganenko GP. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Kiev, Soviet school; 1989. 511 p. (In Russ.).
23. Sheptukhina EM. Jevoljucija glagolov so svjazannymi osnovami v obshhenarodnom russkom jazyke = The evolution of verbs with bound bases in the national Russian language. Abstract of thesis. Volgograd, 2006. 51 p. (In Russ.).
24. Zhuravlev AF (ed.). Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Iss. 10. Moscow, Publishing house of Moscow State University; 1973. 304 p. (In Russ.).
25. Trubachev ON (ed.). Etimologicheskij slovar' slavyanskih jazykov. Praslavyanskij fond = Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic Foundation. Issue 20. Moscow, Nauka; 1994. 255 p. (In Russ.).
26. Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka Shanskogo NM. = Etymological online dictionary of the 'Russian language' by NM. Shansky. Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed 20.03.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Сухова — аспирантка кафедры русского языка и методики обучения русскому языку.

Information about the author

Ekaterina A. Suhova — PhD student in the Department of Russian language and methods of teaching the Russian language.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 07.06.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 347.78.034070/41+81`33

МЕДИАБУЛИМИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

Елена Мухамедовна Хакимова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, khakimovaem@susu.ru, ORCID 0000-0002-2948-9482

Аннотация. Отражен лингвокогнитивный аспект изучения токсичного медиапотребления. Цель исследования — рассмотреть особенности интерпретации концепта «медиабулимия» носителями современного русского языка. Эмпирическую базу составили ответы, зафиксированные в ходе опроса студентов Южно-Уральского государственного университета в 2023 г. Основным методом исследования полученных данных стал концептуальный анализ. Доказано, что термин «медиабулимия» неизвестен многим респондентам, но большинство из них понимает, о какой реалии идет речь, и оценивает ее как существенную социальную проблему. Представления носителей языка о причинах, следствиях и способах коррекции медиабулимии соответствуют научным знаниям об этом феномене. Особое внимание в работе уделено выявлению и описанию мотивирующего, образного, понятийного, ценностного, дименсионального признаков в структуре концепта «медиабулимия». Установлено, что на его интерпретацию влияют возраст, образовательный профиль и индивидуальный опыт информантов.

Ключевые слова: концепт, медиакоммуникации, цифровая среда, медиабулимия, информационная перегрузка, токсичное поведение, цифровая аскетика, экологичное медиапотребление

Благодарности. Автор выражает признательность коллегам, принимавшим участие в обсуждении доклада по заявленной проблематике на IV научно-практической конференции «Медиатекст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (Челябинск, 13–16 марта 2023 г.), за ценные идеи и конструктивные предложения, которые позволили включить в исследование новые аспекты.

Для цитирования: Хакимова Е. М. Медиабулимия: осмысление концепта носителями языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 134–141.

Original article

MEDIABULIMIA: INTERPRETATION OF THE CONCEPT BY NATIVE SPEAKERS

Elena M. Khakimova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, khakimovaem@susu.ru, ORCID 0000-0002-2948-9482

Abstract. The article presents the linguo-cognitive aspect of the study of toxic media consumption. The research purpose is to analyze the interpretation of “media bulimia” concept by native Russian speakers. The empirical base was compiled by the answers recorded during the survey of South Ural State University students in 2023. Conceptual analysis is the main research method of the obtained data. The author proves that the term “media bulimia” is unknown to many respondents, but most of them understand what it is and evaluate the phenomenon as a significant social problem. The ideas of native speakers about the causes, consequences and methods of media bulimic correction correspond to scientific knowledge about this subject. Particular attention is paid to the identification and description of motivating, figurative, conceptual, value, dimensional features in the structure of “media bulimia” concept. The study shows that its interpretation is influenced by the age, educational profile and individual experience of the informants.

Keywords: concept, media communications, digital environment, media bulimia, information overload, toxic behavior, digital detox, eco-friendly media consumption

Acknowledgments. The author expresses his gratitude to colleagues who took part in the discussion of the report on the stated issues at the IV scientific and practical conference “Mediatext in the new technological environment: achievements and problems” (Chelyabinsk, March 13–16, 2023), for valuable ideas and constructive suggestions, allowed to include new aspects in this study.

For citation: Khakimova EM. Mediabulimia: interpretation of the concept by native speakers. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472)):134-141. (In Russ.).

Введение

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества, позволяя человеку удовлетворять множество потребностей, среди которых получение актуальной информации из разных социально значимых сфер (экономика, политика, наука, медицина, культура и др.), оптимизация образовательных стратегий, развитие рекреационных практик и т. д. Однако, создавая условия для поливариантной реализации творческого потенциала личности, цифровизация вместе с тем имеет теневую сторону: в онлайн-среде формируются специфические формы токсичного поведения, одним из которых является медиабулимия — избыточное, неконтролируемое потребление медийного контента.

Мы уже писали о том, что слово «медиабулимия» возникло в XXI в. как терминологическая метафора на основании прозрачной аналогии с расстройством пищевого поведения — булимией [10]. Однако истоки соответствующего концепта уходят в XX в. и связаны с понятием «информационная перегрузка». Оно появилось в 1964 г. в публикации американского политолога Бертрама Гросса «Управление организациями: административная борьба» [13] и получило широкую известность в 70-е благодаря работе философа и футуролога Элвина Тоффлера «Шок будущего» [14].

Медиабулимия представляет собой модификацию информационной перегрузки в условиях цифрового общества. Но надо отметить, что современных исследований, в которых употребляется этот термин, не очень много. Из наиболее значительных работ в этой области можно назвать статьи В. П. Полудиной [6] и А. М. Шрайбера [12], рассмотревших технологические, коммуникативные, когнитивные причины медиабулии; О. М. Шевченко и Л. Л. Штофер [11] описали ее многочисленные деструктивные следствия; публикации Е. В. Лещинской [4], Д. Н. Соловьева и П. Э. Белоус [9] посвящены способам коррекции медиабулии, обладающим соматическим, психическим и социальным эффектом.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы изучить, как концепт «медиабулимия» интер-

претируется в обыденном сознании носителей современного русского языка. В этой связи поставлены следующие задачи: 1) соотнести научную информацию о медиабулии со студенческой трактовкой данного концепта; 2) выявить признаки, входящие, по ощущениям респондентов, в его структуру; 3) установить факторы, оказывающие влияние на представления носителей русского языка о соответствующей реалии.

Метод и материалы исследования

В ходе работы как основной использовался метод концептуального анализа, направленный на экспликацию субъективных дефиниций и включающий элементы методики шкалирования [3; 5; 7]. Инструментом сбора необходимой информации стал разработанный с учетом сведений из научных источников вопросник, состоящий из девяти блоков и позволяющий соотнести теорию современных коммуникаций с практикой медиапотребителей:

1. Информация о Вас:
Возраст
Пол
Образовательное направление
2. Встречалось ли Вам раньше слово «медиабулимия»?
Да. Это <...>.
Нет. Но могу предположить, что это <...>.
3. Оцените степень опасности медиабулии для человека и общества по следующей шкале:
5) высокая;
4) достаточно высокая;
3) средняя;
2) низкая;
1) крайне низкая;
0) нулевая.
4. Выделите значимые, с Вашей точки зрения, причины медиабулии (можно отметить несколько пунктов):
1) ускорение работы с информацией;
2) появление новых каналов коммуникации;
3) повышенный уровень информационного шума;
4) жизнь в условиях многозадачности;

5) другое <...>.

5. Укажите следствия медиабулимии (можно отметить несколько пунктов):

- 1) зависимость от гаджетов;
- 2) затруднения с усвоением и обработкой информации;
- 3) ослабление критического мышления;
- 4) чувство опустошенности;
- 5) угрозы физическому и ментальному здоровью;
- 6) ослабление связей с людьми;
- 7) другое: <...>.

6. Укажите способы коррекции медиабулимии (можно отметить несколько пунктов):

- 1) сократить число партнеров по коммуникации до _____ человек;
- 2) сократить число каналов потребления до _____;
- 3) отказаться от гаджетов в определенные дни (цифровой шаббат);
- 4) чередовать виртуальную активность с практиками в реале;
- 5) другое: <...>.

7. Какой медийный контент, с Вашей точки зрения, можно назвать качественным?

8. Назовите, пожалуйста, маркеры, по которым Вы определяете качественные медийные источники.

9. Какие еще вопросы имеет смысл задать людям при исследовании медиабулимии?

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в результате опроса студентов Южно-Уральского государственного университета, проведенного в марте — апреле 2023 г.

Результаты исследования и их обсуждение

В опросе приняли участие 60 респондентов — выборка не очень многочисленная, но достаточная для пробного исследования, проведение которого целесообразно, когда изучаемое явление не имеет детального описания в литературе; в ходе пробных исследований уточняется проблема, корректируются задачи, а также тестируются инструментарий, усовершенствованная версия которого может применяться при дальнейших, более масштабных научных изысканиях [2].

1. Демографические характеристики информантов. Специалисты рекомендуют включать в пробную выборку респондентов, связанных с изучаемой реальностью непосредственным образом и разнообразных с точки зрения демографических признаков. Поэтому мы привлекли к уча-

стием в нашем исследовании студентов в возрасте от 18 до 22 лет, мужского (24 чел.) и женского (36 чел.) пола, образовательные профили — естественнонаучный (прикладные физика и математика — 14 чел.), гуманитарный (история — 19 чел., журналистика — 15 чел., реклама и связи с общественностью — 12 чел.). Легко заметить, что профессиональная подготовка респондентов из двух последних групп предполагает использование медиа в качестве рабочего инструмента.

2. Субъективные дефиниции концепта «медиабулимия». До момента исследования в своей речевой практике это слово встречали только 12 (20 %) участников опроса, но это не помешало большинству респондентов — 49 (82 %) — правильно определить его значение.

Объясняя, что такое медиабулимия, носители языка опираются на разные когнитивные признаки концепта:

мотивирующий: Чрезмерное использование информационных ресурсов без должного контроля и оценки полученных сведений на достоверность и полезность. Я так считаю из-за составляющих слова: «медиа» — многообразие информации, «булимия» — болезнь, вызванная переизбытком. Внутренняя форма репрезентанта, эксплицированная в этом толковании, установлена корректно, поэтому определение соответствует научной дефиниции. Но в нашем материале есть и ошибочные толкования: От слова «булить» — унижать, обижать. А «медиабулимия», следовательно, унижение в медианпространстве;

понятийный: Состояние, при котором происходит перенасыщение информацией, когда это влияет на физическое и ментальное здоровье, апатия, нежелание узнавать что-то новое после бесконтрольного поступления информации. Здесь в фокусе внимания носителей языка оказываются семантические компоненты слова, образующие его лексическое значение;

ценностный: Связано с каким-то дефектом человека воспринимать информацию. Использованная в высказывании лексема «дефект» — недостаток, изъян, недочет, повреждение, отклонение от нормы или должного (<https://ru.wiktionary.org/wiki/дефект>) — свидетельствует о негативной оценке осмысливаемого концепта, соотнося его со сферой антиценностей;

дименсиональный: Чрезмерное потребление новостей, бесконтрольный скроллинг соцсетей. Изучение научной литературы показывает, что дименсиональный (измерительный) подход используется при изучении когнитивных рас-

стройств [8]. Примечательно также, что в приведенной формулировке получила выражение иррациональная поведенческая стратегия здоровых людей в ситуации стресса. Психолог Людмила Петрановская указывает, что это обусловлено магическим мышлением: в подобных случаях создается иллюзия контроля («если я нахожусь в постоянном контакте со страданием других, то они страдают меньше»), помогающая человеку в условиях кризиса сохранять возможное душевное равновесие и справляться с жизнью.

3. Масштаб проблемы. Присутствие в концепте «медиабулимия» дименсионального аспекта позволяет использовать при осмыслении этого феномена элемент шкалирования. Наше исследование показало, что большинство студентов видят в медиабулимии реальную проблему: 30 человек оценили уровень опасности как достаточно высокий, 22 — средний, 6 — высокий; только 1 респондент счел угрозу несущественной и еще 1 затруднился ответить на заданный вопрос.

4. Причины медиабулимии. Если явление осознается как девиантное, нужно выявлять его причины. Эксперты делят их на три группы: 1) новые каналы коммуникации (мессенджеры, сайты, соцсети, видеохостинги) и цифровые технологии, динамизирующие информационные потоки; 2) повышенный уровень информационного шума в онлайн-сообщениях; 3) большие энергетические затраты, необходимые человеческому мозгу для эффективного социального взаимодействия в условиях многозадачности. Респонденты могли отметить в качестве значимых сразу несколько пунктов и предложить свой вариант, поэтому мы получили в ответах 134 реакции:

45 (34 %) — повышенный уровень информационного шума;

30 и 30 (по 22 %) — ускорение работы с информацией и жизнь в условиях многозадачности;

21 (16 %) — новые каналы коммуникации;

8 (6 %) — другое. Студенты полагают, что, помимо перечисленных в научных публикациях явлений, причинами медиабулимии являются некачественный контент, клиповое мышление, дидактические пробелы: *Плохое воспитание, нас никто не учил фильтровать информацию, а также деструктивное воздействие социальных стереотипов: «Успешный успех» всех людей вокруг, который убеждает тебя в том, что ты знаешь мало, делаешь недостаточно, оттого и пытаешься включиться в эту гонку, чтобы быть умнее, знать больше, а на деле только вредишь себе.*

5. Следствия медиабулимии. По мнению специалистов, они многочисленны, связаны с разными сферами жизнедеятельности человека и деструктивно влияют на нашу телесно-духовную сущность. Все респонденты выделили в предложенном списке по несколько пунктов, в результате зафиксировано 160 реакций:

35 и 35 (по 22 %) — нарушение информационного метаболизма, связанное с утратой культуры чтения, и чувство опустошенности после очередного медиаизлишества;

30 (19 %) — ослабление критического мышления, его стереотипизация, делающие аудиторию уязвимой для медиаманипуляций;

26 (16 %) — зависимость от гаджетов, которая проявляется в постоянном информационном голоде и неконтролируемой потребности поглощать предлагаемые медиапродукты;

19 (12 %) — социальная атомизация, вызванная ослаблением связи между людьми в объективной реальности. Отметим вместе с тем, что в научной литературе описана и противоположная тенденция, когда, например, коммуникация в массовой многопользовательской онлайн-игре EVE Online «формирует реальное общение, помогает находить в онлайне друзей и любимых, с которыми впоследствии происходят встречи-развиртуализации в офлайне» [1, с. 76];

13 (8 %) — угрозы физическому и психическому здоровью (заболевания нервной, сердечно-сосудистой, эндокринной систем, опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и зрения и др.). Невысокий показатель в этом пункте — минимальный среди изначально сформулированных вариантов — можно, по нашему мнению, объяснить влиянием возрастного фактора, поскольку осложнения такого рода молодым людям внушают опасения реже, чем представителям старшего поколения;

2 (1 %) — другое: *Чувство неудовлетворенности знаниями — вопросов становится всё больше, а ответов меньше; Ослабление ценностных ориентиров, утрата смысла жизни.* Судя по этим ответам, студенты осознают, что медиабулимия затрагивает аксиологическую, эмоциональную, когнитивную сферы, то есть ее следствия имеют системный и комплексный характер.

6. Способы коррекции. Они связаны с экологичным медиапотреблением, принципы которого описываются в концепции цифровой аскетики и выражаются в конкретных рекомендациях. Предоставленная респондентам возможность

множественного выбора позволила получить 113 реакций:

41 (36 %) — чередовать виртуальную активность с аналоговыми практиками (спорт, посещение культурных центров без Wi-Fi, туризм, прогулки, живое общение, творчество и т. д.);

28 (25 %) — сократить число каналов коммуникации, оптимальное их количество участники опроса, учитывая собственные коммуникативные возможности и потребности, определяют по-разному — от 1 до 15;

27 (24 %) — отказаться от гаджетов в определенные дни недели, например в выходные. Респондентам очень понравилось выражение «цифровой шаббат» [9], они сочли его более удачным, чем «цифровой детокс», потому что речь должна идти не о механических разгрузочных мероприятиях, а о глубокой духовной практике;

11 (10 %) — сократить число партнеров по коммуникации, при этом число собеседников также варьируется от 1 до 15;

6 (5 %) — другое: *Развивать в себе критическое мышление и саморегулировать поступающую информацию* — простая и здравая мысль о том, что человек должен прежде всего сам заботиться о своем состоянии; *Развитие навыков по фильтрации информации* — рекомендация, связанная с повышением уровня информационной грамотности и гигиены; *Работа с психологом, Создание института информации* — институциональный подход к решению проблемы девиантного медиапотребления.

7. Критерии качественного контента. Рассматривая этот вопрос, исследователи пишут, что качественным является такой контент, в котором факты соединяются с образами, рациональное начало с интуитивным, вербальное с аудиовизуальным. Студенты отметили, что это сложный и не вполне определенный феномен: *На мой взгляд, очень трудно сегодня говорить о качестве контента, т. к. слово качественный очень размытое понятие. Возможно, ни один из контентов, которые я потребляю, нельзя назвать по-настоящему качественным.* Тем не менее респонденты указали несколько параметров медийного качества:

содержательный — достоверность, разнообразность, оригинальность, актуальность информации: *Тот контент, который имеет доказательную базу, воздействует не на эмоции, а на разум; Разноуровневый и глубокий материал, раскрывающий тему с разных сторон; Это не простое копирование, а с авторскими ком-*

ментариями к теме; Основанный на актуальных с научной точки зрения материалах;

формальный — использование разных сенсорных каналов презентации информации, многообразие жанров, хорошие технические характеристики медиапродукта: *Контент, содержащий звуковую, визуальную информацию; Лонгриды, фильмы, длинные интервью с экспертами; Технически выполнен в достойной форме (съемка, запись звука, монтаж и т. д.);*

этический — соответствие нравственным нормам: *Объективная информация, где нет места манипуляции, пропаганде, лжи; Отсутствие «обеления» себя за счет очернения других (я хороший, потому что все остальные г...);*

прагматический — возможность решать насущные задачи потребителя без дополнительных ресурсных затрат: *Если тот, который дает возможность расслабиться, то это детский, игровой и т. д. контент, если с точки зрения полезности, то образовательный; Нет платного контента;*

гедонистический — способность развлекать, доставлять удовольствие своей эстетической привлекательностью: *Легкий развлекательный контент; В котором присутствует приятная картинка.*

К экзотическим толкованиям отнесем следующий вариант: *Где есть скандал, драки, оскорбления*, его автор — фанат и исследователь компьютерных игр, изучающий сюжетные решения и коммуникативные приемы, которые позволяют привлечь и удержать внимание геймеров.

8. Маркеры качественного контента. Это продолжение предшествующего информационного блока: предполагалось, что респонденты расскажут о тех сигналах, которые они учитывают в своих медиапотребительских практиках. Результаты опроса показывают, что студенты обращают внимание на ряд аспектов, среди которых: репутация источника: *Авторитетность издания; Известные журналисты; Статусность экспертов;*

мнение референтной группы: *Рекомендации людей, которых я уважаю; Что советуют друзья;*

ортология, обеспечивающая соблюдение языковых и коммуникативных стандартов: *Соблюдение грамотности, использование в своем повествовании фразеологизмов, деепричастных оборотов для лучшего раскрытия и объяснения темы; Легкость чтения и понимания;*

гипертекстуальность: *Имеются ссылки на оригинальные исследования; Подтверждение приве-*

денных данных сторонними объективными источниками;

организация коммуникативного процесса: *Регулярность публикации новой информации (неважно это будет раз в неделю или раз в день, важно чтобы было регулярно); Доступно комментирование; Присутствует цензура.* В связи с последним ответом хотелось бы сделать следующее замечание: возможно, респондент здесь имел в виду не цензуру 'систему государственного надзора за произведениями искусства, средствами массовой информации или личной корреспонденцией' (<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=цензура&all=x>), а модерацию 'проверку сообщений на соответствие тематике и правилам ресурса' (<https://ru.wiktionary.org/wiki/модерация>). Для обсуждения подобных смысловых нюансов в ходе дальнейшего исследования целесообразно использовать глубинное интервью с носителями языка;

продвижение в цифровой среде: *Число подписчиков, удобство просмотра информации, разное количество медиаплатформ, возможность читать с разных гаджетов; Количество подписчиков, лайков, просмотров, положительных комментариев.* Значимость этого аспекта подчеркивается в ответах респондентов с образовательным профилем «журналистика» и «реклама и связи с общественностью».

9. Перспективы изучения медиабулимии. В ответах респондентов обозначено несколько возможных направлений исследовательского спектра:

углубленный анализ качественных и количественных характеристик медиапродуктов: *В какой области они <пользователи> больше получают контента (где больше запрос — должна быть воспитана и система анализа информации); Как часто вы сталкиваетесь с обманом, манипуляцией в медиа?;*

детализация способов медиапотребления: *Сколько времени вы тратите на соц. сети?; С какой продолжительностью скролите новостную ленту?; Запоминаете ли вы хоть что-нибудь из того, что поглощаете? Или это просто листание без конца и края?;*

изучение людей, сталкивающихся с проблемой токсичного медиапотребления: *Какие группы (по возрасту, полу и т. д.) более подвержены медиабулимии?; Как оградить от этого ребенка?; Как может это явление отразиться на людях, которые поддерживают близкие отношения с человеком, страдающим этим «недугом»?;*

определение возможностей терапии: *Может ли прорабатываться эта проблема с медицинской точки зрения (невролог, психиатр)?; Как ее лечить?;*

оценка экзистенциальных перспектив и рисков: *Возможна ли борьба с медиабулимией в цифровизованном мире?; Что произойдет с обществом, если не искоренять это явление?*

Указанные направления связаны друг с другом, и их продуктивная разработка предполагает междисциплинарную интеграцию (коммуникативистика, медиалогия, психология, социология, медицина, философия и др.).

Выводы

1. Термин «медиабулимия» еще не получил широкого признания в научном сообществе и у российских медиапотребителей, но большинство носителей современного русского языка интуитивно понимают, о каком феномене идет речь, видят в нем реальную проблему с существенным уровнем опасности. Исследовательская информация о причинах, следствиях и способах коррекции медиабулимии подтверждается данными, полученными в ходе опроса медиапотребителей.

2. Анализ научной литературы и опрос русскоязычных студентов позволили выявить мотивирующий (внутренняя форма слова), образный (метафорическое переосмысление базового медицинского термина); понятийный (приведенные в ответах дефиниции), ценностный (использование слов с отрицательно-оценочной семантикой), дименсиональный (указание на измерительный подход при осмыслении соответствующей реалии) признаки в структуре концепта «медиабулимия». Ограничения, свойственные нашему вопроснику, оставили за рамками исследования иронический признак, который выявляется только через изучение контекста. Что касается символического признака, то он связан с выражением мифологических и религиозных смыслов и невозможен в нашем случае, поскольку концепт «медиабулимия» не является традиционным, он формируется на наших глазах в современной дискурсивной практике.

3. На ответы информантов, помимо индивидуального опыта, оказывают влияние возраст (ранжирование негативных следствий медиабулимии) и образовательный профиль (значимые маркеры качественного контента). Воздействие гендерного фактора на материале нашей выборки не установлено.

Дальнейшее изучение медиабулимии представляется нам весьма перспективным: оно позволит прийти к системному пониманию проявлений цифровой токсичности, получить актуальную информацию о ее влиянии на физическую

и ментальную природу человека, а также разработать эффективные методики решения проблемы медиазависимости для гармоничного сосуществования виртуального и реального в контексте экологичной цифровой культуры.

Список источников

1. Гладышев В. И., Миляева Е. Г., Пеннер Р. В. Человек в сети: одиночество и общение // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 4 (34). С. 63–81.
2. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М. : Инфра-М, 2004. 768 с.
3. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология : учебное пособие. Кемерово : КемГУ, 2012. 248 с.
4. Лещинская Е. А. Особенности медийной аскетике как феномена цифровой эпохи // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : Межвузовский сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов 20-й Международной конференции и финалистов XIV Международного конкурса. Вып. 21. СПб., 2021. С. 164–169.
5. Палеева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 2 (8). С. 61–65.
6. Полудина В. П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 386–394.
7. Рыжкина А. А. О методах анализа концепта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 117–120.
8. Сиденкова А. П. Уместность применения дименсионального подхода к изучению тяжелых когнитивных расстройств позднего возраста // Уральский медицинский журнал. 2018. № 12 (167). С. 5–11.
9. Соловьев Д. Н., Белоус П. Э. Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2 (8). С. 77–92.
10. Хакимова Е. М. Медиабулимия как форма токсичного поведения в цифровой среде // Динамика медиасистем. Том 3, выпуск 1: материалы IV научно-практической конференции PMMIS (Post-massmedia in the informational society) «Медиатекст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. С. 339–344.
11. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Влияние цифровой парадигмы социального развития на структуры здоровья человека // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 5. С. 145–155.
12. Шрайбер А. М. Информационная перегрузка или жизнь в эпоху «золотых рыбок» // PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии : материалы Всероссийских научно-практических конференций с международным участием : в 3 ч. Ч. 3. Красноярск, 2022. С. 305–310.
13. Gross B. M. The managing of organizations: The administrative struggle. New York : Free Press of Glencoe, 1964. 971 p.
14. Toffler A. A Future Shock. New York : Random House, 1970. 505 p.

References

1. Gladyshev VI, Milyaeva EG, Penner RV. A person on the web: loneliness and communication. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki = PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*. 2022;(4(34):63-81. DOI 10.23951/2312-7899-2022-4-63-81. (In Russ.).
2. Dobrenkov VI, Kravchenko AI. Methods of Sociological Research. Moscow, INFRA-M; 2004. 768 p. (In Russ.).
3. Kolesov VV, Pimenova MV. Conceptology. Kemerovo, KemGU; 2012. 248 p. (In Russ.).
4. Leshchinskaya EV. Features of media asceticism as a phenomenon of the digital age. In: *Sovremennaya mediasreda: tradicii, aktual'nye praktiki i tendencii. Vzglyad molodyh issledovatelej. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot studentov, magistrantov i aspirantov 20-j Mezhdunarodnoj konferencii i finalistov XIV Mezhdunarodnogo konkursa* [Contemporary media environment: traditions, topical practical aspects and tendencies.

Young researchers view: inter-academic collection of scholarly papers of students and postgraduate students]. St. Petersburg: Mediapapir; 2021. Pp. 164–169. (In Russ.).

5. Paleeva EV. Conceptual Analysis as a Method of Linguistic Research. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Theory of Language and Intercultural Communication*. 2010;(2(8):61-65. (In Russ.).

6. Poludina VP. The impact of information noise on consumer society in the internet. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = The journal of sociology and social anthropology*. 2011;(14(5):386-394. (In Russ.).

7. Ryzhkina AA. About methods of the analysis of the concept. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2014;(11(172):117-120. (In Russ.).

8. Sidenkova AP. The relevance of the measuring approach to the study of severe cognitive disorders of later age. *Ural'skij medicinskij zhurnal = Ural Medical Journal*. 2018;12(167):5-11. (In Russ.).

9. Solov'ev DN, Belous PE. Mediaasceticism as a phenomenon of the digital culture. *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva = Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 2014;2(8):77-92. (In Russ.).

10. Khakimova EM. Media bulimia as a form of toxic behavior in the digital environment. In: Dynamics of Media Systems. Vol. 3, iss. 1. Chelyabinsk, 2023. Pp. 339–344. (In Russ.).

11. Shevchenko OM, Shtofer LL. The impact of the digital paradigm of social development on the structures of human health. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*. 2022;(11(5):145-155. (In Russ.).

12. Shrajber AM. Information overload or life in the age of «golden fishes». In: PR i reklama: tradicii i innovacii. Svyazi s obshchestvennost'yu: smysly i tekhnologii. Krasnoyarsk; 2022. Pp. 305–310. (In Russ.).

13. Gross BM. The managing of organizations: The administrative struggle. New York, Free Press of Glencoe; 1964. 971 p.

14. Toffler A. A Future Shock. New York, Random House; 1970. 505 p.

Информация об авторе

Е. М. Хакимова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью».

Information about the author

E. M. Khakimova — Doctor of Philological Sciences, Docent, Professor of the Department of Journalism Advertising and Public Relations.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 347.78.034

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИНОСТРАННЫХ АНТРОПОНИМОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Елена Алексеевна Хамаева

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия,
e.khamaeva@my.mgimo.ru

Аннотация. Осуществляется попытка освещения и анализа проблем передачи иноязычных антропонимов на китайский язык с точки зрения лингвистической теории перевода. В частности, поднимается вопрос неоднозначности используемых переводческих трансформаций. Под неоднозначностью имеется в виду отсутствие единого общепринятого правила транскрибирования, устойчивого механизма, использующегося в процессе транскрипции иностранного имени, что приводит к проблемам и неудобствам в переводе. Цель статьи заключается в попытке анализа переводческих трансформаций, используемых в передаче антропонимов на китайский язык, попытке вскрыть их неоднозначность, которые порой не только не регламентируют процесс перевода, но и нередко предполагают множественный выбор. В частности, традиционные для европейских языков правила перевода антропонимов функционируют в усеченном виде.

Ключевые слова: перевод антропонимов, переводческие трансформации, транскрипция, транслитерация, калькирование

Для цитирования: Хамаева Е. А. Проблемы перевода иностранных антропонимов на китайский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 142–149.

Original article

PROBLEMS OF TRANSLATING FOREIGN ANTHROPONYMS INTO THE CHINESE LANGUAGE

Elena A. Khamaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e.khamaeva@my.mgimo.ru

Abstract. The article analyzes the problems of translating foreign anthroponyms into Chinese language from the point of view of the linguistic theory of translation. In particular, the question of the ambiguity of the translation transformations used is raised. Ambiguity refers to the absence of a single generally accepted transcription rule, a stable mechanism used in the process of transcription of a foreign name, which leads to problems and inconveniences in translation. The purpose of the article is to analyze the transformations used in the translation of anthroponyms into Chinese, to reveal their ambiguity, which sometimes not only do not regulate the translation process, but often involve multiple choice. In particular, the rules for translating anthroponyms, which are traditional for European languages, in Chinese function atypically.

Keywords: translation of anthroponyms, translation transformations, transcription, transliteration, loan translation

For citation: Khamaeva EA. Problems of translating foreign anthroponyms into the Chinese language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):142-149. (In Russ.).

Введение

Передача имен собственных на иностранный язык обычно не относится к числу серьезных проблем перевода: способы и методики определены, используемые трансформации ограничены,

устойчивые соответствия представлены в учебной литературе. Однако, как показывает предварительный анализ, по-другому дело обстоит в переводе личных имен на китайский язык.

Несмотря на то, что данный вопрос представляет собой актуальную проблему, с которой ежедневно сталкиваются переводчики, количество

научных исследований по теме не столь велико. Ключевыми работами лингвистической теории перевода, в которых рассматриваются проблемы переводческой ономастики с китайским языком, являются учебные пособия Л. Р. Концевича [8] и В. Ф. Щичко [14].

Новые же работы, посвященные переводу антропонимов (и других видов онимов) на китайский язык, преимущественно имеют литературоведческий уклон и связаны с проблемами перевода имен персонажей в художественных (религиозных, исторических) произведениях [13; 2; 10; 1], во фразеологических единицах [6] или кинодиалоге [9], что представляет собой несколько иную проблематику и соотносится скорее с литературоведческой теорией перевода.

Объектом исследования в статье выступили иностранные антропонимы (европейских языков), предметом — проблема перевода иноязычных антропонимов на китайский язык.

В исследовании используются такие методы лингвистических исследований, как описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретативный, структурный.

Кроме того, интерес представляет то, что такие объективные лингвистические характеристики китайского языка, как наличие идеографической письменности и обладающие прозрачной внутренней формой китайские иероглифы, наделяют иностранное имя дополнительной культурно-специфической коннотацией. В некоторой степени можно говорить о том, что иностранные имена интегрируются в китайскую ономастическую культуру, которая предполагает осмысливание любого имени.

Отдельную проблему в ономастике составляет перевод имен собственных (в частности, антропонимов). Имена собственные являются неотъемлемой частью коммуникации и играют роль своеобразного «межъязыкового, межкультурного мостика» [5. С. 3]. По словам Д. Ермоловича, «это ценное свойство собственных имен, однако, породило распространенную иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и при переводе с него. Из-за этого... о них почти ничего не говорится в учебниках по языку и переводу» [5. С. 3].

В переводе имен собственных традиционно используются такие трансформации, как транслитерация, транскрипция, калькирование. Кроме того, встречаются так называемые «традиционные» варианты перевода, не подчиняющиеся правилу, но тем не менее по тем или иным причинам

возникшие и функционирующие в языке. Кратко характеризуя указанные трансформации, необходимо напомнить, что транслитерация — «способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв языка перевода» [7. С. 250]. Например, Newton — Невтон.

Транскрипция — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв языка перевода [7. С. 250] или «передача звуковой формы иностранного имени, максимально приближенной к форме языка оригинала» [3. С. 470]. Например, Newton — Ньютон. Калькирование — способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода [7. С. 247]. Например, Красная площадь — Red Square.

В переводе на китайский язык указанные трансформации также актуальны, но в несколько другой степени. Рассмотрим проблемы использования универсальных переводческих трансформаций в условиях китайского языка.

Транслитерация. Внутренняя форма термина «транслитерация» («транс — переход», «литера — буква») говорит о том, что данный вид трансформации в переводе на китайский язык невозможен по нескольким причинам. С одной стороны, в китайском языке есть алфавит, то есть потенциально побуквенный перевод возможен. С другой же стороны, «в китайском языке минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение... является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема» [12. С. 43]. Тот факт, что в изолирующих языках функция конкретного смысловыражения в узком смысле в настоящее время закреплена за слогом, — это, конечно, специфическая черта изолирующих языков [12. С. 45].

Фиксированный характер слога в формоизолирующих языках (позиционная закреплённость разных звуков в составе слога, минимальные возможности варьирования и переразложения слогов) обуславливает стабильность количества разных слогов [12. С. 147]. В современном нормативном китайском языке насчитывается около 400 основных слогов, различающихся по звуковому составу [11. С. 16]. Такой способ перевода, когда некоторому звуку иностранного языка подбирается целый слог китайского языка с близким

звучанием, скорее является транскрипцией, чем транслитерацией.

Следует напомнить, что транскрипция «является главным современным принципом передачи онимов на русском языке» [5. С. 19], поскольку при передаче имен собственных ставится задача как можно точнее передать средствами принимающего языка (то есть языка перевода) звучание исходного имени. В условиях же китайского языка и транскрипция в некоторой степени ограничена — разные звуки иностранных языков вынуждены подстраиваться под комбинации из 400 слогов, которыми располагает данный язык. В результате получившаяся в китайском языке транскрипция иностранного имени порой существенно отличается от оригинала. Таким образом, первая проблема передачи иностранных антропонимов на китайский язык заключается в том, что иностранное имя становится фонетически «далеким» от оригинала, часто практически неузнаваемым. И это при том, что сам термин «перевод» в контексте перевода имен собственных иногда считается неуместным, поскольку они закрепляются за предметом в индивидуальном порядке и «должны в принципе служить для обозначения этого предмета не только в какой-то одной языковой среде, но и в других языковых и культурных средах. Другими словами, имя собственное не должно (в принципе) заменяться на какое-то другое обозначение, когда о его носителе говорят или пишут на другом языке» [5. С. 14].

Тем не менее иностранное имя, транскрибированное на китайский язык, нередко становится неузнаваемо. Такие примеры транскрипций иностранных имен на китайский язык, как Arnold Schwarzenegger — 阿诺德施瓦辛格 Ānuòdé Shīwǎxīngé (в русской транскрипционной системе читается Анодэ Шивасиньгэ), Donald Trump — 唐纳德特朗普 Tángnàdé tèlǎng pǔ (Таннадэ Тэланпу), Angela Merkel — 安吉拉默克尔 Ānjīlā mòkè'ěr (Аньцила Мокээр) и т. д., могут стать очередными примерами своеобразности звучания иностранного имени на китайском языке.

Объективные особенности китайского языка — не единственная причина, приводящая к фонетическим «отклонениям» личных имен при переводе, иногда к ошибкам приводят и субъективные факторы. Представляют интерес примеры В. Ф. Щичко в учебнике по теории перевода. Известного сыщика Шерлока Холмса в китайском языке принято называть 福尔摩斯 Фуэрмосы. Вызвано это тем, что впервые на китайский язык рассказы Конан Дойла перевел 林琴南 Линь

Циньнань, который был выходцем из провинции Фуцзянь, а в фуцзяньском диалекте иероглиф 福 фу читается как хо, поэтому с точки зрения переводчика имя в данном случае было передано правильно» [14. С. 33]. Для других же жителей Поднебесной Холмс навсегда приобрел фонетическую форму Фуэрмосы.

Или пример о Чапаеве, который в китайском языке приобрёл «вид» 夏伯阳 Xiàbóyáng (Сябоян). По словам автора, в этом звучании трудно узнать «Чапаева», настолько далеко отстоит китайская транскрипция от его русского произношения. Предполагают, что данное искажение произошло потому, что имя знаменитого комдива пришло в китайский язык из английского, а переводчик при этом еще и перепутал окончание — *-ev* с *-en* и передал его иероглифом 阳 ян [14. С. 30]

Проблема транскрипции привлекала внимание ученых с давних пор. Еще в 1928 г. были изданы «Пособие по китайской транскрипции» Е. Д. Поливанова и Н. Попова-Тативы, в 1929 г. «Краткое руководство по правописанию китайских слов» Г. С. Кара-Мурзы, в 1966 г. «Пособие по транскрипции и правописанию китайских слов» С. А. Мацаева и В. Г. Орлова. Кроме того, в 1960-е гг. проблемами транскрипции активно занимались в Академии наук СССР, привлекая к работе ведущих китаистов-лингвистов, специалистов по общим вопросам транскрипции и ономастики, а также представителей издательств и практических организаций — докторов филологических наук В. М. Солнцева, М. К. Румянцева, М. В. Софронова, А. В. Суперанскую; кандидатов филологических наук Ю. Я. Плам, А. Л. Семенас, О. И. Завьялову, Л. П. Калакуцкую, И. Д. Кленина, Л. Р. Концевича, Н. В. Подольскую, а также В. В. Ежкова, Н. Б. Зубкова, И. Н. Лобачеву, Я. А. Миропольского, В. П. Федотова [8. С. 9].

Ключевым изданием по данной проблеме следует признать пособие по транскрипции Л. Р. Концевича «Китайские имена собственные и термины в русском тексте» 1980-х гг., переработанное в 2002 г. [8]. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что выработанные правила преимущественно касаются проблемы передачи имен с китайского на русский язык, а также то, что под именами собственными преимущественно имеются в виду географические названия.

Проблемам транскрипции с русского на китайский посвящен лишь последний параграф книги, сформулированный под названием «Таблицы транскрибирования зарубежных географиче-

ских названий китайскими иероглифами». Следует подчеркнуть, что правила преимущественно сформулированы для транскрипции географических названий, но, исходя из авторских комментариев к таблице соответствий, эти правила актуальны и для перевода других видов онимов, включая антропонимы.

Если рассмотреть таблицу № 14 русско-китайских соответствий в пособии Л. Р. Концевича подробнее, то можно заметить, что определенному звуку или сочетанию в русском языке соответствует один вариант перевода, один иероглиф (знак) с «близким» звучанием, редко — два. Например, звук «б» по-китайски предлагается записывать знаком 布, который в китайском произносится «bù», а звук «ба» — знаками 巴 “bā” или 芭 «bā» [8. С. 250]. Судя по содержанию таблицы, основной критерий, согласно которому подобраны перечисленные знаки, — их семантическая нейтральность: представленные иероглифические соответствия либо утратили исходное значение, либо близки к асемантичности, либо обладают нейтрально-положительным значением. Например, знак 巴 «bā» может использоваться в транскрипции иностранных звуков потому, что в самом китайском языке нередко используется для записи имен собственных: 1) ист. геогр. Ба (княжество на террит. нынешней пров. Сычуань; дин. Чжоу); 2) геогр. Ба (название восточной части пров. Сычуань); 3) геогр. Ба (город Чунцин и Басянь (Чунцинский)); 4) геогр. (сокр. в. 巴河) река Бахэ, 巴口 устье р. Бахэ; 5) геогр. (сокр. в. 巴基斯坦) Пакистан; 6) Ба (фамилия)¹. Кроме того, указанные знаки являются своего рода «универсальными», поскольку используются в транскрипции имен из разнообразных языков, не только русского или других европейских.

Вместе с тем, как показывает практика, утвержденные правила и рекомендации довольно часто нарушаются. Причины нарушения разнообразны: от незнания правил, которые действительно сложно найти даже в интернет-пространстве, до сознательного отказа от правила в угоду благозвучности, выбора знаков с определенной семантикой, наличия традиционного варианта перевода и т. д.

Транскрипционный перевод на китайский язык в той или иной степени условен и поэтому нередко на практике осуществляется довольно свободно. Например, имя Ольга может иметь та-

¹ Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%B7%B4>

кие варианты перевода, как 奥里亚 Àoliyǎ, 奥尔加 Àoěrgjiā, 欧尔加 Ōuěrgjiā, 欧里亚 Ōuliyǎ и т. д., в зависимости от благозвучия и предпочтений самого носителя имени — нравится ли в начале сочетание Ào или Ōu; полная форма Ольга (соответственно, 欧尔加 Ōuěrgjiā) или сокращенная Оля (欧里亚 Ōuliyǎ). При этом, поскольку система русских имен для китайцев знакома в той же степени, что и китайская — носителю русского языка, китайцы обычно не чувствуют стилистической разницы между полной формой имени или сокращенной, поэтому любой из вариантов перевода может использоваться в официальной документации (Ольга или Оля).

Нередко перевод иностранных имен на китайский язык просят осуществить носителя языка, так как именно носитель языка знаком с культурой и традициями выбора имени и теми знаками, которые обычно используются в антропонимах. Дело в том, что ономастическая система китайцев сложна и выбор тех или иных иероглифов в составе имени имеет большое значение (семантика, синтактика, прагматика как каждого знака в отдельности, так и в двух-трехсложном сочетании полного антропонима). Если «имядатель» (или переводчик имени) не в курсе особенностей китайской ономастики, могут возникнуть неудобные ситуации. Например, имя Александр на китайский традиционно переводится вариантом 亚历山大 Yàlishāndà (и женский, и мужской варианты). Однако на визитных карточках встречаются варианты 雅历山大 Yǎlishāndà. Произносится данный вариант так же, как и предыдущий традиционный, но разница заключается в семантике и коннотациях первого знака 雅 Yǎ, который дословно значит «изысканный, утонченный» и в китайской культуре обладает широким кругом ассоциаций, его использование в составе имени может повлечь ненужные интерпретации.

На современном этапе появились электронные переводчики, осуществляющие транскрипционный перевод имен собственных на китайский язык в считанные секунды. Эта электронная система автоответствий, когда определенному звуку или сочетанию русского языка (или других европейских) подбирается созвучный слог в китайском языке, обозначаемый определенным иероглифом, в целом проста. Проблема заключается в том, что многие из них осуществляют перевод в соответствии с заложенными программой комбинациями и не всегда учитывают традиционные и устоявшиеся варианты перевода. Например, имя Борис Джонсон согласно электронному

словарю БКРС переводится 博里斯忠松 Bólǐsī Zhōngsōng¹, что с точки зрения фонетической близости действительно более «правильный» вариант. Тем не менее всем известно, что имя английского политика по-китайски записывается 鲍里斯约翰逊 Bào lǐsī Yuē hàn xùn. Данный пример заслуживает отдельного комментария и иллюстрирует следующую проблему перевода антропонимов на китайский язык.

Дело в том, что одним из требований к подбору знаков для фонетической записи китайскими иероглифами иностранного имени, как уже упоминалось, является их семантическая нейтральность или положительность. Однако первый знак в имени Борис 鲍 bào таким можно назвать с трудом, первое значение этого знака «соленая сушеная рыба; тухлая рыба». Об этом говорит и грамматологический уровень знака — в его составе в левой позиции ключ «鱼 рыба», что также не очень типично для знаков фонетической записи иностранного имени. Подобный перевод является традиционным и устоявшимся эквивалентом имени Борис в китайской культуре.

Представляет интерес и фамилия Джонсон. Несмотря на транскрипционный перевод и «фонетическое соответствие», нельзя не признать, что вариант 约翰逊 yuē hàn xùn (в русской транскрипции Юэханьсюнь) скорее близок фамилии «Йохансон», чем «Джонсон». Подобный вариант перевода также объясняется традицией, поскольку устоявшимся переводом имени «Джон» в китайском языке является 约翰 yuē hàn (Юэхань (от «Йохан»)): данное имя в китайском языке первоначально появилось, так сказать, в «германском» облики. Таким образом, еще одной из проблем следует признать незнание исключений из правил транскрипционного перевода, а именно традиционных вариантов перевода тех или иных имен.

Отдельную сложность составляет факт возможного сосуществования в языке нескольких вариантов перевода одного и того же антропонима. Например, фамилия «Сталин» раньше имела такой ряд написаний: 斯大林 сытайлинь, 史达林 шидалинь, 史丹林 шиданьлинь, 史太林 шитайлинь, пока не утвердилось написание 斯大林 сыдалинь [14. С. 30]. Фамилия «Гоголь» также «пережила» четыре разных варианта транскрибирования: 果歌里 гогэли, 鄂郭里 эголи, 郭戈里 гогэли, 歌郭礼 гэгэли, и только сейчас пишется 果哥理 гогэли.

В случае советского и более отдаленных исторических периодов данный факт еще заслуживает понимания, но почему проблема существует до сих пор, когда любое имя можно найти в интернете и перепроверить? Например, имя известного американского актера Джонни Деппа (Johnny Depp) в китайском интернет-пространстве присутствует как минимум в трех-четырёх разных «ипостасях» перевода: 约翰尼德普 Yuēhànní dépǔ (Юэханьни Дэпу); 强尼戴普 Qiángní dàipǔ (Цянни Дайпу); 强尼德普 Qiángní dépǔ (Цянни Дэпу); 尊尼特普 Zūnní tèpǔ (Цзюньни Тэпу)² 忠尼杰普 (Чжунни Цзепу)³.

Примеры перевода имени актера говорят о том, что в информационном пространстве одновременно сосуществуют по меньшей мере три варианта перевода имени «Джонни» и четыре варианта перевода фамилии «Депп» в китайском языке. При этом чаще всё же используются первый и второй варианты, возникновение которых, по всей видимости, имеет региональное и даже политическое объяснение. Один вариант чаще встречается в источниках материкового Китая (约翰尼德普 Yuēhànní dépǔ), а второй, напротив, на Тайване (强尼戴普 Qiángní dàipǔ), но и эта закономерность «работает» не всегда: разные варианты варьируются, комбинируются между собой.

Несмотря на многие и многие примеры многовариантности в переводе иностранных антропонимов, всё же имена некоторых политиков переводятся устоявшимися сочетаниями. Например, Владимир Путин (弗拉基米尔普京 Fúlājīmǐ'ěr pǔjīng), Дональд Трамп (Donald Trump — 唐纳德特朗普 Tángnàdé tèlǎngpǔ) переводятся достаточно единообразно и устойчиво. Вместе с тем имя Ангелы Меркель (Angela Merkel) всё же встречается в нескольких вариантах: 安格拉默克尔 Āngélā mòkè'ěr (Ангэла Мокээр), 安吉拉默克尔 Ānjīlā mòkè'ěr (Аньцила Мокээр) и 安格拉梅克尔 Āngélā méikè'ěr (Ангэла Мэйкээр); Эммануэль Макрон (Emmanuel Macron) также имеет два варианта перевода: 埃马纽埃尔马克龙 Āimǎniū'āi'ěr mǎkèlóng (Айманюайэр Макэлон); 伊曼纽尔马克龙 Yīmànniū'ěr mǎkèlóng (Иманюэр Макэлон).

Представляет интерес тот факт, что имя «Владимир» в отдельности от какой-либо фамилии в китайских источниках предлагается с таких вариантах, как 弗拉基米尔 Fúlājīmǐ'ěr; 弗拉季米尔

¹ Большой китайско-русский словарь (БКРС).

² URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1734533594536646295&wfr=spider&for=pc>

³ Большой китайско-русский словарь (БКРС).

Fúlājímǐ'ěr; 弗拉迪米尔 Fúlādímǐ'ěr; 夫拉季米尔 Fúlājímǐ'ěr¹. Если первые три варианта отличаются только одним знаком (третьим: 基, 季, 迪), то последний отличается уже двумя. Подобный «множественный выбор», по всей видимости, обусловлен тем, что все три знака (基, 季, 迪), во-первых, допускаются в транскрипции иностранного сочетания «ди», во-вторых, не запрещены в употреблении в составе китайских личных имен, соответственно, если речь не идет о прецедентном имени, переводчик в праве варьировать выбор знаков в данной транскрипции.

Проведенный анализ говорит о том, что вариативность перевода снижается среди прецедентных антропонимов (пример со способом перевода имени Владимира Путина или Дональда Трампа), в то время, как перевод имени «Владимир» безотносительно конкретной личности вполне допускает разные способы транскрибирования.

Вышеперечисленные примеры могут говорить о том, что правила транскрипции антропонимов на китайский язык нельзя назвать строгими, они допускают определенную вариативность. При этом под влиянием глобализации китайский перевод иностранного имени нередко сопровождается исходным написанием имени на английском / французском и т. д., а иногда и вовсе не переводится, а входит в исходном виде в сплошной иероглифический текст.

Основная проблема передачи иностранного имени на китайский язык обусловлена различиями в системах письменности, а именно наличием идеографического письма, иероглифов в китайском языке, которые нередко подбираются в переводе антропонимов некорректно. Иероглифы не только обладают своей «графической» семантикой (и их компоненты в том числе), которую надо учитывать, но они также, являясь частью культурологического и ономастического измерения, регламентируют выбор или запрет использования определенных знаков в составе имени.

Транскрипция на китайский язык, таким образом, сопряжена с транскодированием письменности, когда знаки фонетической письменности перекодируются в знаки идеографической письменности. При этом данная «перекодировка» сопряжена с тем, что иероглифика, обладая собственной семантикой, привносит дополнительное содержание в переведенный транскрипцией иностранный «термин». Данное явление еще в середине XX в. объяснял выдающийся отечествен-

ный синолог В. М. Солнцев: «Говорящие на изолирующих языках стремятся как бы осмысливать посложно фонетические заимствования из иностранных языков. Для передачи заимствованных слов обычно подбираются такие значащие односложные единицы (а на письме соответствующие этим единицам иероглифы), которые позволяют в какой-то мере «осмыслить» заимствованное слово. Например, иноязычное слово «витамин» записывается тремя иероглифами (по количеству слогов) с соответствующим значением: wéitāmìng, что буквально значит «поддерживать + он (его) + жизнь» [12. С. 51].

Калькирование, или поморфемый перевод, преимущественно используется в передаче географических названий, в случае же антропонимов встречается редко (лишь в случае «говорящих имен», например, литературных персонажей). Данный факт, во-первых, может быть объяснен тем, что антропонимы европейских языков нечасто наделены прозрачной внутренней формой, поддающейся семантическому переводу. Во-вторых, согласно науке ономастике, основные функции личного имени — идентифицирующая и индивидуализирующая. Соответственно, одним из ключевых требований к переводу личного имени является его сходность репрезентации в разных языках, которая бы способствовала упрощению идентификации личности-носителя имени.

Подводя итог, следует сказать, что в переводе антропонимов на китайский язык преимущественно используется транскрибирование. При этом механизм транскрипции не является жестко регламентированным: правила существуют, но на определенном уровне не являются строго облигаторными. Например, в передаче иностранного звука может использоваться одна слогоморфема, но в различной иероглифической «реализации», разными иероглифическими знаками. Данный факт, по всей видимости, можно объяснить не только лингвистическими (нейтральной семантикой знака или личными пристрастиями к семантике знака), но и экстралингвистическими причинами (культурологическими и ономастическими представлениями китайцев). Кроме того, встречаются случаи, когда иностранный звук передается на китайский язык разными, но близкими по звучанию слогоморфемами. Подобная вариативность, с одной стороны, свойственна транскрибированию как механизму перевода, но, с другой стороны, в китайском языке реализуется своеобразно, поскольку сопряжена

¹ URL: <https://fanyi.baidu.com/?aldtype=85#en/zh/vladimir> (accessed 15.02.2022)

с использованием идеографических знаков (иероглифов), которые обладают собственной семантикой.

Транслитерация, как переводческая трансформация, на китайский язык по объективным причинам не осуществляется. Калькирование в пе-

реводе антропонимов на китайский встречается редко по причине различного устройства ономастических систем. Поскольку имена европейцев не обладают прозрачной внутренней формой, то и необходимость в их семантическом переводе отпадает.

Список источников

1. Ван Ляньцэнъ. Перевод имен собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка») // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 57–65.
2. Варакина М. И., Левченко Я. А. Анализ перевода топонимов, антропонимов и реалий с русского на китайский язык (на материале исторических текстов) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и КНР / Забайкальский государственный университет ; отв. ред. Е. А. Юйшина. Чита, 2019. С. 126–130.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
4. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : АСТ : Восток—Запад, 2007. 284 с.
5. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001. 200 с.
6. Кобжицкая О. Г. Перевод антропонимов в китайских фразеологизмах // Профессиональное лингвообразование : материалы 15-й международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2021. С. 459–462.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте : пособие по транскрипции. М. : Муравей, 2002. 263 с.
9. Кремнёв Е. В. Перевод антропонимов в китайском кинодиалоге // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод / Горшкова В. Е., Колодина Е. А., Кремнёв Е. В., Фирсова Е. О., Федотова И. П. Иркутск : Издательство ИГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 134–142.
10. Лю Юнься. К вопросу сохранения национально-культурного своеобразия антропонимов при переводе художественных текстов // E-SCIO. 2021. № 4 (55). С. 55–61.
11. Практический курс китайского языка : учебник : в 2 т. / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр. М. : Восточная книга, 2010. Т. 1. 768 с.
12. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Восточная литература РАН, 1995. 352 с.
13. Хуснуллина Р. Р., Хоу Мэнвэй. Антропонимы как атрибут перевода (на примере перевода «Кроткой» Ф. М. Достоевского на английский и китайский языки // Казанская наука. 2019. № 3. С. 7–10.
14. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учебное пособие. 2-е изд. М. : АСТ : Восток—Запад, 2007. 223 с.

References

1. Wang Lianchen. Perevod imen sobstvennyh s russkogo na kitajskij yazyk (na materiale perevoda povesti O. Mandel'shtama «Egipetskaya marka»). *Mir russkogovorjashhijh stran = World of Russian-speaking countries*. 2020;(2(4)):57-65 (In Russ.).
2. Varakina MI, Levchenko JaA. Analiz perevoda toponimov, antroponimov i realij s russkogo na kitajskij yazyk (na materiale istoricheskijh tekstov). In: *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju ustanovlenija diplomaticeskijh otnoshenij mezhdru Rossiej i KNR. Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet; editor E. A. Jujshina = Materials of the International scientific conference*. Chita; 2019. Pp. 126–130 (In Russ.).
3. Garbovskij NK. Teorija perevoda = Translation theory. Moscow; 2004. 544 p. (In Russ.).
4. Gotlib OM. Osnovy grammatologii kitajskoj pismennosti = Fundamentals of Chinese Grammar. Moscow, AST, Vostok-Zapad; 2007. 284 p. (In Russ.).

5. Ermolovich DI. Imena sobstvennye na styke jazykov i kultur = Proper names at the intersection of languages and cultures. Moscow, R. Valent; 2001. 200 p. (In Russ.).
6. Kobzhickaja OG. Perevod antroponimov v kitajskih frazeologizmah. In: Professionalnoe lingvoobrazovanie = Professional linguoeducation. N. Novgorod, 2021. Pp. 459–462. (In Russ.).
7. Komissarov VN. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects). Moscow, Vysshaja shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
8. Koncevich LR. Kitajskie imena sobstvennye i terminy v russkom tekste = Chinese proper names and terms in Russian text. Moscow, Muravej; 2002. 263 p. (In Russ.).
9. Kremnjov EV. Perevod antroponimov v kitajskom kinodialoge = The translation of anthroponyms in Chinese movie-dialogue. In: Gorshkova VE, Kolodina EA, Kremnyov EV, Firsova EO, Fedotova IP. Kinodialog. Obraz-smysl. Perevod. Irkutsk; 2014. Pp. 134–142. (In Russ.).
10. Liu Yunxia. K voprosu sohraneniya nacional'no-kul'turnogo svoeobrazija antroponimov pri perevode hudozhestvennyh tekstov. *E-SCIO*. 2021;(4(55)):55-61. (In Russ.).
11. Prakticheskij kurs kitajskogo jazyka = Practical Chinese course. Ed. by AF Kondrashevskij. Moscow, Vostochnaja kniga; 2010. 768 p. (In Russ.).
12. Solncev VM. Vvedenie v teoriju izolirujushhijh jazykov = Introduction to the theory of isolating languages. Moscow, Vostochnaja literatura RAN; 1995. 352 p. (In Russ.).
13. Husnullina RR, Hou Mengwei. Antroponimy kak atribut perevoda (na primere perevoda «Krotkoj» F. M. Dostoevskogo na anglijskij i kitajskij jazyki. *Kazanskaja nauka = Kazan Science*. 2019;(3):710. (In Russ.).
14. Shhichko VF. Kitajskij jazyk. Teorija i praktika perevoda = Chinese language. Theory and practice of translation. Moscow, AST Vostok-Zapad; 2007. 223 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Е. А. Хамаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков.

Information about the author

E. A. Khamaeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao Languages.

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 04.08.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 80

СТОХАСТИЧНОСТЬ И ЭНТРОПИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Елена Владимировна Шелестюк¹, Екатерина Алексеевна Щетинкина²✉

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹shelestiuk@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4254-4439

²ekaterina8422@yandex.ru

Аннотация. Обсуждаются понятия стохастичности и энтропии текста, изучаются способы их измерения, рассматриваются спорные вопросы этих понятий и метрик. Выявляется связь стохастичности и энтропийности с категориями лингвистики текста (интегративностью и информативностью). Стохастичность текста — это непредсказуемость, хаотичность текстовых элементов, приводящая к эффекту новизны. Энтропия текста — это мера неопределенности содержания текста, она связана с объемом информации, содержащейся в данных: чем более неопределены данные, тем больше информации требуется для их описания. Стохастичность описывает вероятностные характеристики данных, тогда как энтропия является мерой неопределенности, содержащейся в них. Поскольку энтропия и стохастичность имеют корреляцию, стохастичность может быть определена путем вычисления энтропии. Однако она также рассчитывается с использованием других методов и формул, в частности, перплексии, которая оценивает вероятность появления следующего слова в тексте на основе предыдущих слов. В лингвистике текста стохастичность и энтропия могут быть связаны с интегративностью (целостностью и связностью) текста. Они также могут определять информативность текста. Стохастичность может распространяться на текстовые информативные блоки и весь текст. Она создает семантическую сеть значений с внутренней целостностью и может определять семантическую и тематическую целостность текста (как часть интегративности). Уменьшение/рост энтропии связаны с уменьшением/усилением информации в тексте, т. е. энтропия имеет основополагающее значение для измерения информативности текста. Она также может измерять связность текста (как часть интегративности) на основе количества, глубины и повторяемости элементов n -грамм. Такой «эмпирико-синтаксический» подход измеряет связность и информативность по чисто формальным показателям. Однако энтропия и стохастичность не всегда точно отражают информативность и интегративность текста из-за факторов читабельности, понятности текста, его восприятия как истинного и разумного.

Ключевые слова: стохастичность текста, энтропия текста, перплексия, n -грамма, редукция энтропии, случайность, неопределенность, текстовые категории, интегративность, сюрпризал, информативность

Для цитирования: Шелестюк Е. В., Щетинкина Е. А. Стохастичность и энтропия в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 150–165.

Original article

STOCHASTICITY AND ENTROPY IN LINGUISTICS

Elena V. Shelestyuk¹, Ekaterina A. Shchetinkina²✉

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹shelestiuk@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4254-4439

²ekaterina8422@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concepts of text stochasticity and entropy of the text and methods for measuring these phenomena. They are two metrics providing a computational level explanation of how the probability and uncertainty of text units affect its cognitive processing. The connection of stochasticity and entropy with the categories of text linguistics — integrativity and informativeness — is revealed. Text stochasticity is unpredictability, randomness of text elements resulting in a novelty effect. Text entropy is a measure of the uncertainty associated with text data, it is related to the amount of information contained in the data; the more uncertain the data, the more information is required to describe it. Stochasticity describes the probabilistic characteristics of data, whereas entropy is a measure of the uncertainty contained in them. Since entropy and stochasticity have a correlation, stochasticity can

be determined through the calculation of entropy. However, it is also calculated using other methods and formulas, particularly, perplexity, which estimates the probability of the next word in a text based on the previous words. In text linguistics, stochasticity and entropy can be related to the integrativity (coherence and cohesion) of the text. They can also determine the informativeness of the text. Stochasticity can extend to text informative blocks and the entire text. It creates a semantic network of meanings with intrinsic integrativity and can determine the semantic and thematic coherence of the text (as part of integrativity). A decrease/increase in entropy is associated with a decrease/increase in information in the text, i.e. entropy is fundamental for measuring the information content of the text. It can also measure text cohesion (as part of integrativity) based on the number, depth, and repeatability of n-gram elements. Such an “empirical-syntactic” approach measures integrativity and informativeness by purely formal indicators. However, entropy and stochasticity do not always accurately reflect the informativeness and integrativity of the text due to the factors of readability, comprehensibility of the text, its perception as true and rational.

Keywords: text stochasticity, text entropy, perplexity, n-gram, entropy reduction, randomness, uncertainty, text categories, integrativity, surprisal, informativeness

For citation: Shelestyuk EV, Schetinkina EA. Stochasticity and entropy in linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):150-165. (In Russ.).

Введение

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении понятий стохастичности и энтропии в приложении к лингвистике текста. Новизна работы определяется тем, что в настоящее время нет лингвистически релевантных сопоставлений этих смежных понятий теории информации и языкового моделирования. Гипотеза исследования заключается в том, что метрики стохастичности и энтропии можно эффективно использовать как для анализа свойств конкретного текста, так и для количественного и качественного анализа текстовых категорий. В свою очередь, накопленные данные могут позволить выявить закономерности текстов с разными метриками непредсказуемости/неожиданности/необычности/случайности/новизны и их восприятия в плане речевого воздействия. Методы исследования в данной статье включают анализ существующих на сегодняшний день теоретических данных об энтропии и стохастичности текста, в том числе рассмотрение противоречивых концепций в их отношении, приложение указанных понятий и метрик к текстовым категориям. Теоретическая значимость исследования определяется дальнейшей формализацией языковых (текстовых) данных с помощью моделирования и измерения информации. Практическая значимость исследования определяется применением в прикладной лингвистике, текстологии, создании и переводе текстов, обучении нейросетей и т. д.

Хаотичность и случайность как понятия, лежащие в основе энтропии и стохастичности

Разведем понятия хаотичности и стохастичности. Оба термина в общем смысле предполагают

непредсказуемость, включая семантику необычности, случайности, новизны поведения элементов/информации. В математической статистике и информатике при обсуждении вопроса об отличии хаоса от стохастичности описываются разные характеристики систем.

Во-первых, хаотический процесс не обязательно случаен, но он может быть и случайным. Термин «хаотичный» используется для процессов, в которых практически невозможно точно описать долгосрочное поведение каким-либо значимым образом, зная начальное состояние (и даже зная некоторые правила перемещения между состояниями) в связи с большим и разнообразным влиянием на поведение элементов системы разных условий.

Что касается стохастики, то практически любой набор случайных величин, обычно индексируемых временем, может быть описан как «стохастический процесс». Но наибольший интерес представляют те стохастические процессы, в которых есть своего рода «клей», удерживающий случайные величины вместе, так что их долгосрочное поведение (с течением времени) может быть описано каким-то значимым образом.

Во-вторых, хаотический процесс проявляет чувствительность к начальным условиям. Случайный же процесс предполагает, что начальные условия функционирования системы могут не иметь большого значения [18].

Случайность может объясняться свойством независимых и одинаково распределенных случайных величин (IID, или НОР). IID был впервые использован в статистике, затем IID применяется в различных областях, таких как теория вероятностей, статистика, интеллектуальный анализ

данных и обработка сигналов. Правило IID гласит, что набор случайных величин независим и одинаково распределен, если каждая случайная величина имеет такое же распределение вероятностей, как и другие, и все они взаимно независимы [16]. В теории НОР последовательность случайных величин будет считаться стохастическим процессом. Несмотря на то, что ни одно наблюдение в последовательности не помогает предсказать другие, есть ряд интересных правил поведения случайных величин, описанных, например, законом больших чисел и центральной предельной теоремой¹.

Случайность может также описываться марковскими процессами. По определению Гаусса — Маркова, такие случайные элементы имеют своего рода одноступенчатую зависимость, когда вероятность каждого события в цепи зависит только от предыдущего события. Эта вероятность может стираться или не стираться с течением времени [45].

Хаотичность же, как упоминалось выше, описывает процессы, в которых, по существу, невозможно описать долгосрочное поведение системы каким-либо значимым образом, зная начальное состояние. Подбрасывание монеты считается «хаотичным» в том смысле, что невозможно предсказать, ляжет ли монета орлом или решкой, поскольку самые небольшие различия в скорости и вращении могут определить результат. Также прогнозы погоды более чем за три-четыре дня обычно бесполезны, поскольку существует слишком много мелких факторов, которые могут повлиять на то, будет ли дождь в конкретном месте в то или иное время [15].

Итак, хаотичность элементов не подчиняется правилам, не исчисляется (хотя энтропия — мера хаоса — может быть исчислена) и определяется множеством условий. Случайность же подчиняется правилам, исчисляется и не проявляет большой чувствительности к множественным условиям.

Говорить о стохастике мы можем однозначно, если на динамику процессов действуют факторы в рамках несинергических механизмов, направленных на достижение одного результата, единой цели управления. Примеров таких процессов много в неживой природе и технике. Мы можем говорить о жестких управляющих силах или о кооперации малых регуляторных систем, действующих в одном русле. Свободное падение

¹ = функциональная теорема о центральном пределе.

с ускорением g на Земле в атмосфере будет описываться в рамках распределения Гаусса с модой, дисперсией и доверительным интервалом. Все законы физики, химии, ряд биозаконов протекают при доминировании одного или ряда синергических законов, а другие процессы (движение воздуха, флуктуации плотности и т. д. в свободном падении, например) оказывают незначительное возмущение. Для таких процессов имеем выполнение стохастических закономерностей. Сейчас понятно, что если в системе действуют много законов (без доминантных), тем более если движущие силы процессов неоднородны и асинергичны, то говорить о стохастичности таких систем в их динамике нет смысла. Такие объекты есть в живой природе [1].

Случайность и хаотичность характерны и для языка и речи (текста). Однако хаотичность как таковая в языке и речи всё же редка, она переходит в измеряемую энтропию из-за ограниченного и постоянного количества условий (например, в речи — говорящие с учетом индивидуальных коммуникативных стилей, канал, сигнал, код, речевая (знаковая) ситуация, локуция) и достаточно выраженной прагматики, целеобусловленности. Поэтому и понятие энтропии (энтропийности) в естествознании и языкознании (шире — теории информации) несколько различается: если в первом случае энтропия определяется как мера хаоса, фиксирующая, но не способная однозначно описать и предсказать долгосрочное поведение объекта, то во втором случае энтропия случайных величин является мерой среднего уровня информации, неожиданности или неопределенности, присущего возможным результатам переменной, и описывается формулой К. Шеннона.

Понятие стохастичности. Стохастичность текста

Статистическая стохастичность и энтропия являются двумя важными концепциями в науке о данных и информации. Идеи стохастичности (stochasticity, surprisal, perplexity²) и энтро-

² Перплексия — термин, который был предложен Ф. Елинеком и Р. Мерсером [30]. Соответствующая метрика оценивает, насколько точно вероятностная модель может предсказать образцы текста, и измеряет уровень неопределенности в языковой модели. Это понятие можно рассматривать как обратную вероятность текста в предположении определенной языковой модели или как обратную вероятность тестовой выборки, которая нормализуется по числу слов. С другой стороны, сюрпризал К. Шеннона измеряет количество информации, которую мы

пии (entropy) были предложены независимо друг от друга в качестве релевантных (и альтернативных) гипотез, связывающих вероятностные языковые модели и когнитивные усилия по обработке сложностей текста [12; 13; 14; 19–23; 39; 44; 52]. Эти метрики обеспечивают объяснение на вычислительном уровне того, как вероятность и неопределенность единиц текста влияют на его когнитивную обработку.

Стохастичность относится к вероятностной природе данных. В статистической терминологии стохастический процесс — это процесс, который может быть описан вероятностными методами, то есть методами, которые определяют вероятность различных событий в рамках этого процесса. Стохастичность текста определяется как непредсказуемость, неожиданность, необычность, случайность появления элементов в тексте и возникающий в результате этого эффект новизны. Однако, по существу, уже само понятие стохастичности является диалектичным: в разных контекстах оно может означать ожидаемое (вероятное, известное и т. п.) и неожиданное (невероятное, неизвестное и т. п.), а также само понятие ожидания. Обусловлено это тем, что в среднестатистическом тексте, то есть в тексте с обычной понятностью, условно каждый пятый элемент является неожиданным, новым, а четыре элемента справа и слева от него — ожидаемыми и известными.

Энтропия — это мера неопределенности, связанной с данными: чем более неопределены данные, тем выше энтропия. Точнее, энтропия связана с количеством информации, содержащейся в данных, то есть чем более неопределены данные, тем больше информации требуется, чтобы описать их. Например, в случае, когда все возможные значения равновероятны, то есть неопределенность максимальна, количество информации равно количеству возможных значений, умноженному на количество бит, необходимых для представления каждого значения.

получаем, получая конкретное сообщение. Он вычисляется с помощью логарифма обратной вероятности события и сообщает нам, насколько неожиданным или удивительным является это событие. Перplexия и сюрпризал тесно связаны между собой, но имеют различные формальные определения и используются для разных целей. Применение перplexии связано с задачами языкового моделирования и распознавания речи, в то время как сюрпризал используется в теории информации и смежных областях. В данной работе, однако, мы будем рассматривать эти термины как синонимы.

Таким образом, основная разница между стохастичностью и энтропией заключается в том, что стохастичность описывает вероятностные характеристики данных, в то время как энтропия представляет собой меру неопределенности, содержащейся в этих данных. Это взаимосвязанные, но разные величины.

Если говорить непосредственно о тексте, то и здесь присутствует корреляция: чем ниже стохастичность элементов текста, тем ниже и энтропийность самого текста. Стохастичность текста характеризует, насколько случайным образом расположены буквы/символы/слова в тексте. Если текст имеет высокую стохастичность, то буквы/символы/слова будут встречаться случайным образом, и у него будет более высокая энтропия. С другой стороны, если стохастичность элементов текста ниже, то текст будет иметь более определенную структуру, и он будет иметь более низкую энтропию. Впрочем, такая корреляция не является абсолютной закономерностью, и каждый текст может иметь свою специфику. Также следует учитывать, что стохастичность и энтропия — это математические понятия, которые не всегда могут быть легко применимы к естественному языку и текстам, которые написаны на нем.

Существует программное обеспечение, которое способно рассчитать стохастичность текста. Например, в языке программирования Python есть библиотека `nltk`, которая может быть использована для вычисления стохастичности текста. В этой библиотеке есть функция `nltk.probability.FreqDist`, которая позволяет определить частоту встречаемости каждого слова в тексте, а затем на основе этой информации можно рассчитать стохастичность. Также есть программы `Textalyser`, `TextSTAT`, `Voyant Tools` и другие, которые могут выполнять анализ текста и рассчитывать стохастичность. Эти программы могут быть особенно полезны для исследования больших объемов текста или для выполнения анализа научных статей.

При создании модели языка для расчета стохастичности текста используются различные варианты обучающих данных, такие как словари, корпусы, статистические данные и т. д. Они позволяют на основе анализа большого количества текстов определить частоту использования конкретных слов и их сочетания, что помогает улучшить точность расчета стохастичности текста. Некоторые модели языка могут быть сформированы заранее, чтобы использоваться в виде

библиотек или API для расчета стохастичности текста, в то время как другие модели могут быть созданы индивидуально под конкретные задачи и нужды пользователей.

Итак, в основном энтропия и стохастичность имеют достаточно четкую корреляцию. Исходя из этого, стохастичность может быть определена через вычисление энтропии. Для нас существенно, однако, что можно вычислить стохастичность текста без вычисления его энтропии, используя другие методы и формулы. Одним из них может быть вычисление перплексии (*perplexion*, *surprisal*), которая также является статистической мерой оценки стохастичности текста. Перплексия оценивает вероятность следующего слова в тексте на основе предыдущих слов. То есть, чем выше перплексия, тем меньше предсказуемости в тексте, тем менее связанными являются слова в тексте.

Перплексия как мера того, насколько хорошо языковая модель предсказывает последовательность слов, вычисляется как обратная вероятность тестового набора, нормализуемая по количеству слов. Перплексия тестовой последовательности $w_1, \dots, w_N$ в модели θ представлена так:

$$PPL = \sqrt[N]{\frac{1}{P(w_1, \dots, w_N | \theta)}} = \sqrt[N]{\frac{1}{\prod_{i=1}^N P(w_i | w_1, \dots, w_{i-1}, \theta)}}$$

или в экспоненциальной форме: $PPL =$

$$2^{-\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \log_2 P(w_i | w_1, \dots, w_{i-1}, \theta)}$$

¹. Концепция перплексии существует уже давно, но конкретная формула для ее вычисления в контексте обработки естественного языка часто приписывается Ф. Елинеку и Р. Мерсеру (1980), которые предложили использовать перплексию в качестве оценочной метрики для языковых моделей в статье “Interpolated estimation of Markov source parameters from sparse data” [30].

Перплексия также вычисляется автоматически на основе значений частотности слов, полученных с помощью `nlk.probability.FreqDist`, и оценивает, насколько «удивительным» может быть следующее слово, учитывая предыдущие слова в тексте. В качестве меры стохастичности текста меньшее значение перплексии указывает на более предсказуемый или менее «случайный» текст, а большее значение перплексии указывает на более стохастический или более «случайный»

текст. Чтобы вычислить перплексию в Python, можно использовать функцию `perplexity()` из класса `nlk.LanguageModel`. Эта функция принимает текст и модель языка, построенную на основе корпуса текста и объекта класса `nlk.probability.FreqDist` и возвращает значение перплексии. Функция `nlk.probability.FreqDist` определяет частотность каждого слова в тексте, но не может вычислить стохастичность текста напрямую. Однако на основе значений частотности слов, полученных с помощью `nlk.probability.FreqDist`, можно вычислить некоторые статистические показатели, такие как энтропия или перплексия, которые используются для оценки стохастичности текста. Чтобы выполнить этот расчет, необходимо использовать дополнительные функции из библиотеки `nlk` или другие математические формулы. Также для лингвистического анализа используются различные метрики, связанные со стохастичностью, например, *Bigram Frequency* или *TF-IDF* (*Term Frequency-Inverse Document Frequency*), которые способны измерять взаимосвязь между словами и частоту появления слов в тексте.

Можно создать также программу по вычислению стохастичности и по формуле А. Н. Морозовского $G = H/D$, где G — коэффициент стохастичности, H — количество недетерминированных элементов в тексте, а D — детерминированных. При этом известно, что средний коэффициент стохастичности равен $1/4$, то есть $0,25$ [7]. Для этого нужно написать функцию, которая могла бы рассчитать количество недетерминированных и детерминированных элементов в тексте, а затем использовать формулу $G = H/D$ для определения коэффициента стохастичности. Чтобы сделать программу более точной, можно использовать текстовые модели для сопоставления значимых пяти элементов текста. Например, можно использовать модели языка n -грамм, которые учитывают частоту комбинаций из n элементов (в данном случае $n = 5$), чтобы более точно определять, какие элементы следует считать недетерминированными. Средний коэффициент стохастичности, равный $0,25$, может быть использован как опорное значение для сравнения полученного результата. Если коэффициент стохастичности выше $0,25$, то текст считается более стохастическим, а если ниже — менее стохастическим.

Стохастичность и перплексия могут оцениваться на уровне отдельных слов, но также могут быть использованы для оценки стохастичности текста в целом. При этом их оценка может учи-

¹Кудинов М. С. Статистическое моделирование русского языка с помощью нейронных сетей : дис. ... канд. техн. наук : 05.13.17; [Место защиты: Федер. исслед. центр Информатика и упр.]. М., 2016. 20 с.

тывать языковую модель, построенную на основе более крупных единиц текста, таких как фразы, предложения или даже тематические поля. Точнее, перплексия может использоваться для оценки стохастичности текста на различных уровнях, включая уровень отдельных слов и уровень тематических полей. Однако при оценке перплексии на уровне тематических полей или фраз необходимо использовать соответствующую языковую модель, построенную на более крупных единицах текста.

Энтропия в информатике; энтропия текста и способы ее измерения

Информационная энтропия — мера неопределенности некоторой системы, в частности непредсказуемость появления какой-либо единицы первичного алфавита (словаря, реестра). Несколько затемняя картину, К. Шеннон понимал энтропию как информационную избыточность [40], в то же время утверждая, что прирост информации равен утраченной неопределенности. А. Н. Тырсин и др. цитирует Джона фон Неймана («Никто не знает, чем на самом деле является энтропия») и пишет, что «несмотря на частое употребление этого термина, использование энтропии для моделирования сложных систем, в отличие от термодинамики, не формализовано и носит качественный характер». Вместе с тем «энтропия может выступать в роли универсального параметра и идеально подходит для решения рассматриваемых задач о поведении сложных стохастических систем» [8; 47].

Есть известные формулы расчета энтропии. В классической статье А. Н. Колмогорова «Три подхода к определению понятия количества информации» (1965) рассматриваются три способа это сделать: 1) комбинаторный (информация по Р. Хартли), 2) вероятностный (энтропия К. Шеннона), 3) алгоритмический (колмогоровская сложность). Опишем две первые формулы.

Формула Хартли описывает систему с равновероятностной встречаемостью элементов. Последовательность N величин с K -значными символами (в зависимости от числа букв алфавита) может принимать $V = K^N$ значений. Если последовательность принимает V равновероятных значений, то для их записи требуется не менее чем $N = \log_K V$ символов. Поэтому для случайной величины, принимающей конечное число значений, естественно определить «собственную информацию» (меру определенности) как логарифм от обратной вероятности $I_i = \log_K(1/P_i) = -\log_K(P_i)$, где

i — номер значения (события), K — основание алфавита (списка). Чем вероятнее событие, тем меньше информации оно приносит: $\log_2(1) = 0$, а, например, $\log_2(3) = 1, \dots$

Вероятностный подход, предложенный Шенноном в 1948 г., обобщает определение Хартли на случай, когда не все элементы множества являются равнозначными. Энтропией Шеннона называют средневзвешенное количество информации в сообщениях источника. Современная математическая статистика выделяет «энтропию информации» и «энтропию взаимосвязи». Оба понятия используются и для статистического исследования текста. Рассмотрим информационную энтропию как меру неопределенности системы S . Приводится формула $H(S) = -\sum_{i=1}^m p_i \log p_i$, где $p_1, \dots, p_m$ — вероятности того, что система S принимает конечное число соответствующих значений $x_1, \dots, x_m$, так $\sum_{i=1}^m p_i = 1, p_i \geq 0, i = 1, 2, \dots, m$, что от основания логарифма в (1) зависит единица измерения информации — бит, трит и др. [6; 8; 47].

Энтропия взаимосвязи двух случайных величин означает меру взаимного хаоса или взаимной упорядоченности рассматриваемых случайных величин. Для того, чтобы идея использования энтропии взаимосвязи для анализа связи текстов на естественном языке могла быть использована, требуется привести рассматриваемые тексты в вид, к которому метод расчета энтропии взаимосвязи может быть применен, что фактически требует преобразования текста на естественном языке к виду численной случайной величины, или, другими словами, вектора случайных значений [47]. В нашем исследовании акцент ставится на энтропии информации, то есть событий, но не взаимосвязей.

В лингвистике текста энтропийность информации в настоящее время успешно исследуется с помощью отечественных программ — LanA-Key, инструмента сбора статистических моделей SMAT (Statistical Model Acquisition Tool), которые выдают список 1-, 2-, 3- и 4-словных именных фраз с показателем их релевантности в обработанном тексте.

Остановимся на программе SMAT. На основе формулы К. Шеннона была создана программа вычисления энтропийности текста. N -граммы в SMAT — это ряды слов (не синтагмы¹), двоичные n -граммы 1–2; 2–3; 3–4 и т. д.; троичные

¹ Чтобы получить из текста синтагмы, требуются иные экстракторы энтропии.

123, 234, 345, 456, 567... и так далее. Вычисление энтропии с помощью SMAT — чистая эвристика для каждого текста. Программа может быть использована для разных целей, в том числе для автоматической атрибуции текста.

Если энтропийность по существу представляет собой непредсказуемость, стремление к хаосу, то ее противоположностью в лингвистике является клишированность. Под клишированностью понимается повторяемость элементов текста, в частности, повторяемость слов и синтагм у автора. Чем больше энтропийность, тем выше степень неопределенности текста, чем больше клишированность, тем меньше степень неопределенности текста.

Имеются маркированные клише — идиомы, прецедентные высказывания, афоризмы, и немаркированные клише, то есть фактическое повторение слов и синтагм у автора. Маркированные клише таким образом сводятся к фразеологическим или стереотипным речевым явлениям, а немаркированные — к повторам, полным, частичным или тематическим у автора. К клише могут относиться: 1) крылатые выражения, 2) авторские повторы внутри текста, 3) однообразные лексические единицы в тексте или авторское однообразие. О клишированности может свидетельствовать использование частотных, широкозначных или «всеобщих» слов и синтаксические особенности текста. Можно вывести формулу клишированности, например, количество маркированных клише плюс количество немаркированных клише, деленное на число слов.

При определении текстовой энтропии важно также понятие релевантности — количественной характеристики, которая позволяет сортировать извлеченные единицы в зависимости от ряда их свойств. Показатель релевантности зависит от частоты самой фразы, совокупной частоты ее компонентов, длины, частоты вхождения в более длинные фразы, места в тексте (большой вес присваивается фразам, встречающимся в начале текста), количества параграфов, в которых встретилась фраза, а также общепринятых критериев статистической релевантности [10; 41; 43]. Именные фразы, к которым относятся и однословные существительные, — самый частотный слой лексики, наиболее тесно связанный с содержанием текста.

Между компонентами n -грамм энтропия минимальна, между самими же n -граммами энтропия может достигать высоких значений. Энтропия и клишированность определяются повторяемостью элементов n -грамм. Наиболее функци-

ональным является понятие редукции энтропии, которая определяет понимание смысла высказывания/текста.

Диалектика понятий и метрик стохастичности и энтропии (энтропийности) текста: обзор литературы

Подведем итог предыдущих параграфов. Основная разница между стохастичностью и энтропией заключается в том, что стохастичность описывает вероятностные характеристики данных, в то время как энтропия представляет собой меру неопределенности, содержащейся в этих данных. Это взаимосвязанные, но разные величины. Исходя из того, что в основном энтропия и стохастичность имеют достаточно четкую корреляцию, стохастичность может быть определена через вычисление энтропии и наоборот. Для нас существенно, однако, что эти величины можно вычислять и сравнивать автономно. Так, можно вычислить стохастичность текста без вычисления его энтропии. Одним из них может быть вычисление перплексии (*perplexion*, *surprisal*), которая оценивает вероятность следующего слова в тексте на основе предыдущих слов и вычисляется по формуле $PP(W) = 2^{-\sum \log_2 p(w_i)}$, где $PP(W)$ — перплексивность тестового множества W , а $p(w_i)$ — вероятность, присвоенная каждому слову w_i в тестовом наборе языковой модели (формула Ф. Елинека и Р. Мерсера). Бесплатным программным инструментом, который может измерить перплексию текста, является функция перплексии в наборе средств естественного языка (NLTK) в Python. Библиотеки языкового моделирования, такие как Stanford CoreNLP и Apache OpenNLP, также предоставляют функциональные возможности для вычисления перплексии. Кроме того, некоторые фреймворки машинного обучения, такие как TensorFlow и PyTorch, также имеют встроенные функции для вычисления перплексии. Энтропия текста может быть определена как среднее количество битов или информационных единиц, необходимых для представления каждого слова в тексте. Формула энтропии текста определяется как среднее количество информационных единиц (бит или шанс) для представления каждого слова в тексте. Она вычисляется по формуле: $H = -\sum P(w) \log_2 P(w)$, где H — энтропия, $P(w)$ — вероятность каждого слова в тексте (формула К. Шеннона). Энтропия текста также может быть измерена с помощью программных приложений. Подобно вычислению перплексии, для

вычисления энтропии текста можно использовать библиотеки языкового моделирования, такие как NLTK, Stanford CoreNLP и OpenNLP, фреймворки машинного обучения, такие как TensorFlow и PyTorch. Энтропийность текста также измеряется с помощью программ LanA-Key и SMAT.

Формула перплексии текста и формула энтропии текста имеют сходство, но не являются понятиями эквивалентными. Обе формулы используются для измерения количества информации, содержащейся в тексте, и оба термина относятся к теории информации. Однако формула перплексии является мерой того, насколько сложно понять текст, тогда как энтропия текста является мерой количества информации, содержащейся в тексте.

Формула перплексии связана с понятием вероятности, что следующее слово в тексте будет таким, каким ожидается. Чем ниже вероятность, тем более непонятен текст. Для вычисления перплексии нужно знать вероятность тестового набора (записана под корнем в знаменателе), то есть принимается во внимание фактор семантики. Формула энтропии, с другой стороны, измеряет разнообразие слов и степень их использования в тексте.

Таким образом, можно сказать, что формула перплексии и формула энтропии не выводятся одна из другой, но обе они используются для оценки того, насколько информативен и понятен текст.

Стохастичность и энтропия (редукция энтропии) являются важными явлениями, определяющими простоту/сложность обработки информации текстов и лежащими в основе вероятностных языковых моделей. Ниже приведем рассуждения исследователей о диалектике понятия стохастичности и понятия энтропии (редукции энтропии) в понимании смысла текста.

Язык обрабатывается более или менее пословно, при этом некоторые слова вызывают больше усилий по обработке смысла, чем другие, что отражается в более длительном времени чтения (reading time, RT). С когнитивной точки зрения, происходит разворачивающийся во времени процесс пословного обновления интерпретации [51]. Существующие в информатике модели обработки текста, как правило, основываются на лингвистическом опыте и ограничиваются его учетом. Однако сложность обработки (=когнитивные усилия), вызванная каждым словом, зависит не только от предыдущего лингвистического опыта, но и от общих знаний о мире. Большинство моделей обработки информации не могут объяснить влияние знания о мире в процессе понимания.

Многие современные модели ориентируются на человеческое понимание, на смысловое восприятие текста. Авторы [51] предлагают дифференциальные метрики обработки текста: оценку стохастичности и редукции энтропии. Обе метрики измеряются, исходя из лингвистического опыта и знания о мире понимающего субъекта. Интерпретация понимается как производная от обработки единиц «ожиданий и неожиданного» [ibid.]. Показано, как когнитивно-ориентированная модель редукции энтропии проявляет себя во время интерпретации и понимания текста и как редукция энтропии и стохастичность отражаются в различных поведенческих эффектах [20; 21].

Утверждается, что стохастичность и энтропийная редукция происходят из одного и того же когнитивного процесса, но отражают различные аспекты этого процесса. Стохастичность показывает ожидание одного состояния за другим и восприятие его как ожидаемого/неожиданного, а редукция энтропии подтверждает конечное состояние процесса и тем самым свидетельствует об обнаружении смысла, о логичности вывода. Состояние в случае текста — это то же, что событие в общей теории стохастики и энтропии, типично под событием/состоянием понимается появление заданного члена предложения (=слова) в цепи из пяти слов.

Язык обрабатывается более или менее пословно. Под влиянием теории коммуникации было высказано предположение, что информативность слова прямо пропорциональна усилиям по его обработке, которые оно вызывает. Одним из способов количественной оценки информативности слова является использование понятия сюрпризала, которое является метрикой, количественно определяющей ожидаемость слова [26–28; 33]. При этом чем менее ожидаемо слово в данном контексте, тем выше его «самоинформация» (self-information) [50].

Много экспериментальных результатов показывают, что когнитивная обработка сложности отдельных слов зависит не только от их вероятности как части (локального) лингвистического контекста, но и от более широкого дискурса и визуального контекста, а также от общих знаний о мире [11; 14; 17; 24; 28; 29; 31; 32; 34–37; 48; 49 и др.]. Следовательно, чтобы объяснить эти результаты с точки зрения информативности слов, теоретико-информационные метрики стохастичности и сокращения энтропии должны учитывать вероятностную структуру мира, выходящую

за рамки только вербального контекста, то есть лингвистических сигналов. Они должны быть либо дополнены вероятностным понятием экстралингвистического знания, либо пересмотрены с точки зрения лежащих в их основе когнитивных процессов.

В [50; 51] представлена модель понимания языка, в которой оценки стохастичности выводятся из вероятностных распределенных репрезентаций значений (смысловых представлений), цепочки из которых выстраиваются на пословной основе (так называемый «процесс инкрементального языкового понимания»). Эти репрезентации, основанные на структуре распределенного ситуационного пространства (Distributed Situation-state Space framework) [22; 23], используются для создания экземпляров ситуационных моделей, которые позволяют делать выводы, основанные на знаниях о мире. Таким образом, языковая модель расширяется за счет когнитивно-ориентированной модели понимания, в рамках которой человек или нейронные сети оперируют как языковым опытом (историей лингвистической информации), так и знанием о мире (вероятностным знанием, отраженным в представлениях) [48; 49]. Показано, что процесс понимания «чувствителен» к обоим этим источникам информации, предлагается объяснять то, как лингвистический опыт и знание мира влияют на обработку сложностей текста, с помощью репрезентативного и алгоритмического правила Марра [34].

Ряд источников полагают, что редукция энтропии является релевантным и при этом независимым от стохастичности предиктором при обработке когнитивных сложностей текста. Типично языковая энтропия определяется анализом лингвистических структур, при этом используются такие методы, как вероятностная контекстно-свободная грамматика состояний [26–28], частей речи [39] или отдельных слов [19–23]. Вместе с тем энтропию можно рассматривать как величину неопределенности относительно положения дел в мире. То есть уменьшение энтропии при понимании, например, слова w_i количественно показывает, сколько неопределенности в отношении текущего положения дел устраняется обработкой слова w_i . Такой подход эмпирически подтверждается исследованием ситуативного понимания языка, при котором при предъявлении реципиентам вербально-визуального контента менялся лишь визуальный контекст, а вербальный текст оставался неизменным, тем самым сохранялась лингвистическая константа стохастичности [46]. Эксперимент по-

казал, что неподходящий экстралингвистический визуальный контекст повышает референтную энтропию по отношению к лингвистическому контексту, что приводит к увеличению усилий по обработке идентичных высказываний.

Стохастичность количественно определяет, насколько вероятна следующая точка, заданная предыдущей и, таким образом, насколько ожидаемым был ввод. Таким образом, стохастичность можно рассматривать как отражение ожидания от состояния к состоянию, где входные данные перемещают модель в ожидаемые или неожиданные точки в пространстве. Энтропия, в свою очередь, количественно определяет, насколько вероятно каждое полностью определенное положение дел, составляющее пространство значений, учитывая текущую точку в пространстве. Таким образом, редукция энтропии фактически является метрикой подтверждения конечного состояния, где более высокое уменьшение неопределенности в отношении предложений, то есть более сильное подтверждение сообщаемого состояния дел, приводит к более высокому уменьшению энтропии. Эта характеристика, по-видимому, соответствует последним теориям понимания текста, в которой понятие валидации — процесса оценки согласованности поступающей лингвистической информации с предыдущим лингвистическим контекстом и общими знаниями о мире — играет центральную роль [17; 37; 38; 42].

Когнитивно-ориентированная вычислительная модель понимания [50; 51] показывает, как метрики стохастичности (неожиданности) и энтропии связаны с процессом понимания и какие дифференциальные прогнозы эти метрики делают относительно понимания. Стохастичность и редукция энтропии отражает один и тот же когнитивный процесс — процесс понимания как своеобразную навигацию через пространство значений. Однако они отражают различные аспекты этого процесса: ожидание некоего состояния за предшествующим состоянием (связанное со стохастичностью) vs подтверждение конечного состояния (связанное с уменьшением энтропии). Таким образом, ожидаемое/неожиданное (стохастичность) и сокращение энтропии в процессе понимания дифференциально отражают эффекты лингвистического опыта и знания о мире, которые интегрируются на уровне интерпретации и понимания смысла информации. Существенно, что стохастичность и редукция энтропии могут лежать в основе нейронной сети (simple recurrent neural network), которая выстра-

ивает репрезентации значений (смысловые представления) в виде словосочетаний и высказываний на инкрементной пословной основе. Эксперимент с подобной обучаемой сетью и продемонстрирован в [ibid.].

Вышесказанное согласуется с парадигмой понимания языка, в которой неотъемлемой частью инкрементной пословной обработки текстовой информации является прагматический вывод. Фактически, можно утверждать, что когнитивно-ориентированная модель воплощает подход, в котором понимание завершается прагматическим выводом. Буквальное пропозициональное содержание высказывания не имеет особого статуса, важны только вероятностные выводы, которые вытекают из обработки *всего* высказывания (формально складывающегося из буквального пропозиционального содержания). Таким образом, в понимании информатиков, в частности Noortje J. Venhuizen et al. [ibid.], стохастичность, которая вытекает непосредственно из двух последующих точек в пространстве значений, эффективно отражает локальное изменение вероятности выведенных предложений, поскольку она учитывает только выводы, содержащиеся в этих точках. Редукция энтропии, в свою очередь, отражает вероятность предполагаемых предложений на глобальном уровне, то есть по отношению к полному набору возможных выводов о фрагментах реальности, которые могут быть сделаны. Редукция энтропии рассматривает степень необычности (энтропийность) между этими точками, которая влияет на вероятность всех возможных выводов.

Связь стохастичности и энтропийности с категориями лингвистики текста (интегративностью и информативностью)

Учитывая приведенные выше точки зрения, изложим соображения по поводу приложения стохастичности и энтропийности к лингвистике текста. Оба явления соотносятся с необычным/обыденным, то есть с оправданием или неоправданием ожиданий воспринимающего. Однако стохастичность не может быть сведена лишь к семантической согласованности/несогласованности близлежащих единиц или блоков информации, но может распространяться на всё высказывание или текст. Это свойство, или категория, текста создает семантическую сеть значений, обладающую внутренней целостностью, и в качестве такого семантического и тематического единства она отражает фрагмент реального либо вооб-

ражаемого мира. Стохастичность действительно «чувствительна» к лингвистическому опыту, но не в меньшей степени она чувствительна к знаниям о действительности. Существенно, что стохастичность нам представляется в большей степени семантическим, нежели синтаксическим механизмом внутритекстовой связи, она определяет семантическую/тематическую целостность (когерентность), а не синтаксическую связность (когезию).

На уровне компьютерных программ при существующих в настоящее время наработках, стохастичность, на наш взгляд, оптимально может исчисляться двумя методами: 1) в русле рассмотрения текста как системы с равновероятностной встречаемостью элементов по Р. Хартли, отбирается каждый 5-й (в идеале — и 2-й, 3-й, ..., 7-й) значимый элемент текста, а затем определяется степень семантического/тематического сходства (близости) этих элементов; 2) в русле рассмотрения текста как системы со средневзвешенным количеством информации по К. Шеннону производится семантический (SEO) или контент-анализ; затем весь массив ранжированной лексики делится на сегменты ядра, ближней периферии и дальней периферии семантического пространства; следующим шагом является, как и в первом способе, определение степени семантического/тематического сходства (близости) этих элементов. Если первые этапы предложенных методов достаточно легко произвести с помощью автоматизированных программ, то определение семантического сходства (близости) элементов и выделение тематических полей в массиве лексики до сих пор достаточно трудно разрешимы.

Что касается энтропии, то в расширительном плане редукция энтропии может означать сокращение неопределенности и понимание прагматического смысла высказывания/текста. Однако вполне целесообразно, на наш взгляд, и синтаксическое понимание энтропии как величины, зависящей от числа, глубины и повторяемости элементов *n*-грамм. «Синтаксический» подход позволяет предсказать энтропийность текста: чем больше коротких *n*-грамм (в пределах, соответствующие одному слову), тем выше энтропия, и наоборот: чем больше в тексте длинных *n*-грамм, тем ниже энтропия.

В лингвистике текста стохастичность и энтропию можно сопрягать со связностью текста, или его когезией, и целостностью (цельностью) текста, или его когерентностью. Когезия показывает значимые синтаксические (точнее, синтаксические)

отношения внутри текста, то есть касается синтаксиса (синтактики), когерентность же отражает значимые лексико-семантические отношения внутри текста — синонимию, метонимию, гипогиперонию, принадлежность к одним семантическим (тематическим) полям слов, используемых в тексте, то есть касается лексики (семантики).

Когерентность и когезия, в свою очередь, являются подкатегориями такой категории текста, как интегративность. Рассмотрим формальные средства выражения интегративности текста, то есть средства выражения его когезии, или связности. Связный текст, отмечает А. А. Леонтьев, воспринимается читателем как некоторое единство на основании разного рода формальных признаков — средств соотнесения частей текста между собой. Эти признаки отличаются ретроспективным характером, так как они не задаются автором заранее, а появляются по мере создания и восприятия текста [4]. В то же время внутри-текстовое соотнесение может осуществляться в двух разных направлениях: анафорически — при соотнесении с предыдущим фрагментом текста и катафорически — при соотнесении с последующим фрагментом текста. Кроме того, внутри-текстовое соотнесение осуществляется двумя путями: непосредственно, как прямое указание на конкретную часть текста, и опосредствованно — через соотнесение содержания различных фрагментов текста. Непосредственное соотнесение частей текста между собой характерно преимущественно для текстов жесткого и узуального типа, в частности для научной прозы, для публицистического же и художественного текста нередко имплицитные, подтекстовые связи и связки в виде модальных операторов (даже, всё равно, считается и проч.). К связующим средствам универсального характера относятся: 1) элементы текста, указывающие на смысловую неполноту, или синсемантию, его фрагментов; 2) различного рода повторы; 3) темарематическое соотнесение предложений и абзацев в дискурсе; 4) стилистические приемы разных уровней; 5) коммуникативная соотнесенность компонентов текста; 6) композиционно-структурные особенности текста в целом [2].

Рассмотрим содержательно-смысловые средства выражения интегративности текста, то есть средства выражения его когерентности, или цельности (целостности). Когерентность текста носит (лексико)-семантический характер и предполагает прежде всего смысловое единство тек-

ста. Целостный (цельный) текст, по мнению А. А. Леонтьева, можно определить как текст, который при переходе от одной последовательной ступени компрессии к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет смысловое тождество, то есть инвариантное значение, информативное ядро текста, лишаясь лишь периферийных, второстепенных элементов [4]. Наиболее абстрагированное выражение информативного ядра получило название макроструктуры текста, которая вычленяется в результате применения к линейной смысловой структуре текста серии операций (трансформаций) свертывания и служит наиболее кратким выражением содержания текста [3; 8]. В лингвистике текста отмечается, что содержательная целостность текста создается взаимодействием следующих факторов: 1) наличием коммуникативной интенции автора; 2) тематическим единством текста; 3) объединяющей функцией «образа автора»; 4) связующей ролью различных типов выдвижения в тексте; 5) объединяющей функцией выразительных средств и стилистических приемов, реализующихся одновременно в пределах единицы текста и всего текста в целом; 6) композиционно-жанровым единством [2].

Итак, связность и целостность — важные категории текста, которые в конечном счете определяются соотношением закономерных, предсказуемых и случайных, непредсказуемых связей и элементов в тексте, то есть такими его характеристиками, как энтропия и стохастичность. Формализация упомянутых категорий в функциях энтропии и стохастичности могла бы продвинуть исследования в междисциплинарной области текстовой информатики. Например, с точки зрения формального исчисления связности как синтаксической предсказуемости/случайности, перспективным объектом являются элементы текста, указывающие на смысловую неполноту его фрагментов, синтаксически связанные фразы, относительно законченные фразеологические сочетания. С точки зрения формального исчисления целостности как семантической предсказуемости/случайности, перспективным объектом является тематическое (и семантическое) единство лексики текста в виде тематических (семантических) полей и т. п.

Очевидно, что стохастика и энтропия текста могут определять и информативность текста. Информативность текста есть «степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, систе-

ма авторских оценок предмета мысли» [1]. Чем ниже связность и целостность текста и чем выше определяющие их энтропийность и стохастичность, тем ниже предсказуемость, выше новизна и тем, возможно, информативнее текст. Таким образом, связь между информативностью, с одной стороны, и связностью и целостностью текста, с другой, в определенных случаях обратно пропорциональна.

Метриками информативности могут быть как коэффициент стохастичности или перплексии текста, так и энтропия (редукция энтропии), индусированные словами. Эти метрики показывают, насколько непредсказуем текст: чем больше разнообразие слов в тексте, тем выше стохастичность и энтропия; если текст содержит много повторяющихся слов и фраз, то стохастичность и энтропия будут низкими. Метрики стохастичности и энтропии могут быть использованы, например, для автоматической оценки качества машинного перевода, где более информативный перевод должен иметь более высокую стохастичность и энтропию. Однако эти метрики не всегда точно отражают качество текста, поскольку высокая стохастичность и энтропия могут также означать низкую читабельность и понятность текста.

Также следует учитывать, помимо факторов целостности и связности текста, факторы истинности и рациональности (включающие семантику логичности и предметной отнесенности), тес-

но связанные с информативностью. Без их учета связь энтропии и стохастичности с информативностью оказывается неоднозначной.

Заключение

Понятия и метрики стохастичности и энтропии могут быть полезными в лингвистике текста для анализа и моделирования языка. Эти метрики могут использоваться для измерения неопределенности и разнообразия языкового материала в тексте. Например, энтропия Шеннона может быть использована для измерения средней неопределенности символов (например, букв или слов) в тексте. Тексты с более высокой энтропией обычно более разнообразны по своим символам, в то время как тексты с более низкой энтропией будут иметь более предсказуемые и повторяющиеся символы. Другая метрика, которая может быть полезной в лингвистическом анализе — это перплексия; она может помочь определить, насколько хорошо модель подходит для конкретного текста. В целом использование метрик стохастичности и энтропии может помочь лингвистам лучше понять структуру и свойства текста. Это может быть полезно в том числе для анализа категорий текста, таких как интегративность и информативность, текстовой грамматики и семантики, определения авторства текста, анализа стиля и прочих характеристик текста.

Список источников

1. Адайкин В. И. и др. Новый метод идентификации хаотических и стохастических параметров среды // Вестник новых медицинских технологий. 2006. Т. XIII, № 2. С. 39–41.
2. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социопсихолингвистические аспекты / под ред. А. А. Леонтьева. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987.
3. Воробьева О. П. Стилистика текста // Стилистика английского языка : учебник для студентов интов и фак. иностр. яз. / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. Киев : Вища шк., 1991. С. 201–235.
4. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество : исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике: (избр. тр.). М. : Лабиринт, 1998. 364 с.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 221 с.
6. Марченко А. Д., Тырсин А. Н. Использование энтропии взаимосвязи в анализе текстов на естественном языке // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 6-1. С. 67–73.
7. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев : Вища школа, 1984. 247 с.
8. Тырсин А. Н. Энтропийное моделирование многомерных стохастических систем. Воронеж : Научная книга, 2016. 156 с.
9. Шахнарович А. М. Общая психолингвистика : учебник пособие. М. : Изд-во РОУ, 1995. 96 с.
10. Шереметьева С. О. Об использовании программ обработки текста для обучения иностранным языкам // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. Серия «Лингвистика», вып. 15. С. 56–59.

11. Штернберг М. И. Синергетика и биология // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 95–108.
12. Blache P., Rauzy S. Predicting linguistic difficulty by means of a morpho-syntactic probabilistic model // Proceedings of the 25th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC-2011), Singapore, 16–18 December 2011. P. 160–167.
13. Boston M. F., Hale J. T., Kliegl R., Patil U., Vasishth S. Parsing costs as predictors of reading difficulty: An evaluation using the Potsdam Sentence Corpus // J. Eye Mov. Res. 2008. № 2. P. 1–12.
14. Brouwer H., Fitz H., Hoeks J. Modeling the Noun Phrase versus Sentence Coordination Ambiguity in Dutch: Evidence from Surprisal Theory // Proceedings of the 2010 Workshop on Cognitive Modeling and Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics : Uppsala, Sweden, 2010. P. 72–80.
15. BruceET (<https://math.stackexchange.com/users/221800/bruceet>), Difference between stochastic process and chaotic system, URL: <https://math.stackexchange.com/q/1349805>
16. Clauset A. A brief primer on probability distributions. Santa Fe Institute, 2011.
17. Cook A. E., Myers J. L. Processing discourse roles in scripted narratives: The influences of context and world knowledge // J. Mem. Lang. 2004. № 50. P. 268–288.
18. Farimani Foad S. What is the difference between chaotic systems and stochastic systems? URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-chaotic-systems-and-stochastic-systems/answer/Foad-S-Farimani?ch=2&srqid=iETG>
19. Frank S. L. Surprisal-based comparison between a symbolic and a connectionist model of sentence processing // Proceedings of the 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society; Cognitive Science Society: Austin, TX, USA, 2009. P. 1139–1144.
20. Frank S. L. Uncertainty reduction as a measure of cognitive load in sentence comprehension // Cogn. Sci. 2013. № 5. P. 475–494.
21. Frank S. L. Uncertainty reduction as a measure of cognitive processing effort // Proceedings of the 2010 Workshop on Cognitive Modeling and Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, USA, 2010. P. 81–89.
22. Frank S. L., Haselager W. F., van Rooij I. Connectionist semantic systematicity // Cognition. 2009. № 110. P. 358–379.
23. Frank S. L., Koppen M., Noordman L. G., Vonk W. Modeling knowledge-based inferences in story comprehension // Cogn. Sci. 2003. № 27. P. 875–910.
24. Garrod S., Terras M. The contribution of lexical and situational knowledge to resolving discourse roles: Bonding and resolution // J. Mem. Lang. 2000. № 42. P. 526–544.
25. Hale J. T. A probabilistic Earley parser as a psycholinguistic model // Proceedings of the Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics on Language Technologies; Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, USA, 2001. P. 1–8.
26. Hale J. T. The information conveyed by words in sentences // Psycholinguist. Res. 2003. № 32. P. 101–123.
27. Hale J. T. Uncertainty about the rest of the sentence // Cogn. Sci. 2006. № 30. P. 643–672.
28. Hale J. T. What a rational parser would do // Cogn. Sci. 2011. № 35. P. 399–443.
29. Hess D. J., Foss D. J., Carroll P. Effects of global and local context on lexical processing during language comprehension. // Exp. Psychol. Gen. 1995. № 124. P. 62–82.
30. Jelinek F., Mercer R. Interpolated estimation of Markov source parameters from sparse data // Proc. of the Workshop on Pattern Recognition in Practice. Amsterdam, 1980. P. 381–397.
31. Knoeferle P., Crocker M. W., Scheepers C., Pickering M. J. The influence of the immediate visual context on incremental thematic role-assignment: Evidence from eye-movements in depicted events // Cognition. 2005. № 95. P. 95–127.
32. Knoeferle P., Habets B., Crocker M. W., Münte T. F. Visual scenes trigger immediate syntactic reanalysis: Evidence from ERPs during situated spoken comprehension // Cereb. Cortex. 2008. № 18. P. 789–795.
33. Levy R. Expectation-based syntactic comprehension // Cognition. 2008. № 106. P. 1126–1177.
34. Marr D. Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. W. H. Freeman : San Francisco, CA, USA. 1982.
35. Morris R. K. Lexical and message-level sentence context effects on fixation times in reading // Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn. 1994. № 20. P. 92–102.
36. Myers J. L., O'Brien E. J. Accessing the discourse representation during reading // Discourse Process. 1998. № 26. P. 131–157.

37. O'Brien E. J., Cook A. E. Coherence threshold and the continuity of processing: The RI-Val model of comprehension // *Discourse Process*. 2016. № 53. P. 326–338.
38. Richter T. Validation and comprehension of text information: Two sides of the same coin // *Discourse Process*. 2015. № 52. P. 337–355.
39. Roark B., Bachrach A., Cardenas C., Pallier C. Deriving lexical and syntactic expectation-based measures for psycholinguistic modeling via incremental top-down parsing // *Proceedings of the 2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: Vol. 1. Association for Computational Linguistics : Stroudsburg, PA, USA, 2009*. Pp. 324–333.
40. Shannon C. E. A mathematical theory of communication // *Bell Syst. Tech. J.* 1948. № 27. P. 379–423.
41. Sheremetyeva S. On Extracting Multiword NP Terminology for MT // *Proceedings of the 13th Conference of European Association for Machine Translation. Barcelona, Spain*. P. 205–212.
42. Singer, M. Validation in reading comprehension // *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2013. № 22. P. 361–366.
43. Smadja F. Retrieving collocations from text. Xtract // *Computational Linguistics*. 1993. № 7 (4). P. 143–177.
44. Smith N. J., Levy R. Optimal Processing Times in Reading: A Formal Model and Empirical Investigation // *Proceedings of the 30th Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Cognitive Science Society : Austin, TX, USA, 2008*. P. 595–600.
45. Stock J. H., Watson M. W. Regression with a Single Regressor: Hypothesis Tests and Confidence Intervals // *Introduction to Econometrics. 3. Addison-Wesley, 2011*. P. 163–164.
46. Tourtouri E. N., Delogu F., Sikos L., Crocker M. W. Rational over-specification in visually-situated comprehension and production // *J. Cult. Cogn. Sci.* 2019. doi:10.1007/s41809-019-00032-6.
47. Tyrsin A. N., Sokolova I. S. Entropy-probabilistic modeling of Gaussian stochastic systems // *Matem. Mod.* 2012. Vol. 24. Number 1. P. 88–102.
48. van Berkum J. J. A., Brown C. M., Zwitserlood P., Kooijman V., Hagoort P. Anticipating upcoming words in discourse : Evidence from ERPs and reading times // *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* 2005. № 31. P. 443–467.
49. van Berkum J. J. A., Zwitserlood P., Hagoort P., Brown C. M. When and how do listeners relate a sentence to the wider discourse? Evidence from the N400 effect // *Cogn. Brain Res.* 2003. № 17. P. 701–718.
50. Venhuizen Noortje J., Crocker Matthew W., Brouwer Harm. Semantic Entropy in Language Comprehension // *Entropy*. 2019. № 21 (12). P. 1159.
51. Venhuizen N. J., Crocker M. W., Brouwer H. Expectation-based Comprehension: Modeling the Interaction of World Knowledge and Linguistic Experience // *Discourse Process*. 2019. № 56. P. 229–255. doi:10.1080/0163853X.2018.1448677.
52. Wu S., Bachrach A., Cardenas C., Schuler W. Complexity metrics in an incremental right-corner parser // *Proceedings of the 48th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics: Stroudsburg, PA, USA, 2010*. P. 1189–1198.

References

1. Adajkin VI. et al. Novyj metod identifikacii haoticheskikh i stohasticheskikh parametrov ekosredy. *Vestnik novyh medicinskih tekhnologij*, 2006;XIII(2):39-41. (In Russ.).
2. Babajlova AE. Tekst kak produkt, sredstvo i ob'ekt kommunikacii pri obuchenii nerodnomu yazyku: sociopsiholingvisticheskie aspekty. Saratov; 1987. (In Russ.).
3. Vorob'eva OP. Stilistika teksta. In: Morohovskij AN, Vorob'eva OP, Lihosherst NI, Timoshenko ZV. *Stilistika anglijskogo yazyka: uchebnik*. Kiev; 1991. Pp. 201–235. (In Russ.).
4. Zhinkin NI. *Yazyk — rech' — tvorchestvo: issledovanija po semiotike, psiholingvistike, poetike*. Moscow, Labirint; 1998. 364 p. (In Russ.).
5. Leont'ev AA. *Osnovy psiholingvistiki*. Moscow, Smysl; 1997. 221 p. (In Russ.).
6. Marchenko AD, Tyrsin AN. Ispol'zovanie entropii vzaimosvyazi v analize tekstov na estestvennom yazyke. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2021;(6-1):67-73. (In Russ.).
7. Morohovskij AN, Vorob'eva OP, Lihosherst NI, Timoshenko ZV. *Stilistika anglijskogo yazyka*. Kiev, Vishcha shkola; 1984. 247 p. (In Russ.).
8. Tyrsin AN. Entropijnoe modelirovanie mnogomernyh stohasticheskikh sistem. Voronezh, Nauchnaya kniga; 2016. 156 p. (In Russ.).
9. Shahnarovich AM. *Obshchaya psiholingvistika: uchebnoye posobie*. Moscow; 1995. 96 p. (In Russ.).

10. Sheremet'eva SO. Ob ispol'zovanii programm obrabotki teksta dlya obucheniya inostrannym yazykam. *Vestnik YUUrGU*. 2012;(15):56-59. (In Russ.).
11. Shternberg MI. Sinergetika i biologiya. *Voprosy filosofii*. 1999;(2):95-108. (In Russ.).
12. Blache P, Rauzy S. Predicting linguistic difficulty by means of a morpho-syntactic probabilistic model. In: Proceedings of the 25th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC-2011), Singapore, 16–18 December; 2011. Pp. 160–167.
13. Boston MF, Hale JT, Kliegl R, Patil U, Vasishth S. Parsing costs as predictors of reading difficulty: An evaluation using the Potsdam Sentence Corpus. *J. Eye Mov. Res.* 2008;(2):1-12.
14. Brouwer H, Fitz H, Hoeks J. Modeling the Noun Phrase versus Sentence Coordination Ambiguity in Dutch: Evidence from Surprisal Theory. In: Proceedings of the 2010 Workshop on Cognitive Modeling and Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics, Uppsala, Sweden; 2010. Pp. 72–80.
15. BruceET (<https://math.stackexchange.com/users/221800/bruceet>), Difference between stochastic process and chaotic system. Available from: <https://math.stackexchange.com/q/1349805>
16. Clauset A. A brief primer on probability distributions. Santa Fe Institute; 2011.
17. Cook AE, Myers JL. Processing discourse roles in scripted narratives: The influences of context and world knowledge. *J. Mem. Lang.* 2004;(50):268-288.
18. Farimani Foad S. What is the difference between chaotic systems and stochastic systems? Available from: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-chaotic-systems-and-stochastic-systems/answer/Foad-S-Farimani?ch=2&srid=iETG>
19. Frank SL. Surprisal-based comparison between a symbolic and a connectionist model of sentence processing. In: Proceedings of the 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society; Cognitive Science Society: Austin, TX, USA; 2009. Pp. 1139–1144.
20. Frank SL. Uncertainty reduction as a measure of cognitive load in sentence comprehension. *Cogn. Sci.* 2013;(5):475-494.
21. Frank SL. Uncertainty reduction as a measure of cognitive processing effort. In: Proceedings of the 2010 Workshop on Cognitive Modeling and Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, USA; 2010. Pp. 81–89.
22. Frank SL, Haselager WF, van Rooij I. Connectionist semantic systematicity. *Cognition*. 2009;(110):358-379.
23. Frank SL, Koppen M, Noordman LG, Vonk W. Modeling knowledge-based inferences in story comprehension. *Cogn. Sci.* 2003;(27):875-910.
24. Garrod S, Terras M. The contribution of lexical and situational knowledge to resolving discourse roles: Bonding and resolution. *J. Mem. Lang.* 2000;(42):526-544.
25. Hale JT. A probabilistic Earley parser as a psycholinguistic model. In: Proceedings of the Second Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics on Language Technologies; Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, USA; 2001. Pp. 1–8.
26. Hale JT. The information conveyed by words in sentences. *Psycholinguist. Res.* 2003;(32):101-123.
27. Hale JT. Uncertainty about the rest of the sentence. *Cogn. Sci.* 2006;(30):643-672.
28. Hale JT. What a rational parser would do. *Cogn. Sci.* 2011;(35):399-443.
29. Hess DJ, Foss DJ, Carroll P. Effects of global and local context on lexical processing during language comprehension. *Exp. Psychol. Gen.* 1995;(124):62-82.
30. Jelinek F, Mercer R. Interpolated estimation of Markov source parameters from sparse data. In: Proc. of the Workshop on Pattern Recognition in Practice. Amsterdam; 1980. Pp. 381–397.
31. Knoeferle P, Crocker MW, Scheepers C, Pickering MJ. The influence of the immediate visual context on incremental thematic role-assignment: Evidence from eye-movements in depicted events. *Cognition*. 2005;(95):95-127.
32. Knoeferle P, Habets B, Crocker MW, Münte TF. Visual scenes trigger immediate syntactic reanalysis: Evidence from ERPs during situated spoken comprehension. *Cereb. Cortex*. 2008;(18):789-795.
33. Levy R. Expectation-based syntactic comprehension. *Cognition*. 2008;(106):1126-1177.
34. Marr D. Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. W. H. Freeman, San Francisco, CA, USA; 1982.
35. Morris RK. Lexical and message-level sentence context effects on fixation times in reading. *Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* 1994;(20):92-102.
36. Myers JL, O'Brien EJ. Accessing the discourse representation during reading. *Discourse Process*. 1998;(26):131-157.
37. O'Brien EJ, Cook AE. Coherence threshold and the continuity of processing: The RI–Val model of comprehension. *Discourse Process*. 2016;(53):326-338.

38. Richter T. Validation and comprehension of text information: Two sides of the same coin. *Discourse Process*. 2015;(52):337-355.
39. Roark B, Bachrach A, Cardenas C, Pallier C. Deriving lexical and syntactic expectation-based measures for psycholinguistic modeling via incremental top-down parsing. In: Proceedings of the 2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: Vol. 1. Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, USA; 2009. Pp. 324–333.
40. Shannon CE. A mathematical theory of communication. *Bell Syst. Tech. J.* 1948;(27):379-423.
41. Sheremetyeva S. On Extracting Multiword NP Terminology for MT. In: Proceedings of the 13th Conference of European Association for Machine Translation. Barcelona, Spain. Pp. 205–212.
42. Singer M. Validation in reading comprehension. *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2013;(22):361-366.
43. Smadja F. Retrieving collocations from text. *Xtract. Computational Linguistics*. 1993;(7(4)):143-177.
44. Smith NJ, Levy R. Optimal Processing Times in Reading: A Formal Model and Empirical Investigation. In: Proceedings of the 30th Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Cognitive Science Society : Austin, TX, USA; 2008. Pp. 595–600.
45. Stock JH, Watson MW. Regression with a Single Regressor: Hypothesis Tests and Confidence Intervals // Introduction to Econometrics. 3. Addison-Wesley; 2011. Pp. 163–164.
46. Tourtouri EN, Delogu F, Sikos L, Crocker MW. Rational over-specification in visually-situated comprehension and production. *J. Cult. Cogn. Sci.* 2019. doi:10.1007/s41809-019-00032-6.
47. Tyrsin AN, Sokolova IS. Entropy-probabilistic modeling of Gaussian stochastic systems. *Matem. Mod.* 2012;24(1):88-102.
48. van Berkum JJA, Brown CM, Zwitserlood P, Kooijman V, Hagoort P. Anticipating upcoming words in discourse: Evidence from ERPs and reading times. *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* 2005;(31):443-467.
49. van Berkum JJA, Zwitserlood P, Hagoort P, Brown CM. When and how do listeners relate a sentence to the wider discourse? Evidence from the N400 effect. *Cogn. Brain Res.* 2003;(17):701-718.
50. Venhuizen NJ, Crocker MW, Brouwer H. Semantic Entropy in Language Comprehension. *Entropy*. 2019;(21(12)):1159.
51. Venhuizen NJ, Crocker MW, Brouwer H. Expectation-based Comprehension: Modeling the Interaction of World Knowledge and Linguistic Experience. *Discourse Process*. 2019;(56):229-255. doi:10.1080/0163853X.2018.1448677.
52. Wu S, Bachrach A, Cardenas C, Schuler W. Complexity metrics in an incremental right-corner parser. In: Proceedings of the 48th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics; Association for Computational Linguistics: Stroudsburg, PA, USA; 2010. Pp. 1189–1198.

Информация об авторах

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Е. А. Щетинкина — аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

E. V. Shelestyuk — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

E. A. Shchetinkina — postgraduate student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 06.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 06.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 80

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МИР ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ» (Т. А. ВОРОНЦОВА, Е. И. ГОЛОВАНОВА, О. Н. КОВАЛЕВА, С. А. ПИТИНА, Е. В. ШЕЛЕСТЮК). ЧЕЛЯБИНСК, 2021. 240 С.

Светлана Викторовна Шустова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru

Аннотация. В рецензируемой монографии представлены материалы для научной дискуссии по широкому кругу вопросов, связанных с актуализацией культуры в пространстве языка. Изучаются особенности вербальной реализации биннома «свой — чужой» в коммуникативном сознании на примере формализованных и неформализованных этикетных ситуаций в русской лингвокультуре. На основе трех культурных доминант русского мира ТРУД, ДОМ, ЯЗЫК производится лингвокультурологический анализ культурных ценностей в сознании носителей русского языка. Анализируются тенденции стереотипизации, общие и национально-специфические номинации праздников, растений, этнонимов, топонимов, годонимов, урбанонимов русской и англо-американской культур. С использованием автоматизированных методов производится анализ концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии, вербализации и контекстуализации концептов.

Ключевые слова: концепт, культурная доминанта, вербализация концепта, национально-специфическая номинация, концептосфера

Для цитирования: Шустова С. В. Рецензия на монографию «Мир языка и национальная культура: взгляд из современности» (Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк). Челябинск, 2021. 240 с. // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2 (472). Филологические науки. Вып. 131. С. 166–170.

Review

REVIEW OF THE MONOGRAPH “THE WORLD OF LANGUAGE AND NATIONAL CULTURE: A VIEW FROM THE PRESENT” (TA VORONTSOVA, EI GOLOVANOVA, O.N. KOVALEVA, SA PITINA, EV SHELESTYUK). CHELYABINSK; 2021. 240 P.

Svetlana V. Shustova

Perm State National Research University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. The peer-reviewed monograph presents materials for scientific discussion on a wide range of issues related to the actualization of culture in the space of language. The features of the verbal implementation of the binomial “us and them” in the communicative consciousness are studied on the example of formalized and non-formalized etiquette situations in Russian linguistic culture. Based on the three cultural dominants of the Russian world LABOR, HOME, LANGUAGE, a linguistic and cultural analysis of cultural values in the minds of native speakers of the Russian language is made. The tendencies of stereotyping and general and national-specific nominations of holidays, plants, ethnonyms, toponyms, godonyms, urbanonyms of Russian and Anglo-American cultures are analyzed. Using automated methods, the analysis of the conceptual spheres of Russian-language and English-language military poetry is carried out, verbalization and contextualization of the concepts are studied.

Keywords: concept, cultural dominant, verbalization of the concept, national-specific nomination, conceptual sphere

For citation: Shustova SV. Review of the monograph “The World of Language and National Culture: a View from Modernity” (TA Vorontsova, EI Golovanova, ON Kovaleva, SA Pitina, EV Shelestyuk). Chelyabinsk; 2021. 240 p. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(2(472):166-170. (In Russ.).

Рецензируемая монография привлекает внимание лингвистов новым, полиаспектным подходом к анализу современных тенденций в языке, обусловленных актуальной глобалистической, геополитической, социальной ситуациями. Для отечественной научной парадигмы релевантным является антропоцентрический подход к языковым процессам, актуализации культурных и ценностных доминант, сопоставлению лингвокультур и концептосфер. Монография адресуется широкому кругу лиц, интересующихся современными тенденциями в языкознании — сопоставительная лингвокультурология, сопоставительная когнитивистика. Значимость предлагаемой монографии заключается прежде всего в том, что исследование закрывает лауну в методологическом плане, демонстрируя новый взгляд, систему методов и методик, в своей совокупности репрезентирующих широкий исследовательский диапазон в плане разработки новых путей и способов познания языковой действительности.

Монография имеет хорошо продуманную структуру, что существенно облегчает ориентацию в рассматриваемом авторами проблемном поле. Монография состоит из двух частей. Часть I «Русский язык в пространстве современной коммуникации и духовные константы русской культуры» представлена двумя главами: гл. 1 «Русский речевой этикет: “свое” и “чужое”» и гл. 2 «Культурные доминанты и ценности в русском языке». Часть II «Русская и англоязычная лингвокультуры: контрастивный анализ» также представлена двумя главами: гл. 3 «Универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки» и гл. 4 «Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов)».

Содержание каждой главы имеет логичную структуру, каждая из глав включает несколько подразделов, заканчивается выводами, сопровождается списком литературы и словарей. Подобное членение содержания свидетельствует о тщательности и полиаспектности исследования.

В первой части монографии «Русский язык в пространстве современной коммуникации и духовные константы русской культуры» в главе «Русский речевой этикет: “свое” и “чужое”» (Т. А. Воронцова) изучаются особенности вербальной реализации бинама «свой — чужой» в коммуникативном сознании на примере формализованных и неформализованных этикет-

ных ситуаций в русской лингвокультуре. Этикет, нормы этикета рассматриваются как культурноспецифичные феномены. Специфика речевого этикета проецируется на систему средств, используемых в виртуальной коммуникации: интернет-коммуникация, СМС-коммуникация, мессенджеры и др. Прагматический потенциал жанров виртуального дискурса (чат, форум, блог, электронное письмо, дневник и многие другие) являет собой широкое пространство для изучения актуализации многочисленных современных дискурсивных практик. Обращение Т. А. Воронцовой к русскому речевому этикету способствует более глубокому проникновению в осознание идентичности, с одной стороны, и выявлению причин и условий трансформации прототипических формул речевого этикета в условиях глобального виртуального дискурса, с другой. При рассмотрении вопроса о формализованных этикетных ситуациях автор справедливо обращает внимание на процессы десемантизации. Считаем, что именно этот аспект является наиболее перспективным, так как это напрямую соотносится с исследованиями не только в аспекте анализа функционально-семантического потенциала слова, высказывания, наиболее полно раскрывающегося при анализе их употреблений, но и изучение функционально-прагматического потенциала. Рассмотрение виртуального дискурса как пространства, в котором наблюдаются модификации прагматического значения, может способствовать формированию нового направления в лексикографии — речевая лексикография. Именно в рамках речевой лексикографии могут быть изучены и систематизированы ситуативные значения формул речевого этикета, в том числе анализ этих формул как дискурсивных маркеров. Заслуживает внимания обращение автора данного раздела к перлокутивному эффекту в разных коммуникативных ситуациях: одни и те же речевые формулы могут демонстрировать разной степени актуализации интенсивности перлокутивного эффекта. В данном разделе монографии выделяются формализованные этикетные ситуации и параметры, которые необходимо учитывать в этом типе ситуаций. Интерес представляет рассмотрение стилистического потенциала этикетных формул в сопоставлении с фразеологизмами. Детально анализируются лексические и грамматические аспекты, способствующие процессам десемантизации.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный формулам русского речевого этикета

в виртуальной коммуникации; анализируется специфика традиционной, коммуникативной рамки в российской коммуникации. И, несмотря на то, что раздел посвящен русскому этикету, мы наблюдаем сопоставительный анализ испанской и английской культур виртуального общения. Важным считаем мнение автора о стилистическом регистре виртуальной коммуникации. Анализ неформализованных этикетных ситуаций сопровождается выделением типов таких ситуаций, степени информативности, психологических установок и механизмов коммуникативного воздействия, а также анализируются эмотивная составляющая и степень клишированности.

Глава 2 «Культурные доминанты и ценности в русском языке» (Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева) посвящена исследованию актуализации традиционных ценностей русского народа в сознании носителей русского языка путем привлечения данных целого ряда словарей, в том числе историко-этимологического словаря русского языка П. Я. Черных, этимологического словаря М. Фасмера и многих других не менее значимых словарей. На основе трех культурных доминант русского мира ТРУД, ДОМ, ЯЗЫК авторы демонстрируют системный лингвокультурологический анализ культурных доминант, который успешно может быть использован в отношении других систем наименований культурных доминант, актуальных не только для концептосферы русского языка. Наряду с представленной, тщательно продуманной, методикой выявления и описания концептуальных связей между культурными доминантами, анализируется категория времени и ее языковые репрезентации. В качестве материала выступают этимологические, толковые, фразеологические словари. Аналогичный полисистемный подход используется к анализу концептов, актуализирующих число. Авторы акцентируют внимание на сложности, неоднозначности и диффузности числового пространства в аспекте этноязыковой специфики в пространстве лексикологии, в том числе фразеологии и паремологии. Безусловно привлекает внимание анализ категории рода, представляемой авторами как «русской» категории, что позволяет читателю обратить внимание на культурный контекст грамматической категории — осмысление грамматической категории через призму культуры. На основе логичных, аргументированных позиций исследователи анализируют категорию рода в русском языке на основе описания антропоморфической составляющей, лабильности имени су-

ществительного, концептуального содержания, логического подхода к языку, когнитивного основания в целом, теории прототипов. Как мы видим, представлено полиаспектное, глубокое описание грамматической категории, позволяющее увидеть все грани этого феномена в языке русского этноса. Анализ актуализации идеи служения в национальном сознании на основе вербализаторов СЛУЖИТЬ, ДОЛЖНОСТЬ, СЛУГА, СЛУЖЕБНЫЙ демонстрирует трансляцию глубинных идей о ценностной шкале восприятия человеком смысла жизни. Культурная доминанта искренности изучается на основе описания семантического потенциала, значимости для русской ментальности. Как и в предыдущих разделах, во второй главе представлен богатейший материал из толковых, фразеологических словарей. Справедливо мнение исследователей об универсальном характере коммуникативного поведения представителей русского этноса. Особого интереса безусловно заслуживает исследование аксиологических доминант русской культуры, транслируемых в художественном тексте через восприятие в семье, образование, деятельность.

Вторая часть монографии «Русская и англоязычная лингвокультуры: контрастивный анализ» представлена двумя главами. Глава 3 «Универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки» (С. А. Питина) представляет актуальный материал в области сопоставительной лингвокультурологии. С. А. Питина анализирует тенденции стереотипизации, общие характеристики и национально-специфические репрезентации восприятия стереотипов. Анализ реализуется на основе тщательного изучения особенностей номинации праздников, растений, этнонимов, топонимов, годонимов, урбанонимов. В разделе освещаются вопросы лингвистики повседневности в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте. Заслуживает внимания перспективность анализа этнонимов (эндоэтнонимов и экзоэтнонимов) в аспекте глобализационных процессов, усиления речевой агрессии, снижения лингвотолерантности. Считаю данный аспект исследования новаторским, учитывая возможность анализа в этом проблемном поле с учетом стилистического регистра. Изучение топонимов, микротопонимов, урбанонимов, годонимов привлекает внимание богатым эмпирическим материалом. Здесь обнаруживаются уникальные особенности номинаций глобального характера. Наряду с глубоким лингвистическим анализом эмпирического материала автор

выявляет причины когнитивного диссонанса, связанного с происхождением номинаций, переосмыслением значений. Лексический аспект исследования демонстрирует наличие универсалий и уникалий. Отсутствие исследований в данных подсистемах представляет широкие перспективы для лингвокультурологов.

Глава 4 «Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов)» (Е. В. Шелестюк) представляет оценку методологического потенциала применения концептуального анализа в исследованиях дискурса, корпуса текстов. Концептуальный анализ позволяет выявить ядерные, вспомогательные и периферийные концепты. Кластерный анализ способствует их группировке в концептуальные поля. Безусловно, представленный раздел коллективной монографии вызывает интерес, так как демонстрирует применение автоматизированных семантических методов для изучения текстов. Корпусный анализ позволяет выявить концептуальный состав, иерархию концептов, когнитивные особенности восприятия предметных ситуаций. Наряду с лингвистическим анализом в фокусе внимания автора раздела оказываются и экстралингвистические факторы (оценка психологического состояния, установки, интересы, ценности индивидов, социальных групп). В исследовании проводится сопоставительный анализ концептосфер советской военной поэзии, посвященной Великой Отечественной войне, и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне. В качестве материала выступают готовые подборки русскоязычной и англоязычной поэзии. Не вызывает сомнения теоретическая значимость исследования, поскольку разработанная методология успешно может быть применена к анализу других концептосфер. Содержательно-смысловое устройство художественного текста описывается в парадигме семантического пространства, которое, в свою очередь, предполагает совокупность концептуального, денотативного и эмотивного пространства. Е. В. Шелестюк вступает в дискуссию о содержательной стороне концепта, аргументированно обосновывая свою позицию. Как известно, «...у концептов нет национальности в обобщенном смысле “национальности по паспорту”. Но у концепта есть “родной дух”, запечатленный привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят...» [3, с. 63]; «концепт — это как бы сгу-

сток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 43; см. также: 2; 4]. В исследовании производится тщательный анализ методов вербализации художественного концепта с учетом композиционного-стилистических особенностей, импликаций. Обоснованным считаем сравнение семантического и концептуального полей, выделение их специфики и описание взаимосвязи актуализации. Кроме того, выводы исследователя относительно концептуальной структуры корпуса текстов могут быть успешно экстраполированы на национальную картину мира. Следует признать, что в гуманитарных исследованиях термины сфера, пространство настолько прижились, что рассматриваются как естественные и логичные; семантическая сфера / семантическое пространство, концептуальная сфера / концептуальное пространство. Автор раздела использует понятие концептосфера, а до концептосферы Ю. М. Лотман ввел в научный обиход термин семиосфера: «...любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а всё присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [1, с. 165]. В связи с предлагаемым в монографии подходом к концептосфере, концептуальному полю Е. В. Шелестюк выявляет совокупность языковых единиц, которая по своей сути устойчива в ядре и вариативна в периферии. Эта совокупность абстрактных и конкретных символов / концептов представляет моделируемые концептосферы советской и англоязычной военной поэзии. Важным рассматриваем наблюдение о возможности трансформации концептуальной структуры в зависимости от материала, параметров автоматического анализа.

В монографии, таким образом, представлены материалы для научной дискуссии по широкому кругу вопросов, связанных с актуализацией культуры в пространстве языка. Как мы видим, осталось много лакун, нерешенных задач, ждущих своего исследователя. Монография ориентирована на побуждение интереса к лингвистическим изысканиям в лингвокультурологии, сопоставительной лингвокультурологии, корпусной лингвистике, концептологии, дискурсологии, лингвистической прагматике. Фундаментальность,

логика, глубина проникновения в суть языковых фактов позволяют утверждать, что монография занимает достойное место среди научных исследований по теории и методологии лингвистики.

Список источников

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки славянской культуры, 1999. 465 с.
2. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 176 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
4. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.

References

1. Lotman YuM. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside Thinking Worlds]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury; 1999. 465 p. (In Russ.).
2. Prohorov YuE. V poiskah koncepta. 2 ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ.; 2009. 176 p. (In Russ.).
3. Stepanov YuS. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 3 ed. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.).
4. Stepanov YuS. Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. 248 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

С. В. Шустова — доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

S. V. Shustova — Doctor of Philological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
LOIACIABATCORI
CRVDELSALEXINIE
CARMINENOSTRI
REMEMORIAMFIDN.VN
MONTIBVSELSIN
LOIACIABATCORI
CRVDELSALEXINIE
CARMINENOSTRI